

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»

На правах рукописи

РОДИОНОВА ЭЛЬБИ ВИТАЛЬЕВНА

**ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Специальность 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(чувашская литература)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Ермакова Г.А.

Чебоксары – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
<p style="text-align: center;">ГЛАВА I. ЧУВАШСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1956 – 1969 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.....12</p>	
1.1. Проблемы метода изучения истории чувашского литературоведения.....	12
1.1.1. Внутрилитературные и внелитературные факторы развития литероведения.....	13
1.1.2. Проблемы периодизации истории чувашской литературы.....	19
1.2. Реабилитация чувашеведческих наук и целого ряда писателей.....	22
1.3. Борьба литераторов за сохранение родного языка и национальной формы культуры.....	33
1.4. Поиск литературоведческих ориентиров. Г. Хлебников.....	46
1.5. Нетрадиционные научно-теоретические позиции в практике молодых чувашских художников слова.....	53
<p style="text-align: center;">ГЛАВА II. ЧУВАШСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1970 – 1986 ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ЗАСТОЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ШКОЛ.....72</p>	
2.1. Литероведение 1970 – 1979 годов.....	73
2.1.1. Застой научно-теоретической мысли.....	73
2.1.2. Проблемы в изучении литературного процесса.....	81
2.1.3. Роль литобъединения «Сильсюнат» в подготовке творческих и научных кадров.	90
2.2. Литероведение 1979 – 1986 годов.	98
2.2.1. Проблемы создания «Истории литературы».....	98
2.2.2. Оживление литературно-критической и научно-теоретической мысли.	
А. Хузангай.....	107

ГЛАВА III. ЧУВАШСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1987 – 2000 ГОДОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ.....	129
3.1. Чувашское литературоведение 1987 – 1993 годов.	130
3.1.1. Проблемы возвращения национальных ценностей.	130
3.1.2. Новая история чувашской литературы. Ю. Артемьев. В. Родионов.	142
3.2. Чувашское литературоведение 1994 – 2000 годов.	163
3.2.1. Литературоведение в системе академической науки.	163
3.2.2. Научно-теоретические и методологические поиски литературоведов. Г. Федоров.....	167
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 178
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации определяется тем, что недавно ушедший в историю XX век требует целостного видения, определения своей неповторимой уникальности вместе со всеми достижениями и падениями, происходившими в общероссийском пространстве двадцатого столетия. Такие обобщающие научные разработки нужны и в сфере чувашской литературоведческой мысли. Проблема актуализируется ее включенностью в Республиканскую целевую программу «Культура Чувашии: 2010 – 2020 годы», в которой предусмотрено создание и издание коллективной монографии «История чувашской литературы XX века»¹. В первой части данного труда рассмотрена история чувашского литературоведения первой половины XX в.

Степень изученности темы. Наука о чувашской литературе второй половины XX в. до настоящего времени оставалась не изученной, кроме отдельных статей Н. Павлова², Ю. Артемьева³, Ю. Григорьева⁴, В. Эзенкина⁵ и других исследователей проблемы чувашского литературоведения⁶. Хотя издавались очерки чувашского литературоведения и критики Н. Павлова⁷ и учебные пособия В. Эзенкина⁸, в них исследовательский материал ограничен

¹ Коллективный труд разрабатывает Чувашский государственный институт гуманитарных наук с конца 2009 г. Первая часть монографии издана в 2015 г. См.: История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900 – 1955 годы): коллективная монография / Родионов В.Г., Федоров Г.И., Мышкина А.Ф. и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.

² Павлов Н. Обзор работ по чувашскому литературоведению за 1963 – 1966 гг. // Учен. зап. ЧНИИ, в. 34. Чебоксары: ЧНИИ, 1967. С. 205-216.

³ Артемьев Ю. Задачи по плечу // Лит. Россия. 1980. Февраль, 29; Артемьев Ю. Чёрё критика аста? // Таван Атл. 1990. 2 №. 51 с.

⁴ Григорьев Ю. Обзор чувашского литературоведения за 1963 – 1966 гг. // Учен. зап. ЧНИИ, в. 34. Чебоксары: ЧНИИ, 1967. С. 186-193.

⁵ Эзенкин В. Обзор работ по чувашскому литературоведению за 1970 -1972 гг. // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. статей, в. 3. Чебоксары: ЧНИИ, 1974. С. 233-250. Эзенкин В. Теория литературы и критика в системе литературного образования // Высшая школа – народному хозяйству Чувашии: Тез. докл. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1992. С. 94-95.

⁶ Родионов В. Вăхăт тивёсё // Таван Атл. – 1988. – 4 №. – 49-53 с.; Александров С.А. 1970 – 1980-мёш сұлсенчи литературоведенипе критикари тўнтер социологин хăш-пёр енёсем // Сăнар: тѣпчевсем. Шупашкар: ЧГИГН, 2000. 116-132 с.

⁷ Павлов Н. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 146 с.

⁸ Эзенкин В.С. Чăваш литературоведенийёпе критика историйён кёске очеркё (1956 – 1970). Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 1989. 78 с.; Эзенкин В.С. Теоретические основы чувашской литературной критики: 1917 – 1970-е годы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 200 с.

начальными периодами и анализирован с позиции устарелых методов, история литературоведения не показана в ее динамике и противоречиях. В частности, монография Н. Павлова охватывает лишь первое десятилетие исследуемых в данной диссертации этапов становления современного литературоведения. Работа ученого написана от начала до конца с точки зрения марксистско-ленинской эстетики и так называемой «теории о двух культурах». Подобный подход устарел еще в доперестроечные годы и был осужден в 1980-х гг. В книгах В. Эзенкина рассматривается чувашская литературная критика 1956–1970-х гг. Исследователь написал свои труды с позиции «нейтрального наблюдателя», без аксиологических оценок и без выявления движущих сил в науке о литературе. Уровень современного чувашского литературоведения требует написания ее истории путем показа столкновений новаторов с консерваторами, сторонников комплексного художественно-поэтического анализа с последователями вульгарного социологизма. Здесь не обойтись без ввода в научный оборот тех новых документов, которые ярко отражают противоречия, существовавшие между этими противостоявшими друг другу в советскую эпоху силами. По данной причине в диссертации широко используются воспоминания и письма писателей, а также их отдельные произведения. Все эти факторы оказали влияние на выбор темы и метода исследования данной диссертации.

По проблемам литературоведения региона имеется солидная монография А. Закирзянова, выводы которой явились хорошим подспорьем для контекстного рассмотрения той или иной проблемы по теме диссертации⁹. К сожалению, для полного типологического сравнения в ней отсутствуют более ранние истории татарского литературоведения второй половины XX в. Кроме того, аспекты динамики (хода развития, изменения) литературоведения в монографии татарского ученого не являются основной целью¹⁰. Проблеме развития

⁹ Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (конец XX – начало XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. 320 с.

¹⁰ Вот как сформулировал ее автор монографии: «Основной целью исследования является определение теоретических, методологических особенностей научно-критических трудов во всех областях современного татарского литературоведения, выявление их состояния, перспектив и тенденций развития (Там же, с. 7).

башкирской литературной критики посвящена диссертация С. Исянгуловой¹¹. В содержание термина «литературоведение» автор диссертации включает следующие его области: теорию литературы, историю литературы и литературную критику. Вспомогательными дисциплинами являются текстология, атрибуция и др. Эти области литературоведения развивались неравномерно, поэтому их этапы становления целесообразнее рассматривать по основным хронологическим периодам.

Цель данной диссертации – прослеживание этапов становления современного чувашского литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли второй половины XX в., выявление основных факторов его изменения. В соответствии с поставленной целью в диссертационной работе решаются следующие **задачи**:

- рассмотрение процесса становления современного чувашского литературоведения по хронологически последовательным этапам;
- изучение внешних и внутренних факторов, оказавших воздействие на ход развития чувашского литературоведения в различные его периоды;
- раскрытие противоречий, существовавших между новаторами и консерваторами в отдельные периоды истории литературоведения.
- выявление особенностей каждого периода во всех основных областях литературоведения;
- оценка значимости исследовательских работ ученых того или иного периода с точки зрения современных достижений литературоведения.
- выявление истоков формирования движущих сил в чувашском литературоведении (научных школ, творческая практика поэтов и художников);
- описание процесса возвращения национальных ценностей, в том числе реабилитации чувашских писателей;
- выделение новых теоретических и историко-литературоведческих концепций в чувашской науке о литературе рубежа XX и XXI вв.

¹¹ Исянгулова С.С. Динамика развития башкирской литературной критики в 1953 – 1985 годы: проблемы, жанры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: БГУ, 2011. 22 с.

Объектом исследования являются научные труды по проблемам теории и истории чувашской литературы, созданные во второй половине XX в.

Предметом исследования являются внешние и внутренние факторы изменения чувашского литературоведения во второй половине XX в. в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли, противоборство прогрессивных и регрессивных сил в науке о литературе, процесс возвращения национальных ценностей, теоретические и историко-литературоведческие концепции.

Научная новизна определяется системным изучением хода развития (динамики) чувашского литературоведения по отдельным периодам второй половины XX в., выявлением внелитературных и внутрилитературных факторов его изменения. На основе современных теоретических и методологических достижений отечественного литературоведения впервые:

- описываются социокультурные и общественно-политические предпосылки изменений в чувашском литературоведении второй половины XX в.;

- выявляются особенности каждого периода во всех областях литературоведения в контексте региональной и отечественно литературно-эстетической мысли;

- производится внеклассовая оценка историко-литературных явлений и творчества писателей;

- прослеживаются пути формирования новых научных и литературно-творческих школ, внесших свой вклад в чувашскую литературоведческую мысль;

- описывается процесс возвращения традиционных ценностей чувашского народа и произведений незаслуженно забытых писателей;

В диссертации в научный оборот введены многие архивные материалы, остававшиеся до настоящего времени не изученными.

Теоретической и методологической основой исследования являются капитальные труды М.М. Бахтина¹², Д.С. Лихачева¹³, И.Г. Неупкоевой и

¹² Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Ю.Б. Виппера¹⁴ и других ученых по проблемам истории и теории сравнительного литературоведения¹⁵, труды таких региональных исследователей, как Ю.Г. Нигматуллина¹⁶, Р.К. Ганиева¹⁷, Д.Ф. Загидуллина¹⁸, А.М. Закирзянов¹⁹, В.Р. Аминева²⁰, чувашских литературоведов Ю.М. Артемьева²¹, В.Г. Родионова²², Г.И. Федорова²³ и др. В работе широко использованы работы региональных литературоведов по проблемам сравнительного и сопоставительного литературоведения²⁴.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1956 – 1969 гг. «советоцентричные» литературоведы пытались полностью избавиться от «национального» в чувашской литературе, в том числе и народной поэзии. Их усилиям упорно противостояли писатели старшего поколения, а также молодые ученые из Казанской литературоведческой школы.

¹³ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. М.: Просвещение, 1980. 462 с.

¹⁴ Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. 360 с.; Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история (о западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века). М.: Наука, 1990. 318 с.; Виппер Ю.В. Вступительные замечания // История всемирной литературы / В 9 томах. Т.1. М.: Наука, 1983. С. 5-12.

¹⁵ Михайлов А.В. Проблема переходного периода // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 612-613; Боров Ю.Б. Непреходящий характер художественных ценностей // Там же. С. 613-614 и др.

¹⁶ Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур. Казань: ФЭН, 1997. 190 с.; Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 167 с.; Нигматуллина Ю.Г. Системно-комплексное исследование художественного творчества: история научного направления в Казанском университете. Казань: Фэн, 2004. 251 с.

¹⁷ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 272 с.; Ганиева Р.К. Декадентские мотивы в татарской литературе (первая четверть XX в.) // Милли меденят. 2005. №7. С. 10-16.

¹⁸ Загидуллина Д.Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 207 с.

¹⁹ Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (конец XX – начало XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. 320 с.

²⁰ Аминева В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 476 с.

²¹ Артемьев Ю.М. Методологические маргиналии // Известия НАНИ. – 1996. – № 5. – С. 11-28.

²² Родионов В.Г. История чувашской литературы XX в. (Концепция) // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 104-121.

²³ Федоров Г.И. К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: Некоторые размышления // Там же. С. 122-137; Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950 – 1990-х годов: Монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 304 с.

²⁴ См. некоторые из них: Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: Сборник научных статей. Чебоксары: Новое время, 2010. 140 с.; Особенности концепций творчества в культуре Урало-Поволжья: Материалы межрегион. научн.-практ. конф. Чебоксары: Новое время, 2013. 230 с.; Проблемы создания истории литератур народов Поволжья: материалы регион. научн.-практ. конф. Чебоксары: Новое время, 2014. 280 с.

2. В художественной практике ряда молодых поэтов 1956 – 1969 гг. обнаружилось нетрадиционные литературно-теоретические взгляды и позиции, выходящие за рамки официально признанного соцреализма. Они предвещали приход на смену «плакатной» совершенно новой, модернистской культуры. В данном движении обнаружилось европоцентричные и востокоцентричные устремления. В данный период проблемы создания новой истории чувашской литературы не были разрешены по причине полного совпадения в те годы интересов официальной власти и «советоцентричных» историков литературы и критиков.

3. В 1970 – 1986 гг. теория чувашской литературы развивалась весьма неравномерно: наиболее зыбкими оказались представления о «недоразвитости» словесного искусства целого ряда народов СССР. Чувашское прогрессивное литературоведение данного периода, упорно преодолевая сопротивление консерваторов, постепенно освобождалось от такого «иерархического» подхода к культурам народов СССР.

4. В 1970 – 1980-е гг. в чувашском литературоведении, как и в самой литературе, происходил процесс возвращения к национальным традициям и истокам художественно-поэтического сознания. Наличие подобного процесса в литературах и других народов региона указывает на его типологический характер. Подъем национального начала в литературах региона тесно связан с разрушением прежних ценностей и канонов в культуре, в том числе и метода социалистического реализма.

5. В 1987 – 1993 гг. получили свои права на существование нереалистические творческие течения и школы (авангардизм, этнофутуризм и др.). В науке о чувашской словесности была разработана методика комплексного изучения устного и письменного текстов в контексте региональных культур. Ученые постепенно приходят к бахтинской идее диалога культур, к новым возможностям ее применения. В те годы литературоведы смело вторглись в пространство пограничья других гуманитарных наук.

6. Возвращение литературного наследия в активный фонд современной культуры народа заставило академических литературоведов по-новому осмыслить историю и теорию чувашской литературы, прежде всего дореволюционного периода. Чувашская литература обрела свои исконные корни, начался процесс перехода от изжившей себя культурной и научной парадигмы к новой, соответствующей требованиям современности и отвечающей на вызовы совершенно незнакомого советским людям мира.

7. В 1994 – 2000 гг. чувашские литературоведы активно стали использовать герменевтический подход, изучать нереалистическую поэзию нетрадиционными методами, в том числе теорией читательского восприятия. На фоне отсутствия в те годы четких научно-теоретических и методологических ориентиров ярко выделились научные труды Г. Федорова, который, развивая теорию М. Бахтина, выдвинул концепцию взаимодействия Художника и Автора. Научные труды Г. Федорова подняли чувашскую научно-теоретическую и литературно-историческую мысль на уровень общеевропейского литературоведения.

8. В 1990-е гг. началось системное изучение родов и видов чувашской литературы, ее жанров в исторической динамике, категорий комического и трагического. Были разработаны несколько концепций будущей академической и вузовской «Истории чувашской литературы». На их основе позже была создана концепция теоретической «Истории чувашской литературы XX века».

Практическое значение работы Основные положения диссертационного исследования, его выводы могут быть использованы в дальнейших поисках по выявлению особенностей развития теории и истории чувашской литературы в контексте региональных литератур, при написании второй части коллективной монографии «История чувашской литературы XX века». Результаты исследования могут быть использованы в разработке школьных и вузовских программ, лекций, спецкурсов и учебных пособий по истории чувашской литератур XX в. Полученные результаты также будут способствовать выработке методики проведения динамического анализа литературного процесса.

Апробация результатов. Основные положения и результаты исследования изложены в статьях, опубликованных в научных изданиях «Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева» (Чебоксары, 2013), «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2015), «Вестник Чувашской народной академии наук и искусств» (Чебоксары, 2015), а также озвучены в докладах и выступлениях на международных, всероссийских и межрегиональных конференциях. Кроме этого, материалы исследования размещены в журнале «Лик» и в коллективной монографии «История чувашской литературы XX века. Часть 1. (1900 – 1955)». По теме диссертации опубликовано 17 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с соответствующими разделами, заключения и списка использованной литературы. Последовательность глав отражает исторические этапы становления современного чувашского литературоведения.

ГЛАВА I. ЧУВАШСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1956 – 1969 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

1.1. Проблемы метода изучения истории чувашского литературоведения

Методологической основой отечественного литературоведения советского периода послужила, как известно, ленинская теория о двух культурах в каждой национальной культуре, а также теория о трех этапах национально-освободительного движения в Российском государстве. Попытки создания совместной истории литератур народов СССР дооктябрьского периода на вышеназванной теоретической базе не увенчались успехом: «помешала так называемая перестройка с ее логическим завершением – распадом СССР»²⁵. По утверждению В. Родионова, одного из авторов этой не завершенной многотомной монографии, опыт, накопленный в ходе создания данного уникального труда не только был сохранен, но и обогащен исследованиями ученых из регионов постсоветского пространства²⁶. Их вдохновляли теоретико-методологические разработки руководителя научной группы Р. Юсуфова, который опирался на традиции Д. Лихачева в области создания теоретической истории национальных литератур²⁷.

В современной науке идет поиск новых методов исторического изучения литератур народов Российской Федерации, методологии отечественного литературоведения. Некоторые исследователи заявляют о смене традиционной парадигмы литературоведения²⁸. Этот факт не позволяет говорить о том, что жанр «Истории» изжил себя как предмет и объект научного познания (к такому мнению

²⁵ Родионов В.Г. История чувашской литературы XX в. (Концепция) // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 107.

²⁶ Там же, С. 107.

²⁷ Юсуфов Р.Ф. История литературы в культурфилософском освещении. М.: Наука, 2005. 435 с.

²⁸ Земсков В.В. Жанр «Истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т.62. №3 С. 3-11.

приходят авторы статей «Нового литературного обозрения»²⁹. Хотя и зачастую путем метода проб и ошибок, но все же развивается литературоведение отдельных регионов России. В 2005 г. Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург) был издан план-проспект «История литературы Урала», который, по утверждению создателей этого уникального проекта, нацелен на координацию научных сил для создания академической истории литературы Урала, включающей как русскоязычную литературу региона, так и литературы народов Урала (башкир, коми, удмуртов)³⁰. ИЯЛИ АН Татарстана пишет историю татарской литературы XX в. (запланировано издать пять томов). Удмуртские литературоведы усердно пытаются находить новые методологические ориентиры, что можно обнаружить в их новых разработках³¹.

Чувашские литературоведы с 2009 г. работают над созданием «Истории чувашской литературы XX века», первая часть которой была издана в 2015 г.³². Концепцию коллективного труда из двух частей разработали доктора филологических наук В. Родионов (часть 1) и Г. Федоров (часть 2)³³. В диссертационной работе эти теоретические выкладки легли в ее основу.

1.1.1. Внутрিলитературные и внелитературные факторы развития литературоведения

В развитии литературы участвуют, как известно, внутрিলитературные и внелитературные факторы³⁴. К первым относятся область поэтики и закономерности взаимоотношений литературы с устным поэтическим

²⁹ Щербенок, А. История литературы между историей и теорией: история как литература и литература как история // Новое литературное обозрение. 2003. № 1(59) С. 158–170.

³⁰ История литературы Урала: план-проспект. Екатеринбург: УрОРАН; Изд-во АМБ. 2005. 84 с.

³¹ Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX в.: Учебное пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2002. 262 с.; Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / науч. ред. Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.

³² История чувашской литературы XX века. Часть первая (1900 – 1955 годы). Чебоксары, 2015. 431 с.

³³ Родионов В.Г. История чувашской литературы XX в. // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 104-121; Федоров Г.И. К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: Некоторые размышления // Там же. – С. 122-137.

³⁴ Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века). М. : Наука, 1990. С. 296.

творчеством (фольклором), а также другими видами национальных искусств. В состав внелитературных факторов следует включить социально-общественные, этнические и политические процессы. Довольно часто эти факторы сложно переплетены, они тесно соприкасаются и взаимодействуют.

Исследователь Ю. Виппер полагает, что основной единицей «Истории» является «национальная литература в своей целостности и внутренней диалектике», а объектом внимания и характеристики должен стать, прежде всего, тот писатель, который вложил «заметный вклад в развитие родной литературы»³⁵. Лишь целостное изучение литературного процесса способствует раскрытию его внутренней диалектики, обусловленной «борьбой противоречивых тенденций»³⁶.

До начала XX в. чувашская литература была подчинена в основном просветительским целям, поэтому она не имела своей автономии, точных ограничительных границ. Литература являлась многофункциональной, со строгой иерархией как фольклорных, так и литературных (религиозной и светской) жанров. По определению авторов концепции, XX в. – это целая эпоха смены литературных течений и направлений. Художественная литература начинает свою полнокровную, самостоятельную жизнь, не очень реагируя на фольклор. Наоборот, фольклор интенсивно начинает развиваться в авторских вариантах, т.е. он частично обретает черты индивидуально-авторского творчества. Правда, как отмечается в концепции, еще на рубеже XIX – XX вв. система жанров литературы активно дополняется рядом фольклорных жанров. Подобный процесс проходил, как замечает Д. Лихачев, и в древнерусской литературе³⁷.

Следующей внутрикультурной (имеется ввиду культура художественная) проблемой, как отмечает В. Родионов, является рассмотрение литературного процесса в кругу искусств. В свое время М. Бахтин особо подчеркивал важность изучения литературного процесса в тесной связи с «глубоким анализом культуры»³⁸. «Литература и все виды других искусств управляются воздействием

³⁵ Виппер Ю.Б. Вступительные замечания // История всемирной литературы/ В 9 томах. Т. 1. М., 1983. С. 8.

³⁶ Там же.

³⁷ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 44-47.

³⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 330.

социальной действительности, находятся в тесной связи между собой и составляют в целом одну из наиболее показательных сторон развития культуры, — отмечает Д. Лихачев важность культурного контекста в истории литературы. — Вот почему при построении истории литературы, в том числе и литературоведения, показания других искусств помогают отделить значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного»³⁹.

Сопоставительное изучение литературы с другими искусствами, как замечают авторы концепции, не должно сводиться лишь к поиску аналогии и сходств. Не менее важным аспектом является выявление их различий и своеобразия. По мнению В. Родионова, в определенные периоды внутри одной культуры они выполняли компенсаторные функции по принципу дополнительности.

В чувашской литературе имеются жанры (романсы, песни, драмы), в которых слово синтезировано с музыкой; общими для поэзии и изобразительного искусства являются национальная цветосимволика, язык образов, мировидение и т.д. Геометрическая зеркальность народной вышивки сопоставима с некоторыми особенностями поэтики художественной литературы (разного вида повторы, образный параллелизм в поэзии, цикличность и др.).

По мнению авторов концепции, требует своего решения проблема изменчивости содержания литературоведческих терминов. По убеждению Вл. А. Лукова, комплексный подход к изучению литературного процесса осуществляет так называемый «историко-теоретический подход», опирающийся, с одной стороны, на теоретические выкладки, а с другой стороны, на необходимость внесения в теорию исторического момента. Главной особенностью данного подхода считается признание того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Применяя известную терминологию к подобным явлениям, историк литературы обязан корректировать содержание используемых им

³⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Просвещение, 1973. С. 29.

терминов с учетом исторического момента⁴⁰. Очевидно, не просто исторического, а национально-исторического момента, ибо литературы разнотипны и все имеют свое национальное своеобразие.

Автор концепции В. Родионов не соглашается с Вл. А. Луковым и по поводу его принижения возможностей типологического подхода к литературным процессам, в особенности по отношению к однотипным словесным культурам. Если исследователь умело корректирует содержание используемых им литературных терминов, то обнаруженные типологические аналоги и сходства могут быть полностью результативными в плане их объективности. Так, для изучения чувашской литературы начала XX в. весьма полезно знание аналогичного процесса в татарской культуре того же периода. Как уже было отмечено, необходимость непримиримой борьбы со средневековыми устоями в культуре и религии вынудила основную часть татарских писателей стать публицистами и сатириками, активно развивать комическое начало в литературе, жанры комедии, памфлета, фельетона. Не случайно в те годы в татарском мире функционировало несколько сатирических журналов, редактором одного из них до самой смерти был великий и гениальный Г. Тукай. У чувашских писателей начала XX в. были несколько иные задачи (борьба с национальным нигилизмом, традиционным консерватизмом старшего поколения, в том числе и с религиозным просветительством второй половины XIX в. и др.).

Вышеназванные внутринациональные задачи определили литературно-жанровую специфику двух соседних и родственных народов. Следовательно, полагают авторы концепции, типологическое изучение нескольких синхронных литератур внутри одного региона позволяет обнаруживать не только сходства, но и определенные различия. Фундамент истории национальной литературы создается, прежде всего, из фактов и явлений, которые имеют внутриэтнический характер и национальную иерархию ценностей. Выход на другие литературы региона и определение их схожестей и несхожестей позволяет литературоведу

⁴⁰ Луков Вл. А. Концепция теоретической истории литературы Д.С. Лихачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Lukov_Likhachev/

совершенно по-новому, со стороны увидеть исследуемый объект и полнее определить его специфику, своеобразие и самобытность.

По глубокому убеждению авторов концепции, возможности типологических сравнений далеко не исчерпаны. Прежде всего, в них нуждаются литературоведы, изучающие литературы «ускоренного» развития без прохождения последовательных стадий «классических» литератур. Типологический метод позволяет изучить как внутрилитературные явления, так и внелитературные факторы развития. Подлинная аналитичность в литературных сравнениях преимущественно предполагает типологический поиск. К основному внелитературному фактору развития следует отнести социально-политическую жизнь общества, которой в конечном итоге принадлежит решающая роль. Еще недостаточно изучены под теоретическим углом зрения разновидности, типы, формы и степени взаимодействия и соотношения этих двух факторов (внутрилитературного и внелитературного) развития литературного процесса. По наблюдениям Ю. Виппера, в литературном развитии наряду с плавной эволюцией существенную роль играют и качественные скачки, когда новая литературная система противопоставляет себя тенденциям, на смену которым она идет⁴¹.

Литературный процесс, как полагают авторы концепции, следует осмысливать и с точки зрения философии истории, других наук. Подобный широкий аспект, свободно соприкасающийся с историей, философией, этнологией, социологией, историей общественной мысли и другими сферами науки способствует выявлению связи литературы с историческим движением этноса, этноландшафтом и т.д.⁴². Именно философско-художественный уровень произведений дают наибольшие основания для их причисления к литературе более высокого порядка (регионально-российской, мировой). Основным предметом исследования в подобных случаях становятся не сами процессы

⁴¹ Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века). С. 299.

⁴² Неупокоева И.Г. Указ. соч. С. 10-11.

исторического развития, но история общественного, главным образом – художественного, сознания⁴³.

Особое внимание в современном литературоведении уделяется такому уникальному явлению в художественном творчестве, как национальная идея, которая есть нечто большее, чем ментальность. Как отмечают авторы концепции, в советское время, особенно до 70-х гг., не принято было говорить о национальной идее как о явлении художественном. Затем ее заметили и квалифицировали как «пробуждение и становление национального самосознания»⁴⁴. Лишь в последней четверти XX в. вернулись к народу из спецхранилищ ярко выражающие национальную идею произведения «забытых» писателей (братьев Турханов, Г. Комиссарова-Вандера, А. Милли, М. Юмана и др.).

«Социалистический реализм», который полностью исключал национальную идею и опирался, как известно, на идею-содержание классово-социального объединения всех народов и рас – есть категория идеологическая и философская. В советский период литература развивалась не благодаря, а вопреки диктату «социалистического» реализма. Проблему власти и народа, национальной идеи по своему решают В. Митта (перевод «Бориса Годунова» А. Пушкина, цикл-поэма «Тайр»), П. Хузангай («Песни Тилли»), «лагерную» поэзию создает А. Воробьев, на официальную национальную политику властей своеобразно реагирует С. Эльгер (серии его рассказов, стихотворений и писем). Национальная идея в них существует не только в форме определенной данности, она актуализирована как художественная, так и политико-идеологическая задача (для примера следует привести факт обсуждения «национализма» С. Эльгера на пленуме Чувашского обкома КПСС).

Таким образом, без рассмотрения взаимодействий внелитературных и внутрилитературных факторов развития литературы немислимо серьезное изучение литературного процесса. Художественные факторы должны изучаться в

⁴³ Бассель Н. Проблемы межлитературных отношений // Вопросы литературы. 2002. №6. С. 3–18.

⁴⁴ Алиева С.У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма // Нация. Личность. Литература. М., 1996. С. 75.

контексте общественно-политической жизни народа и страны, истории общественного сознания со всеми его разновидностями. Все они должны подчиняться главной цели: целостному изучению литературно-художественного процесса, так как история литературы в определенном смысле есть и «история кристаллизации национальной идеи»⁴⁵.

1.1.2. Проблемы периодизации истории чувашской литературы

В периодизации истории чувашской литературы авторы концепции опираются на «теорию Кондратьева». Согласно теории так называемых «длинных волн» Н. Кондратьева (ее он создал в начале 1920-х гг.), мировая (европейская) капиталистическая экономика движется волнообразно, проходя фазы подъема и спада, достигая в определенные отрезки времени равновесного состояния. Фазы подъема наступают в результате научно-технических изобретений и нововведений. Первый подъем европейской капиталистической экономики осуществился благодаря развитию текстильной промышленности и производства чугуна, резко изменившие экономические и социальные условия европейских обществ. Данная «длинная волна» охватывает 1789–1849 гг. Вторая же волна капиталистической экономики (1849–1896 гг.) была вызвана масштабным строительством железных дорог, которое благотворно повлияло и на развитие сельского хозяйства. Третью волну экономического развития капитализма (1896–1930-е гг.) ученый объяснял широким внедрением электричества, радио и телефона. Перспективу нового подъема экономики Кондратьев видел в автомобильной промышленности⁴⁶. Четвертую волну (1940–1980 гг.) последователи теории Кондратьева связывают с развитием авиастроения и автономной энергетики, а пятую волну (1981–2010 гг.) – с наступлением эпохи

⁴⁵ Султанов, К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы Москва : Наследие, 2001. С. 139.

⁴⁶ Черепков А. Теория «Длинных волн» Н.Д. Кондратьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ss.xsp.ru/st/019/>

компьютеров, интернета, а также биотехнологий. Будущая волна определяется нанотехнологией⁴⁷.

Этапы трансформации русского эстетического и литературно-художественного сознания главным образом совпадают с границами экономических подъемов и падений, в особенности первых трех волн. Как объясняет В. Келдыш, начиная с 40-х гг. XIX в., русская литература развивалась под преобладающим воздействием одного художественного направления (реализма) и многие противоречия разыгрывались внутри него. С утверждением в 1890-е гг. нового, модернистского искусства литературное движение становится, как образно выразился ученый, «полем соперничества двух особых систем художественного мышления»⁴⁸. С этого времени начинает формироваться новое восприятие русской исторической действительности.

Вторая половина XIX в. в татарской, башкирской, чувашской и коми литературах известна как просветительский этап национальных литератур, к которым поэтапно присоединились удмуртская, марийская и мордовская литературы. Поэтому решение просветительских задач в регионе затянулось вплоть до 1920-х гг.

Критическая струя в татарской и чувашской литературах усилилась в 1902–1904 гг. (повесть Г. Исхаки «Исчезновение, спустя двести лет», 1902; поэма П. Орлова «Орауши», 1903) и наряду с критикой действительности в них созревала идея сохранения народов от исчезновения (тат. *инкыйраз*, чув. *сухалу*). Постепенно она легла в основу национальной идеи татарского, чувашского и других народов Урало-Поволжья.

Итак, как считают авторы концепции, качественное изменение просветительского реализма в литературах татарского и чувашского, а потом и других народов происходило в начале XX в. (в чувашской – с 1903 г.). Итоговым

⁴⁷ Акаев А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики управления инновационным процессом // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие. М., 2009. С. 141–162.

⁴⁸ Келдыш В.А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность/ В.А. Келдыш// Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2000. С. 15.

памятником чувашского просветительского реализма стал «Тăхăръял» (Девять деревень) Г. Тимофеева, по жанру тяготеющий к европейскому роману-эпосе.

Русский «серебряный век» начинается в 1890-е гг. и завершается примерно в начале 1920-х гг.⁴⁹. «Золотой век» чувашской литературы после смерти М. Сеспеля по инерции продолжается вплоть до конца 1920-х гг. Следовательно, 1903–1920-е гг. занимают в чувашском литературном процессе отдельный этап с четко выраженной национальной идеей – проблемой свободы личности и возрождения народа).

Новый экономический подъем в 1930-е гг. совпал со становлением в стране тоталитаризма и диктатуры власти, а в советских литературах – «социалистического реализма». Данный этап, по Н. Лейдерману, завершается серединой 1950-х гг.⁵⁰ и состоит из следующих периодов: «1930-е гг.», «период Великой Отечественной войны», «первое послевоенное десятилетие».

Следующий этап советской литературы начинается с середины 1950-х гг. и продолжается до середины 1980-х гг. Он состоит из таких периодов: «период «оттепели» (1955–1969)», «период кризиса соцреалистического канона (1970–1985)».

Завершающий этап: середина 1980-х – 2000 г.⁵¹. При этом Н.Л. Лейдерман замечает, что этот этап не завершен. Здесь на данное время выделяются такие периоды: «период возвращений [литературного наследства и национального идеала] (1985 – 2000)» и «первое десятилетие XXI в. (2000 – 2010)». В 2010 г. конец пятой волны мирового экономического развития полностью сливается завершающим этапом литературного процесса XX в.

Таким образом, литературный процесс, хотя и опосредованно, связан с развитием общественного сознания и динамикой научно-технического прогресса. Однако, как замечает Н. Лейдерман, хронологические границы между отдельными циклами достаточно зыбки, потому что тенденции, господствующие в один период, возникают, как правило, в недрах предыдущего периода и так далее.

⁴⁹ Келдыш В.А. Указ соч. С. 13–68.

⁵⁰ Лейдерман Н.Л. Периодизация русской литературы XX века и текущий литературный процесс [Электронный доступ]. – Режим доступа: http://oldwww.pspu.ru/sci_liter_2005_leiderman.shtml

⁵¹ Там же.

1.2. Реабилитация чувашеведческих наук и целого ряда писателей

Для лучшего понимания особенностей развития литературного процесса в 50–60-е гг. XX в. необходимо вспомнить общественно-политическую и литературно-эстетическую жизнь в СССР и Чувашии в эпоху культа личности Сталина. В годы «великого перелома» наряду с программами индустриализации и коллективизации проводилась и «культурная революция» (в нетрадиционном нашем понимании). Научные сотрудники и преподаватели вузов, творческая интеллигенция в целом подвергались политическим проверкам и чисткам. В искусстве и литературе сверху навязали единственно «верный» художественный метод социалистического реализма, который вытеснил все ранние экспериментальные формы. По утверждению американского профессора Л. Р. Грэхэма, «социалистический реализм был рассчитан на бюрократов, которые сменяли предшествующих, более утонченных и космополитичных революционеров»⁵². Если смотреть на данное поведение Сталина и его команды с точки зрения философии наук и человеческой научно-технической мысли, то можно сказать, что они тянули общество в эпоху доклассических наук, где настоящее знание было перемешано с мистикой, религией и просто невежеством. А в действительности, в первой половине XX в., когда произошли революционные преобразования в области естественных наук, успел формироваться уже стиль мышления неклассической науки, который характеризовался отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы⁵³. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических знаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания⁵⁴. Для литературоведов

⁵² Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Изд-во полит. л-ры, 1991. С. 17-19.

⁵³ Степин В.С. Анализ исторического развития философии науки в СССР // Грэхэм Л.Р. Указ. соч. С. 436.

⁵⁴ Там же.

и искусствоведов, а также философов это означает, что не может быть единого художественного направления в культуре, что литература не только отражает жизнь, но и выражает отношение писателя к действительности и т. д. Фактически, в век новой парадигмы науки сталинское представление об основах знаний и законах природы (оно наглядно проявилось в директивном правлении наукой) немалого задержало ход естественного развития гуманитарных наук в СССР.

Не в лучшем положении оказались интеллектуалы в области естественных и технических наук. В эти годы культа личности все крупные кампании по «чистке науки» были инициированы либо санкционированы непосредственно Сталиным⁵⁵. В 1948 г., в год начала эпохи великого противостояния двух политических систем (холодной войны), объектами идеологических атак стали биология (генетика Н. Вавилова), физика и физиология, ученые серьезно опасались, что в каждой области науки найдется свой собственный Лысенко⁵⁶.

Не лучшим образом складывалась ситуация и в чувашеведческих науках. В годы репрессий 30-х гг. наиболее пострадала чувашская историческая наука, что связано, в определенной степени, с лженаучной яфетической теорией Н.Я. Марра, пользовавшейся вначале большим доверием высшего руководства страны. Основатель «нового учения о языке» касается истории чувашей во многих своих работах, но более подробно толкует о ней в брошюре «Чуваши – яфетиды на Волге»⁵⁷. С одной стороны, ученый как бы возвеличивает предков чувашей, пишет о продолжительном культурном влиянии чувашей на русских (в области языка и эпоса); с другой стороны, такой отход от настоящей науки провоцировал национальную кичливость и националистический накал. Ряд писателей временно увлеклись этой лженаучной приманкой (Н. Золотов, Н. Шелеби), но большая их часть оставалась на стороне Н.И. Ашмарина и его теории о болгарском происхождении народа (Г. Тал-Мырза, М. Юман, С. Эльгер, М. Сеспель, П. Хузангай, В. Митта и др.).

⁵⁵ Там же. С. 429.

⁵⁶ Грэхэм Л.Р. Указ.соч. С. 22.

⁵⁷ Марр Н.Я. Чуваши – яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926. 75 с.

Ученые-историки наиболее последовательно придерживались теории Н.И. Ашмарина и зарубежных лингвистов, доказавших идентичность чувашского и болгарского языков. Здесь особо выделился ученый М.П. Петров (Тинехпи), который в 1928 г. на чувашском языке издал книгу о предках чувашского народа (гуннах и волжских болгарях)⁵⁸. Нападки на исследователя, директора Центрального Чувашского музея начались в 1930 г.⁵⁹, когда в соседней Марийской Автономной области разоблачение «буржуазных националистов» достигло фазы репрессий. В январе 1931 г. был арестован директор областного музея Т.Е. Евсеев и преподаватели разных учебных заведений (всего шесть марийских деятелей науки и культуры). Их судили за пропаганду идеи создания Финно-Угорской Федерации, а также за попытку «контрреволюционной шпионской группы к установлению блока с националистическими кругами удмуртов, мордвы, чувашей и султан-галиевскими элементами»⁶⁰. В справке о мотивах ареста М.П. Петрова от 17 марта 1937 г. указано, что «в распоряжении Управления НКВД имеется целый ряд документов и официальных показаний, устанавливающих практическую деятельность Петрова М.П. как руководителя группы чувашских националистов, связанных с участниками вскрытой к[онтр]-р[еволюционной] националистической организации в Марийской АССР»⁶¹. Там же было отмечено, что данная группа создала теорию болгарского происхождения чувашей, где болгарский период изображался как золотая пора жизни народа. К группе М.П. Петрова (Тинехпи) приписали двух лингвистов (Т.М. Матвеева и Ф.Т. Тимофеева) и двух литераторов (Е.З. Захарова и Н.В. Шубоссинни), всего оказалось в ней десять деятелей чувашской науки и культуры.

Научные труды по языку, литературе и истории чувашского народа именно этих репрессированных деятелей умалчивались вплоть до середины XX в. Соответственно, писать о болгарском периоде или говорить «об общетюркских

⁵⁸ Чăваш историйĕ сĕнчен кĕскен каласа кăтартни. Шупашкар. 1928. 121 с.

⁵⁹ Кузнецов И.Д. Против националистической концепции чувашской истории // Революционный Восток. – 1930. – № 9-№ 10. – С. 207-233.

⁶⁰ Сануков К.Н. Из истории Марий Эл: Трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола, 2005. С. 19.

⁶¹ Щербанов С.В. М.П. Петров-Тинехпи и репрессии 1937 года (анализ материалов уголовного дела №9733) // Чувашский национальный музей: Люди. События. Факты (2008) / Сб. статей. Вып. 6. Чебоксары, 2009. С. 32-36.

элементах в чувашском языке было нельзя: оно приравнивалось к признанию и пропаганде праязыка. Отсюда полный застой в чувашском языкознании»⁶². В чувашском литературоведении запретными являлись книги Г.И. Комиссарова (Вандера), Н. Шубоссинни, Е. Захарова и М. Федорова. Второй и третий были репрессированы и погибли в лагерях НКВД, а первый и четвертый спаслись от ареста бегством из Чувашии. Даже тенденциозному критику Д. Данилову пришлось покинуть г. Чебоксары.

В 1940-е гг. положение чувашеведческих наук осложнилось еще тем, что 9 августа 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об усилении идеологической работы в ОК ВКП(б) Татарской АССР. В нем татарские писатели и ученые обвинялись в идеализации эпохи Золотой Орды; было указано впредь историю своего народа не связывать с этим государством (татары должны были признать себя автохтонами-булгарами)⁶³. 25–26 апреля 1946 г. в Москве провели сессию Отделения истории и философии АН СССР, на которой было «подтверждение» позиции ЦК ВКП(б) об автохтонном происхождении казанских татар⁶⁴. А в январе 1950 г. Отделение истории и философии АН СССР организовало научную сессию по вопросу о происхождении чувашского народа, на которой «докладчики стремились во что бы то ни стало доказать предвзятую идею об автохтонности чувашского народа и рассматривали теорию болгарского происхождения чувашей не заслуживающей никакого внимания, поскольку в первые годы советской власти ее искаженно использовали чувашские буржуазные националисты в своекорыстных целях»⁶⁵. Некоторые лингвисты (например, заведующий сектором чувашского языка НИИЯЛИ при СМ ЧАССР В.Г. Егоров), конечно, не без давления «сверху, в монографии «Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении» отказался от болгарской теории происхождения

⁶² Егоров В.Г. К вопросу о происхождении чувашской и их языка // Записки. Вып. VII. Чебоксары: НИИЯЛИ при Совете Министров ЧАССР, 1953. С. 66.

⁶³ Димитриев В.Д. Чăвашсен иртнĕ пурнăç шăпи тата наци аталанăвĕн паянхи сивĕч ыйтăвĕсем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2001. 25 с.

⁶⁴ Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25-26 апреля 1946 года в г. Москве (по стенограмме). Казань, 1948. 160 с.

⁶⁵ Димитриев В.Д. От редакции // О происхождении чувашского народа. Сб. статей НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Чебоксары, 1957. С. 3.

чувашей в пользу их автохтонного этногенеза⁶⁶. Такая ситуация сложилась и в этнографии: вопреки выводам в капитальных исследованиях Г.И. Комиссарова⁶⁷, Н.В. Никольского⁶⁸ и других ученых казанский этнограф Н.И. Воробьев в угоду официальной позиции стал утверждать, что «чуваши как народность сформировались на месте своего современного обитания из местных первобытных племен, занимавшихся мотыжным земледелием, имевших небольшое по размерам скотоводство, а также являющихся охотниками»⁶⁹. Привязанная партийным постановлением автохтонная теория не способствовала научному разрешению вопросов этногенеза чувашей, «поскольку ее сторонники игнорировали роль тюркоязычных племен – одного из основных этнических компонентов чувашского народа и не занимались изучением ранних этапов их истории»⁷⁰.

Итак, разгромленные в годы сталинских репрессий и ослабленные в период Отечественной войны, чувашеведческие науки потеряли свои былые достижения. Такое состояние продолжалось вплоть до середины 50-х гг. XX в. Лишь в 1956 г., когда в Чебоксарах состоялась научная сессия Чувашского НИИ ЯЛИЭ по вопросам этногенеза чувашей, была реабилитирована история чувашского языка как отдельного языка, входящего в болгарскую группу тюркских народов. «Ближайшее родство чувашского языка с языком камских болгар не подлежит никакому сомнению, – заключил член-корреспондент АН СССР Б.А. Серебренников в своем докладе «Происхождение чуваш по данным языка». – <...> некоторые лингвисты и историки из Татарии почему-то не желают, чтобы татарский язык был языком кыпчаков»⁷¹.

⁶⁶ Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Часть 1. Чебоксары, 1954. 240 с.

⁶⁷ Комиссаров Г.И. Чуваши Казанского Заволжья / Г. И. Комиссаров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Том 27. Вып. 5. Казань. 1911. С. 311-432.

⁶⁸ Никольский Н.В. Конспект по этнографии чувашей. Казань, 1908. 190 с.

⁶⁹ Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романов Н.Р. и др. Чуваши. Этнографическое исследование. Часть 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. С. 27.

⁷⁰ Кузнецов И.Д., Романов Н.Р., Сироткин М.Я. и др. Чуваши. Этнографическое исследование. Часть 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 296.

⁷¹ Серебренников Б.А. Происхождение чувашей по данным языка // О происхождении чувашского народа. С. 45-46.

На сессии была реабилитирована и так называемая «миграционная теория», резко раскритикованная ранее. Так, в докладе В.Д. Димитриева «Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа» подробно прослежено территориальное продвижение булгаро-суварских племен в X–XV вв. и опровергнут автохтонный подход к проблемам происхождения тюркоязычных народов Поволжья⁷².

За реабилитацией истории чувашского языка и теории происхождения народа последовало восстановление этнографии⁷³, фольклористики⁷⁴ и др. наук. В особом положении оказались литературоведение и искусствоведение, которые в послевоенное время испытали усиленное идеологическое давление. «Серии постановлений определили идеологическую направленность творчества писателей, театральных критиков, экономистов, философов, драматургов, режиссеров и даже музыкантов», – пишет по этому поводу американский ученый Л.Р. Грэхем⁷⁵. В Чувашии одиозные критики нападали на отдельные произведения П. Хузангая: поэму «Саркел» (1944), стихотворения «Одинокая ива», «Песнь девушки» (1946) и другие, в которых они находили идеализацию булгаро-хазарской эпохи и «перепевы разобщенности поэта и народа»⁷⁶. А в 1955 г. решением бюро Чувашского ОК КПСС было изъято предисловие Хузангая к сборнику рассказов И. Тыхти. Центральным пунктом в решении бюро обкома явилось следующее его положение: «Воспоминания автора предисловия о поэте Тыхти похожи на воспоминания о человеке, преждевременно скончавшемся вследствие несправедливого общественного строя»⁷⁷. В своем письме в бюро Чувашского ОК КПСС от 11 ноября 1955 г. поэт объясняет, что он осуждает не общественный строй, а «разного рода клеветников, карьеристов и

⁷² Димитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 96-118.

⁷³ Гаген-Горн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш.гос. изд-во, 1960. 228 с.

⁷⁴ Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 132 с.

⁷⁵ Грэхэм Л.Р. Указ.соч. С. 22.

⁷⁶ Сироткин М.Я. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары чуваш гос. изд-во, 1956. С. 271.

⁷⁷ Хузангай П. Письмо в бюро Чувашского обкома КПСС от 15 сентября 1955 года // Хусанкай, Петёр. Ырнисен пуххи. 5-мёш том. Публицистикапа критика статйисем. Шупашкар, 1994. 374-378 с.

перестраховщиков». «При всей незыблемости нашего строя они, к сожалению, еще до сих пор существуют, – возмущался народный поэт, на себе испытавший в годы репрессий силу очернительства, – иные даже преуспевают, и нередко честные труженики становятся жертвами их темных махинаций. Что говорить о 1937 – 1938 годах!»⁷⁸.

Следует отметить, что о несправедливых репрессиях П. Хузангай высказал местной партийной элите еще до XX съезда КПСС. Сразу после официального разоблачения культа личности Сталина и Берия «как агента международного империализма» народный поэт Чувашии С. Эльгер внес в свои дневниковые записки воспоминания «Когда рассеялся кошмар». «Мы были терроризированы и застрашены до крайности <...> Мы тряслись, были запуганы и ждали: вот-вот очередь изъятия дойдет до нас. В 1937–1938 годы по вечерам даже спокойно спать не могли», – признавался инвалид Первой мировой войны, испытавший все тяготы гражданской войны и голодомора⁷⁹. У многих писателей в те кошмарные годы ужесточился «внутренний цензор». Поэтому не все, подобно П. Хузангаю, осмеливались писать «для себя» или открыто критиковать «то ужасное прошлое, которое угнетало настоящую свободу и чувства советских людей» (С. Эльгер).

Послевоенная мирная жизнь выдвинула в области чувашской художественной литературы ряд неотложных задач. В первую очередь нужны были новые учебные пособия и хрестоматии по родной литературе для национальных школ. Обновления требовала и высшая школа, прежде всего Чувашский педагогический институт, в котором возобновилось преподавание чувашской литературы.

Второй неотложной задачей исследователь Н.С. Павлов определил «разработку вопросов чувашского стихосложения», чего якобы «требовала развивающаяся чувашская поэзия, широкое развитие лиро-эпики»⁸⁰. Но бурные споры о метрике чувашского стихосложения проходили главным образом в 20-е

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Эльгер С. Когда рассеялся кошмар // Элкер, Семен. Хурапа шурă. Тёрлĕ вăхăтра сырнисем. Шупашкар, 1994. 374-378 с.

⁸⁰ Павлов Н.С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 85.

гг. XX в., которые в 30-е гг. уже прекратились по объективным (все молодые поэты пользовались силлабо-тоникой) и идеологическим (в 1933 г. даже яркий приверженец силлабики Н. Шубоссинни признал, что «социалистическая поэзия опирается на боевую ритмику силлабо-тоники»⁸¹) соображениям. В годы массовых репрессий пишущих силлабикой приписали к сторонникам старого уклада жизни и культуры, кулаков и националистов.

Быстро развивающаяся поэзия послевоенного времени требовала от мастеров чувашского слова отхода от тематической спекуляции и бесконфликтности. Это, по мнению народного поэта Чувашии (1950) П. Хузангая, позволило бы достичь чувашской поэзии европейского и мирового уровня. «Поэзия любого народа – отдельное море <...>, – писал он в неопубликованном предисловии к книге «Тăван сасăсем» (Родные голоса, 1954) – все моря объединяются с бескрайним океаном! Сегодня в поэзии народов нет внутренних морей. Они разрушат все берега (преграды) и все же найдут пути слияния с поэтическим океаном всего человечества»⁸². Неповторимой школой мастерства П. Хузангай считал, прежде всего, перевод мировой классики («приобщение к мировой поэзии») на чувашский язык⁸³.

Следующей задачей, требовавшей разрешения в чувашском литературоведении послевоенного времени, Н.С. Павлов считал становление литературной критики как «эстетики в действии» (В.Г. Белинский)⁸⁴. Фактически эти требования тесно связаны с критериями оценки мастерства писателей. По настоящему назревшей проблемой в чувашском литературоведении тех лет явилась переоценка ценностей в художественно-эстетическом наследии народа. Ее невозможно было осуществить без политической и уголовной реабилитации деятелей литературы и искусства. Для оправдания и показа художественных достоинств их произведений необходимы были новые разработки в области

⁸¹ Шупушсынни Н. Чăвашсен илемлĕ совет литератури аслă çул çинче // Сунтал. – 1933. – № 3-4. – 3 с.

⁸² Хусанкай П. Поэзи, куçару, малашлăх... // Хусанкай, Петĕр. Çырнисен пуххи. 5-мĕш том. 124 с.

⁸³ Хузангай П. Призвание – это одержимость // Хузангай П. Книга дружбы. Чебоксары, 1966. С. 196.

⁸⁴ Павлов Н.С. Указ. соч. С. 85.

теории и истории литературы. Чувашское литературоведение нуждалось во включении в анализ неизвестных текстов, изучении их атрибуций и т.д.

Так же художественная литература остро нуждалась в оригинальных и нетрадиционных произведениях, не поддающихся теоретической калибровке социологизированных исследователей. В чувашском литературоведении таким первым образцом явилась поэма «Нарспи» К. Иванова (Кашкыра).

Деятельное участие в реабилитации чувашского литературного классика, автора бессмертной поэмы, «поэтического гения» (его так назвал Я. Ухсай⁸⁵) принимал А. Фадеев, председатель Союза писателей СССР. Возвращение в те годы русской классики XIX в. способствовало реабилитации классического наследия народов СССР. Хотя данный процесс шел еще под знаком «борьбы с классовым врагом», местным критикам стало понятно, что времена повального отрицания дореволюционного наследия уходят в прошлое. «Не случайно во многих республиках СССР наши идейные противники стремились опорочить, дискредитировать лучших представителей классического наследия данного народа, – писал А. Фадеев в статье «Коммунистическое воспитание трудящихся и советское искусство»⁸⁶. Здесь же лидер советских писателей упрекнул руководителей союзных и автономных республик в их непонимании огромной роли классического наследия в деле культурного воспитания народа, и особенно воспитания кадров работников искусств.

По настоянию А. Фадеева в начале 1940 г. Президиумом СП СССР была создана юбилейная комиссия, ее председателем стал А. Жаров, переводчик «Нарспи» на русский язык. В своих письмах в Чувашский Обком ВКП(б) А. Фадеев обращал внимание на организацию перевода «Нарспи» на языки народов страны, на выявление новых материалов о жизни и творчестве К. Иванова⁸⁷. В юбилейном году было опубликовано более 60 научных статей и воспоминаний, связанных с жизнью и творчеством общепризнанного классика

⁸⁵ Ухсай Яккӑвӗ. Константин Васильевич Иванов (биографилле очерк). Шупашкар: Чӑваш гос. изд-ви, 1940. 16 с.

⁸⁶ Эзенкин В.С. Теоретические основы чувашской литературной критики. 1917 – 1970-е годы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 1992. С. 72.

⁸⁷ Владимиров Е.В. Зодчий братства литератур. Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 1985. С. 7-12.

чувашской поэзии. Из числа авторов особо следует выделить поэта-земляка и родственника К. Иванова (Кашкыра) – Якова Ухсяя, который с 1935 г. выявлял и собирал его рукописи и дневники. Изданный им в 1940 г. биографический очерк о жизни и творчестве поэта является первым уникальным произведением Я. Ухсяя, созданным путем синтеза научного знания и художественного воображения⁸⁸. В нем чувствуется стремление автора к герменевтической интерпретации, естественно, в рамках социологизированного мира. В юбилейный год и позже К. Иванова стали причислять к группе писателей демократического направления (они противопоставлялись либеральным, монархическим, пессимистическим и другим поэтам), признали его основоположником чувашской поэзии и литературного языка. Таким представлен классик и в хрестоматии по родной литературе для учеников 6 класса национальных школ Чувашии⁸⁹. Здесь в глаза бросается другое: в данное (второе) издание не включены произведения современника и друга К. Иванова – Н. Шубоссинни (в первом издании были опубликованы поэма «Янтрак янтравё» и рассказ-эскиз «Ташкент...Ташкент!»⁹⁰). Отсюда становится понятным, что из дореволюционного литературного наследия были возвращены произведения не всех поэтов-демократов и приверженцев «прогрессивного направления» (М. Сироткин), а лишь тех, которые не были репрессированы, или же умерли задолго до массового террора 1930-х гг.

Первой опубликованной литературно-исторической работой в чувашском литературоведении являются «Очерки дореволюционной чувашской литературы» М. Сироткина, которые изданы под грифом Чувашского НИИЯЛИ в 1948 г.⁹¹. В научном архиве данного института к этому времени имелись рукописи еще двух очерков истории чувашской литературы. Еще в 1940 г. литературовед и критик вульгарно-социологического направления Д. Данилов представил свою рукопись по истории чувашской литературы, но по вышеизложенным причинам она не

⁸⁸ Ухсай Яккăвĕ. Кăтартнă ёçĕ. 84 с.

⁸⁹ Сироткин М.Я. Тăван литаратура. Хрестомати. VI класс валли. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1944. 327 с.

⁹⁰ Сироткин М.Я. Чăваш литаратури. Хрестомати. VI класс валли. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1936. 47-65 с.

⁹¹ Сироткин М.Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары: Гос. изд-во Чувашской АССР, 1948. 246 с.

была рекомендована к печати⁹². Автором второй рукописи является Г. Комиссаров (Вандер), который в 1926 – 1930 гг. читал лекции по истории чувашской литературы и фольклора для студентов Восточно-педагогического института (г. Казань). Некоторые из них сохранились в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) и опубликованы в сборниках института⁹³, в том числе и отдельные разделы рукописи «История чувашской письменности и литературы»⁹⁴. Данный монографический труд Г. Комиссарова имеет две редакции, последняя из них имеет дату завершения: 1946 г.⁹⁵

Таким образом, в период работы М. Сироткина над «Очерками дореволюционной чувашской литературы» у автора под рукой имелись готовые рукописи двух литературоведов: Д. Данилова, к тому времени жившего в Москве, а также две редакции «Истории чувашской письменности и литературы» Г. Комиссарова, присланные автором из пос. Санчурск, что в Кировской области (там он проживал с супругой с начала войны до самой смерти – 1969 г.). В те годы еще не были забыты ходовые ярлыки 30-х гг.: «вандеровщина», «юмановщина» и т. д. Поэтому небезопасно было напоминать в книге, что автором использованы материалы Г. Комиссарова (Вандера). Конечно, М. Сироткин мог восполнить этот пробел при переиздании книги в 1967 г., но, к сожалению, он этого не сделал. Компилятивность работы М. Сироткина смягчается принадлежащими ему оценками творчества того или иного писателя и некоторыми дополнительными фактами. При этом, как и в хрестоматии 1944 г., он полностью умалчивает о Н. Шубоссинни, а Н. Шелеби, наоборот, возвышает до поэтов революционно-демократического направления. Песню «Россия» он приписывает Н. Шелеби, его

⁹² Данилов Д.Д. Чувашская художественная литература до Октябрьской революции // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 817; Он же. Очерки истории чувашской советской литературы // Там же. Ед. хр. 8. 181 л.

⁹³ Комиссаров Г. И. Чăваш фольклорĕпе литература вĕрентĕвĕ // Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Тĕпчевсемпе текстсем. Шупашкар: Чăваш аслăлăхпа тĕпчев ин-чĕ, 1989. 6-34 с.; Савах. Вырăсахлă вăхăтĕнчи чăваш халаплăхĕпе сăмахлăхĕ // Çавăнтах. 34-35 с.; Комиссаров Г.И. Тезисы к докладам // Сăмах. Слово: 1993. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. С. 111-114.

⁹⁴ Комиссаров Г.И. Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры. Чебоксары: ЧГИГН, 1992. С. 85-104; Он же. История чувашской письменности и литературы // Комиссаров Г.И. О чувашах. Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 338-382.

⁹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 496; Отд. II. Ед. хр. 62.

поэму «Вазянка», написанную тоже после революции, анализирует как сочиненную и опубликованную в 1912 – 1915 гг.⁹⁶.

С конца 1940-х гг. по 1955 г. М. Сироткин выпустил ряд критико-биографических очерков о чувашских писателях начала XX в.⁹⁷, что способствовало успешному завершению его докторской диссертации и монографии «Очерк истории чувашской советской литературы»⁹⁸.

Итак, все основные научные труды ученого написаны до 1956 г. и, естественно, имеют явный отпечаток своего времени. Все это осложняло литературную жизнь и затормаживало естественный ход развития чувашского литературоведения в последующие годы. На литературный климат отрицательно влияли вульгарные социологи 1930-х гг., в частности, возвратившийся из лагерей в Коми АССР бывший обкомовский работник И. Кузнецов, а также критик и партийный номенклатурщик В. Долгов.

1.3. Борьба литераторов за сохранение родного языка и национальной формы культуры

До образования Чувашской Автономной области (ЧАО) Чебоксары, как уездный город Казанской губернии, имел наиболее ухоженные дороги на восток и запад. Еще в пушкинскую эпоху через данный город проходил тракт (в народе названный “хурӑнлӑ ҫул”) «Нижний Новгород – Казань». Со строительством автодороги, а потом и железной дороги «Канаш – Чебоксары» столица республики открыла свои южные ворота. В 1950–1960-е гг. город строил свою главную улицу (проспект Ленина) в южном направлении и полностью связал

⁹⁶ Подробнее об этом см.: *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1909-1917 гг. Чебоксары, 2012. С. 60-61.

⁹⁷ *Сироткин М.Я.* Федоров М.Ф. Очерк жизни и творчества. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1947. 47 с.; *Он же.* М.К. Сеспель. Очерк жизни и творчества. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1949. 42 с.; *Он же.* К.В. Иванов (Критико-биографический очерк). Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1955. 32 с.; *Он же.* Н.И. Полоруссов (Шелеби) (Критико-биографический очерк). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. 42 с.

⁹⁸ М. Сироткин по теме «Методика начального обучения» защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (1950), а после учебы в докторантуре при Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (1953-1955) защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Его докторская работа была завершена еще до наступления хрущевской «оттепели», в начале 1956 г. рукопись сдана в набор и издана к концу того же года.

центр с иногородними транспортными узлами. Стилиеве веяния и эстетические вкусы градостроителей тех лет отразились в архитектуре домов по проспекту Ленина и пересекающих его улиц. Здесь имеются жилые дома, украшенные чувашским орнаментом. Фасад бывшего здания Чувашской государственной филармонии представляет собой синтез античной монументальности (колонны), национальной символики (узоры) и социалистической романтики (изображение поющей женщины под крышей)⁹⁹. По сравнению с улицей К. Маркса, связывающей исторический центр города с проспектом Ленина, последний относительно светлее, легче и просторнее. Именно этими свойствами отличалась эпоха хрущевской оттепели в архитектуре СССР¹⁰⁰.

Еще в 1954 г. П. Хузангай поднимал вопрос об архитектурном своеобразии столицы Чувашской АССР. В статье «Сасăсăр музыка» (Беззвучная музыка) народный поэт писал: «Вот что хочется выяснить нам. Неужели столица Чувашской Республики, учитывая специфику коренного народа, не может иметь свой неповторимый облик <...>. Неужели нет места на наших новых жилых домах для «всему миру известных чувашских узоров (пётём тёнче пёлет йракан чăваш тёррине)?»¹⁰¹. В том же году, будучи делегатом Второго Всесоюзного съезда советских писателей, он знакомится с Назымом Хикметом, Пабло Нерудой, Жоржи Амаду, Луи Арагоном, Джеком Линдсеем, Николасом Гильенном и другими писателями зарубежных стран, дарит им антологию прогрессивной поэзии народов мира на чувашском языке¹⁰². При его непосредственном участии в 1950 –1960-е гг. широко развиваются болгаро-чувашские культурные и литературные связи. «Я давно и пристально слежу за болгарской поэзией, – писал он в августе 1969 г., за шесть месяцев до своей смерти. – Она очень разнообразна, темпераментна и подчас остро полемична.

⁹⁹ Никитин Г.А., Крюкова Т.А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 93-94 (рис. 52-53).

¹⁰⁰ Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. Сб. статей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2013. 493 с.

¹⁰¹ Хузангай П. Сасăсăр музыка // Хузангай, Петёр. Ырнисен пуххи. 5-мёш том. 128-129 с.

¹⁰² Тăван сасăсем / П. Хузангай пухса хатёрленё тата куçарнă. Шупашкар: Чăваш патшалăх. изд-ви, 1954. 223 с.

<...> Я решил представить читателям по количеству юбилейных лет 25 болгарских поэтов и их 25 стихотворений в своем переводе»¹⁰³.

Особая тяга П. Хузангая к болгарской поэзии объясняется, по словам Ламара, «тысячелетнее родство болгарского и чувашского народов»¹⁰⁴. В своих переводах П. Хузангай ищет не только родство крови, но и родство душ. «Я выбираю стихи, отвечающие моим политическим убеждениям, моему эстетическому кредо и лирическому настрою», – признавался переводчик в комментарии к переводам с болгарского языка¹⁰⁵. Такое родство у народного поэта сильно проявилось в многонациональной среде, когда осенью 1955 г. он поехал на учебу в Москву. Позднее, в 1966 г., поздравляя лакского поэта Ю. Хаппалаева, сокурсника по учебе, чувашский поэт признавался: «Знаменитый дом Герцена, где помещались Высшие литературные курсы, стал для нас – разноязычных советских литераторов – подлинным домом дружбы. Но на фоне большого коллектива, как всегда, намечаются более темные, интимные группы и группки. Они никем не могут быть предусмотрены. Это – родство душ, взаимное влечение сердец, иногда при различных литературных симпатиях и творческих приемах»¹⁰⁶. Конечно, в многонациональной среде не могли не возникать вопросы национального и интернационального в поэтическом творчестве. Что же писал народный поэт Чувашии по этим весьма щепетильным и разнозначным категориям мира искусств?

Анализируя стихотворения чувашских поэтов, П. Хузангай еще в 1950 г. размышлял о таких понятиях, как «патриотизм», «национальный нигилизм». «Пусть кривят губы те, которые заражены национал-нигилизмом <...>, – писал народный поэт. – История пройдет мимо них с торжествующим смехом. Старый хлебороб Антун Мучи по-своему выражает народный патриотизм, интеллигент Сандров – по-своему. Это означает то, что мы окрепли как нация»¹⁰⁷. Их своеобразие заключается в том, что начало родины они находят, прежде всего, в

¹⁰³ Хусанкай, Петёр. Ҫырнисен пуххи. 6-мёш том. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2006. 467 с.

¹⁰⁴ Ҫавăнтах. 5-мёш том. 467 с.

¹⁰⁵ Ҫавăнтах. 467 с.

¹⁰⁶ Ҫавăнтах. 461 с.

¹⁰⁷ Хузангай П. Думы о родной поэзии // Хузангай П. Книга дружбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 13.

родном селе и крае, лишь потом это пространство расширяется до пределов России и СССР.

Речь, произнесенную П. Хузангаем на Первом учредительном съезде писателей РСФСР (1958), следует считать историческим выступлением (с точки зрения чувашской литературы). Народный поэт с общероссийской трибуны говорил о соотношении в художественном творчестве проблем национального и социального. «Национальное не должно заслонять социального, – предостерегал поэт, имея ввиду критикуемую в те годы теорию «единого потока». – Национальное в свете социальном и социальное в национальном проявлении – такова двуединая основа платформы художника-интернационалиста. Это не умаляет национальной гордости, не нивелирует колорита <...>. Это единственный прожектор, который поможет полнее осветить именно национальное, специфическое, присущее только этому, а не другому народу»¹⁰⁸. В данном случае П. Хузангай включает в «национальное» специфическую социальную историю и менталитет народа. По его мнению, художник-интернационалист обязан показать не просто межэтнические, но прежде всего этносоциальные противоречия. Действительно, этнические и социальные проблемы так сложно переплетены друг с другом, что не всегда их можно рассматривать в отдельности.

С общероссийской трибуны П. Хузангай высказал свое понимание слова «патриотизм»: «Итак, мы сознательные россияне, в то же время сохранившие в лоне России свою культуру, свой язык, свою литературу – писанную и неписанную»¹⁰⁹. Кроме своего родного края патриот обязан любить язык и культуру породившего его и его предков народа. Ведь, как утверждал делегат от чувашских писателей, «не бывает народа без своей цивилизации»¹¹⁰. Патриот должен знать плоды цивилизации родного ему народа.

В начале 1960-х гг. П. Хузангай начал больше внимания обращать на общечеловеческие ценности. Так, в статье «Ровесники, друзья по духу» (1961) классиков татарского и чувашского народов (Г. Тукая и К. Иванова) он назвал

¹⁰⁸ Хузангай П. Счастливого плавания // Там же. С. 48.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

рыцарями «гуманизма и свободы», а в статье «Шедевр чувашской поэзии (предисловие к болгарскому переводу “Нарспи”» конфликт «Нарспи» определил вечным, общечеловеческим¹¹¹. Статью, напечатанную в газете «Литература и жизнь» (18.03.1962), поэт глубоко символично озаглавил «Человечность», определяя ее как основу социалистического общежития¹¹². Всякий человек, в том числе и инакомыслящий, достоин уважения и равного к нему отношения. После полета в космос чуваша и украинца П. Хузангай сочинил стихотворение, которое посвятил «Андриянам и Павлам всех стран и всем мальчикам, рожденным в августе 1962 г.». В нем имеются такие строки:

Вы – люди. Каждый – Человек.

Не просто единица.

Чтоб кто-то мог движеньем век

Тобой распорядиться¹¹³.

Рожденные во второй половине XX в. не должны быть «винтиками», подобно поколению народного поэта. В чувашском варианте выступления П. Хузангая на шестом съезде писателей Чувашии (1963) имеются воспоминания о своем аресте НКВД в 1938 г. Там он данный карательный орган образно назвал *пурне те çăтса тăнă тăватă саспаллĕ тĕпсĕр вар* (всех поглотившая с четырехбуквенным названием бездонная ложбина). «Поэты и композиторы [в те годы] оды сочиняли, гимны трубили. Не видевшие секретных пружин эпохи, мы и тогда писали искренно, верили, были чистосердечными. Но время показало: “наступая на горло собственной песни” (*хамър юррăн карланки çине таптаса*), мы надолго обокрали себя», – тактично и сдержанно писал поэт о временах могущества «движения век» «усатого хозяина»¹¹⁴. П. Хузангай был глубоко убежден, что гуманизмом должно быть хорошо подпитано национальное, что придало бы ему общечеловеческое значение.

¹¹¹ Там же. С. 100, 105.

¹¹² Там же. С. 107-109.

¹¹³ Хузангай П. Далекий родственник // Там же. С. 122.

¹¹⁴ Хусанкай, Петёр. Ирĕк ёçпе пултарулаĕх телейё // Хусанкай, Петёр. Çырнисен пуххи. 5-мĕш том. 62 с.

В этой же статье, переведенной автором на русский язык, имеются размышления об отношении национального и интернационального. «Было время, когда огульно отрицалось начисто или третировалось все национальное <...>, – писал поэт, подразумевая 30-40-е гг. XX в. – Рецидивы этого, оглядка в прошлое, перестраховка (“как бы чего не случилось”) имеет место еще и поныне»¹¹⁵. По убеждению поэта, большой художник не может не быть сыном своего народа. Родная стихия для него является неиссякаемым источником творчества. В то же время художник не должен ограничиваться узконациональными рамками: «Бережное отношение наших народов к культуре друг друга, взаимный интерес и уважение друг к другу, глубокое понимание исторической судьбы каждого, пристальное внимание к росткам общего будущего – вот что отличает теперь наши народы»¹¹⁶».

Здесь П. Хузангай намекает, что желаемое представление об интернациональном (точнее: межнациональном) не совпадает с действительностью. На такое понимание наталкивают последующие строки: «Я не представляю себе дальнейшего развития нашего национального возрождения, если родной язык не будет применяться во всех сферах общественно-политической, государственной и культурной жизни. Я не представляю себе интернационалиста без родины, патриота вообще, абстрактного»¹¹⁷. Далее поэт уточняет, что нет пролетарского интернационализма без национальной гордости. Интернационализм прорастает на национально-патриотической почве, а не наоборот. Если первый сравнить с бутоном цветка, то второй (национальный патриотизм) можно сопоставить со стеблем и листьями, которые являются его опорой и кормилицей. В таком случае парой «интернационального» следует считать не «национальное», а «патриотическое». Но последний, как неоднократно подчеркивал П. Хузангай, может быть абстрактным или же конкретным: «зримые и осязаемые детали родного края; скромная ветла перед домом <...>, первые родные слова в родном букваре, костер в ночном, хороводные песни девушек,

¹¹⁵ Хузангай П. Счастье свободного труда // Хузангай П. Книга дружбы. С. 138-139.

¹¹⁶ Там же. С.128.

¹¹⁷ Там же. С. 128-129.

веселый спортивный праздник Агадуй <...>, священный прах предков <...>»¹¹⁸. Своеобразным аккордом звучат следующие слова, высказанные П. Хузангаем на том же VIII пленуме Правления Союза писателей РСФСР (Москва, 1963): «Только имея такие корни, мой патриотизм вырастает в общесоветский патриотизм и интернационализм»¹¹⁹. В этом же выступлении чувашский поэт прочел свое новое стихотворение. Вот отдельные строки из него: «Россиянин я. Мои усилья – /В общерусский наш разбег. Но мне... / Мне нужна не всякая Россия, // Хоть лети она уже к Луне. // Мне нужна Россия – мать народов, // Русский я, татарин иль чуваш...»¹²⁰.

Итак, слово «интернационализм» в статьях П. Хузангая постепенно меняет свое содержание и обретает новую пару: «национальный патриотизм». В условиях развития абстрактного патриотизма получается интернационализм со скрытым космополитическим содержанием. В одной связке со словом «национальное» «интернациональное» обретает новое значение: «общечеловеческое». Такая динамика смещения и изменения содержаний вышеназванных терминов в чувашском литературоведении наблюдается в 1970 – 1980-е гг.

Как одаренный природой поэт и большой художник, П. Хузангай нутром чувствовал природу поэтического творчества, осмысливая ее, он нередко раньше литературоведов приходил к новым теоретическим выводам и заключениям. Естественно, в условиях ряда устоявшихся догм (теория о двух культурах, классовой борьбы, партийность литературы и т.д.) ему нередко приходилось отстаивать свою позицию, прибегая к тем же терминам и понятиям, которыми пользовались и его оппоненты. Зачастую один и тот же термин у спорящих сторон обретал несходные значения. В условиях меняющегося мира происходило и смещение семантики ряда литературоведческих терминов и понятий.

Проблема национального в чувашской литературе активизировалась в 1958 г. перед V съездом чувашских писателей, когда была опубликована статья И. Кузнецова «Чăваш литературина – мал енене» (Чувашской литературе –

¹¹⁸Хузангай П. Прошу слова // Там же. С. 131.

¹¹⁹Там же.

¹²⁰Там же.

высокую художественность)¹²¹. В ней критик указывает на задачи, стоящие перед чувашскими писателями. Вот некоторые его мысли: «в современный период чувашские писатели обязаны жить не одними проблемами родной республики. Не только их идейность, но и тематика должна быть интернациональной»; «Борьба с дармоедством, мещанским эгоизмом, национализмом или нигилизмом должна быть у писателей на почетном месте»; «Полностью прекратить восхваление прошлой жизни чувашей из-за того, что она родная история» и т.д.¹²²

Данные мысли и суждения по проблеме национального и интернационального были подвергнуты критике прозаиком А. Талвиром в центральной печати¹²³. После этого инициатор дискуссии выступил на V съезде чувашских писателей с разгромной речью против председателя правления А. Талвира. «О чем переживает Талвир? – вопрошает И. Кузнецов. – Его напугала мысль о том, что следует искоренить последствия национализма и нигилизма. Он хочет доказать, что эти проблемы для Чувашской республики не характерны, не актуальны. Выражаясь по-русски, не означает ли это, что на «воре шапка начала гореть?» При этом и в предсъездовских тезисах нет ни одного слова о борьбе с инакомыслием в литературе»¹²⁴. Докладчик критиковал правление союза чувашских писателей за его упущения в борьбе с «остатками национализма» (национализм каяшĕсене хирĕç кĕрешес ёçре), разоблачал тезис А. Талвира о том, что «без национального облика нет положительного героя». Для критика оставалась несокрушимой идея о слиянии наций в коммунистической перспективе, следовательно, по его логике, национальное должно было заменяться интернациональным.

После съезда писателей данной проблеме он посвятил специальную статью «Литература нациллĕ хайевĕрлĕхĕ çинчен калаçнă май» (Вокруг проблемы

¹²¹ Кузнецов И. Чăваш литературине – мал ене // Тăван Атăл. – 1958. – 4 №. 83-90 с. Данная статья автора вошла в его книгу «Чăваш культурипе литератури хăшпĕр ыйтăвĕсем тавра» (К некоторым вопросам о развитии чувашской культуры и литературы), изданную Чувашским госиздательством в 1961 г. (С. 55 – 67).

¹²² Там же. С. 60, 62.

¹²³ Талвир А. Герои наших дней // Литература и жизнь. – 1958. – Сентябрь, 24.

¹²⁴ Кузнецов И. Литературăра партилĕх малта тăмалла (Чăваш писателĕсен V съездĕнче тухса каланă сăмахран) // Кузнецов И. Чăваш культурипе литератури хăшпĕр ыйтăвĕсем тавра. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1961. 68 с.

национального своеобразия в литературе, 1959)¹²⁵. Вывод исследователя таков: «По мере приближения к коммунизму национальные культуры будут развиваться на интернациональной основе. Национальное своеобразие постепенно будет ослабевать (нацилле уйрӑмлӑх ерипен чакса пырать)»¹²⁶. В коммунистической перспективе, как утверждает пропагандист партийной идеологии, не будет отдельных наций и своеобразия культур.

Позиция И. Кузнецова конкретизирована в статье «Литературӑн нациллӑ форми ҫинчен» (О национальной форме литературы, 1963), написанной в форме отклика на новую Программу КПСС с установкой на построение коммунистического общества через два десятилетия¹²⁷. Здесь он повторяет вышеизложенный тезис об исчезновении национального своеобразия этнических культур в аспекте формы и содержания: «По ходу обретения единообразия жизненного уклада, содержания и формы жизни (пурнӑҫ содержанипе форми пӗрешкелленсе пыра-тӑркаҫ), естественно, содержание и форма отражающей жизнь литературы не может оставаться без интернационального единения (интернационала пӗрешкелленмесӗр)»¹²⁸. Автор заявляет, что в условиях интернационального сближения в культурах советских народов берут верх интернациональные элементы, «поэтому, как не сопротивляйся, из одних национальных различий, из типичных только чувашам элементов не будет никакой чувашской литературы»¹²⁹.

Утверждать то, что чувашская литературная общественность никак не реагировала на «теоретические выкладки» марксиста-критика с установкой на ускоренную ассимиляцию нерусских народов СССР нельзя, так как имеются противоречащие такому суждению факты. Весьма не случайно такое совпадение: в том же номере журнала «Тӑван Атӑл», в котором была опубликована статья И. Кузнецова, имеется замечательная работа П. Хузангая «Ирӗк ёҫпе пултарулӑх телейӗ» (Свободный труд и счастье творчества) и стихотворения дагестанского

¹²⁵ Кузнецов И. Литература нацилле хӑйевӗрлӗхӗ ҫинчен калаҫнӑ май // Ҫавӑнтах. 70–84 с.

¹²⁶ Ҫавӑнтах. 80 с.

¹²⁷ Кузнецов, Иван. Литературӑн нациллӑ форми ҫинчен // Тӑван Атӑл. – 1963. – №3. – 81–89 с.

¹²⁸ Ҫавӑнтах. 85 с.

¹²⁹ Ҫавӑнтах. 86 с.

поэта Р. Гамзатова в его переводе. Некоторые строки из статьи народного поэта Чувашии были приведены на предыдущих страницах, в них звучит главная мысль поэта: без национального нет интернационального. «Не будет должного Возрождения (Чёрёлёх), о чем мечтал Сеспель, – в категоричной форме заявлял П. Хузангай, – если государственные дела, политическая жизнь, все культурные процессы будут проходить без помощи родного языка»¹³⁰. Позицию поэта-патриота поддерживает и Р. Гамзатов в стихотворении «Родной язык»: «Для другого полезен чужой язык, // Мне не суждено на нем творить. / Если родной язык исчезнет завтра, / То я готов умереть сегодня»¹³¹.

Это был достойный отпор политике партийной номенклатуры тех лет. Недовольство чувашских литераторов языковой политикой областного комитета КПСС проявилось на рубеже 1950–1960-х гг. Так, на сессии Верховного Совета ЧАССР в 1960 г. депутат П. Хузангай поднял вопрос об ущемлении прав чувашского языка в республике, по щепетильным языковым проблемам С. Эльгер писал к секретарям ОК КПСС ряд писем, «но никаких ответов на эти письма не получал и сдвигов по ним не замечалось»¹³². В апреле 1961 г. народный поэт в письменной форме выразил крик души и отправил письмо первому секретарю обкома партии. Напоминая о сути ленинской национальной политики, автор утверждает, что в Чувашской АССР нет уважения к языку коренного народа и появились признаки его вымирания: «В настоящее время он почти вытеснен из государственных учреждений, общественных организаций, вузов и техникумов. Да и в средних школах родному языку предоставлено не очень-то завидное место, – его место находится у самой двери школ»¹³³. Отменили испытания на чувашскому языку в Канашском педучилище и Цивильской культпросветшколе, в школах-интернатах «чувашские дети, совершенно не владеющие русским языком, начиная прямо с первого класса обучаются только на русском языке»¹³⁴. Автор

¹³⁰ Хусанкай, Петёр. Ирёк ёспе пултарула́х телейё // Таван Атл. – 1963. – №3. – 74 с.

¹³¹ Расул Гамзатов саввисем / П. Хузангай кушарна // Çавантах. 23 с.

¹³² Эльгер С. Письма к первому секретарю ОК КПСС т. Илюкову // Элкер, Çемен. Хурапа шурă. Тёрлĕ вăхăтра сырнисем. Проза, поэзии, асаилĕсем, хаклавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. С. 420.

¹³³ Там же. С. 413.

¹³⁴ Там же. С. 414.

письма горько сожалеет о том, что часы уроков чувашского языка и литературы в школах урезаны до крайности (1 час в неделю), в столице республики нет ни одной национальной школы. «Спрашивается, до какого уровня хотят осадить наш язык такие горе-педагоги?! – возмущается поэт, вспоминая далее дореволюционных школьных русификаторов-шовинистов. Его вывод таков: – <...> Не будем говорить здесь о наличии засилья или о поползновении великодержавного шовинизма; если такие явления кое-где имеют место, то по ним следует дать решительный отпор»¹³⁵. С. Эльгер осторожно намекает на новую политику КПСС, целью которой являлось тогда скорейшее построение общества не только без классов, но и самобытных этносов и их уникальных языков, культур. В пропагандистской и административной машине СССР в те годы первые секретари обкомов партии, тем более литературные критики из числа партийной номенклатуры республиканского масштаба (И. Кузнецов, В. Долгов, А. Эсхель и др.), были лишь «винтиками». Эту истину хорошо знали и С. Эльгер, и остальные этноцентричные писатели. Поэтому свое письмо автор завершает такими словами: «Мы, чувашские писатели, имеем такое же право любить свой язык и литературу, но восклицать об этой перед аудиторией считаем нелепым и ненужным. Но, увидев явное пренебрежение и неуважение к родному языку со стороны ведущих учреждений и организаций республики, здесь, в письме к Вам, мы должны об этом сказать смело и открыто. В своей Чувашской АССР чувашский язык должен занимать подобающее ему почетное место»¹³⁶.

На республиканской партийной конференции (21 сентября 1961 г.) первый секретарь обкома КПСС официально заявил: «Должен подчеркнуть, что в среде рабочих, колхозников и в подавляющей массе интеллигенции республики никогда не возникает каких-либо недоразумений по национальному моменту <...> Хотя нездоровые проявления националистического толка носят единичный характер, мы не можем не реагировать на них. Такие проявления имеют место среди определенной политически незрелой части чувашских писателей. Об этом

¹³⁵Там же. С. 414, 419.

¹³⁶Там же. С. 421 - 422.

свидетельствует недавнее письмо народного поэта Чувашии, члена партии т. Эльгера С. В.»¹³⁷.

В защиту опального поэта на той же конференции намеревался выступить П. Хузангай, но его лишили слова. Вот некоторые строки из его несостоявшегося выступления: «Я не представляю себе на данном этапе национального возрождения без родного слова. Я себе не представляю интернационалиста без родины, патриота вообще, абстрактного <...>. С.В. Эльгер, о котором сказано в докладе, что он имеет «какие-то свои идеи националистического толка», как раз и является таким (любящим свои корни, родину. – Э.Р.) патриотом-интернационалистом <...> ничего националистического в письме нет. Есть забота и боль мыслящего человека, вызванные действительно имеющим место пренебрежением к чувашскому языку, как мощному средству пропаганды идей нашей эпохи, как к средству создания подлинно социалистической по содержанию и национальной по форме новой культуры чувашского народа»¹³⁸.

Вскоре начались нападения и на национальное искусство. В частности, в статье «Идеологи ёсне сӳллӗ пусӑма сӳклер» (Идеологическую работу поднимем на новую высоту, 1962) секретарь обкома КПСС в числе «изживших и вредных традиций» в культуре (например, народных обрядов и обычаев) назвал пентатонику (наиболее древний лад чувашской народной музыки) и национальную архитектуру, подразумевая, очевидно, здания с отдельными элементами чувашской вышивки. По словам секретаря-идеолога, у всех наций и народов СССР должна быть «одна интернациональная культура» (пур совет нацийёсемшӗн те пӗр интернационаллӑ культура)¹³⁹. Так теоретически объяснялась новая политика, в своей основе имеющая идею скорейшей ассимиляции нерусских народов страны.

В академическом литературоведении 1960-х гг. начали писать о нерасторжимости, о внутреннем единстве интернационального и национального. Критикуя сторонников узко толкуемого интернационализма, академик

¹³⁷ Там же. С. 444 (Комментарий №1).

¹³⁸ Хусанкай, Петӗр. Сӳрнисен пуххи. 5-мӗш том. 470 - 471 с. («Ушкӑн сӳлтӳрӑн асли» сӳвва ӑнлантарса панинче).

¹³⁹ Иванов А. И. Идеологи ёсне сӳллӗ пусӑма сӳклер // Ялав. – 1962. – № 2. – 2 с.

Г.И. Ломидзе объяснял так: «Различие между интернациональным и национальным не в том, что интернационализм пространственно, по своим внешним границам шире национального, что он раздвигает узкие рамки национального бытия, возвышая частное, единичное до всеобщих истин. Интернациональное берет разбег от национального. <...> Интернациональное и национальное существуют не одно после другого, а вместе. Суть вопроса в том, какие стороны национальной жизни замечает художник, что он извлекает из увиденного, на какую высоту талант и мышление писателя способен вытолкнуть факты и явления национальной действительности»¹⁴⁰.

В те годы предсказания наступления «эпохи безнациональности и скорбного одноязычия» Г.И. Ломидзе предложил формулу о «единстве и многообразии» многонационального литературного развития в СССР. «Диалектические взаимоотношения первой и второй частей этой формулы позволяли, не погрешив против истины, отразить своеобразие судеб национальных литератур в многонациональном обществе, – вспоминает те годы А.И. Чагин. – Г.И. Ломидзе пришлось проявить характер и потратить немало душевных сил, чтобы защитить вторую часть предлагаемой формулы, поскольку в высших партийных сферах, где внимательно следили за любыми разработками в области национальной проблематики, мгновенно приняли идею *единства*, но вот тезис о *многообразии* национального развития не встретил там большого энтузиазма (курсив автора. – Э. Р.)»¹⁴¹.

Для Г.И. Ломидзе «интернациональная литература» и «общечеловеческая литература» были взаимозаменяемыми понятиями. «Общечеловеческое вырастает из национального, не прорезая его сердца, не разрушая его почву, – писал академик. – Гуманистическая, национальная художественная ценность есть одновременно ценность общечеловеческая»¹⁴². В таком же направлении

¹⁴⁰ Ломидзе, Георгий. Интернациональный пафос советской литературы. М.: Сов. Писатель, 1970. С. 97.

¹⁴¹ Чагин А. И. О «хмурых» и «радостных» догмах и о реальности литературного развития // Международные Ломидзиевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития (Материалы Международной научной конференции, 28-30 ноября 2005 г. Москва). М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 51.

¹⁴² Ломидзе Г.И. В спорах и размышлениях // Способность к диалогу. Часть первая. М.: ИМЛИ РАН, 1993. С. 33.

двигалось, как мы уже убедились, понимание интернационального и национального в сознании народного поэта Чувашии П. Хузангая. Именно он впервые использовал в чувашской литературе слово «интернациональное» в значении «общечеловеческое», считая его парой термина «национальное».

1.4. Поиск литературоведческих ориентиров.

Г. Хлебников

Чувашское литературоведение 1950 – 1960-х гг. развивалось преимущественно под влиянием книги Л. Тимофеева «Теория литературы. Основы науки о литературе», допущенного Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы педагогических институтов¹⁴³. В начале в Чувашском пединституте им. И.Я. Яковлева, а затем в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (с 1967 г.) студенты получали теоретические знания из учебника Л. Тимофеева, имевшего в 1970-е гг. название «Основы теории литературы»¹⁴⁴. В этих учебниках солидно представлены основы стихосложения (в первых изданиях данный раздел занимает более 130 страниц), что способствовало более глубокому изучению данной области литературы. Нельзя не учитывать и того момента, что научным консультантом М. Сироткина в докторантуре при ИМЛИ АН СССР (1952 – 1954) был как раз Л. Тимофеев. Аспирант чувашского литературоведа Н. Иванов написал кандидатскую диссертацию о чувашском народном стихосложении, а в 1957 г. издал ее отдельной книгой¹⁴⁵. В том же году до читателей дошел сборник статей по теории литературы «Вопросы чувашского стихосложения и стилистики»¹⁴⁶, что явилось «первым опытом в своем роде и производит благоприятное впечатление»: в нем

¹⁴³ Тимофеев Л.И. Теория литературы. Основы науки о литературе. М.: Учпедгиз, 1948. 383 с.

¹⁴⁴ Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 448 с.

¹⁴⁵ Иванов Н.И. О чувашском народном стихосложении. Чебоксары: Чуваш гос. изд-во, 1957. 76 с.

¹⁴⁶ Чăваш сăввипе чĕлхе стилĕ çинчен: Литература теорипе çырнă статьясен пуххи. Шупашкар: Чăваш гос. изд-ви, 1957. 120 с.

народные песни сопоставляются с русской, марийской, тюркской, монгольской поэзией¹⁴⁷.

Итак, чувашское литературоведение успешно развивается в тех своих областях, в которых меньше всего политики и мировоззренческой оценки. В соседней республике – Татарской АССР – активно разрабатывались проблемы творческого метода. В частности, русский теоретик Н. Гуляев, работавший в Казанском государственном университете в качестве заведующего кафедрой (1959 – 1972), оказал положительное влияние на своих татарских коллег в области разработки проблем творческого метода, прежде всего романтического типа творчества¹⁴⁸. «Обычно говорят, что реализм – более высокая ступень в развитии литературы, чем романтизм, – пишет теоретик казанской школы литературоведения в своем учебном пособии, составленном из своих лекций периода «оттепели». – <...> Тем не менее есть определенные сферы жизни, в изображении которых романтическое искусство достигает большего художественного эффекта, чем реалистическое¹⁴⁹. Реализм с его приверженностью к факту, к социально-исторической определенности, по мнению Н. Гуляева, романтикам представлялся тесным для художественного воплощения проблем общечеловеческого характера. Поэтому они находят особую форму, позволившую им «вместить изменчивое состояние истории, все их тревоги и раздумья о настоящем и будущем. Конфликтам, порожденным их временем, они нередко придают космический характер <...> Космизм мышления выводил романтиков за пределы реалистической типизации»¹⁵⁰.

Некоторые положения теории Н. Гуляева наблюдаются в научных работах чувашского литературоведа Г. Хлебникова, выпускника КГУ им. В. Ульянова-Ленина.

¹⁴⁷ Павлов Н.С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 97.

¹⁴⁸ Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX–нач. XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. С. 71–72.

¹⁴⁹ Гуляев Н.А. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1977. С. 230.

¹⁵⁰ Там же.

Годы утверждения литературно-творческой личности будущего видного ученого и педагога *Геннадия Яковлевича Хлебникова* (1932 – 2014) проходили в последние годы сталинского тоталитаризма и начала хрущевской «оттепели». Резкий поворот в сторону демократизации общества способствовал формированию творческой интеллигенции совершенно нового типа: свободолобивой, глубоко аналитичной и гуманистичной. В студенте Геннадии своеобразно сочетались терпимость, усердность, интеллигентность, любовь к родному слову, нетерпимость ко лжи, уважение к старшим. Последнее качество со временем переросло в возвышение супруги, матери своих дочерей. Все это способствовало тому, что будущий ученый сформировался как романтическая личность с подвижническими устремлениями и целями. Свою дипломную работу выпускник историко-филологического факультета написал по творчеству поэта П. Хузангая. Дипломное сочинение получило форму творческого портрета, построенного по хронологическому принципу. Фактически, данная работа явилась первым научным трудом на русском языке, посвященным творчеству народного поэта (в переработанном виде она была опубликована лишь в 1973 г.)¹⁵¹. Молодой исследователь пока пользовался традиционной в те годы литературоведческой терминологией, в том числе и стандартными ярлыками типа «есенинщина», «чувашские националисты», «пессимизм» и т.п. Но он проявил в работе свою аналитическую способность и тягу к диахроническим процессам, а также романтическую любовь к поэзии. Государственная комиссия единодушно рекомендовала выпускнику продолжить образование в очной аспирантуре. Но подвижник просвещения нетерпеливо рвался в гущу родного народа и поехал работать в сельскую школу.

Годы углубленного изучения истории становления чувашского романа совпали с процессом становления в советских литературах крупных прозаических форм. В 1950-е гг. появились романы Хв. Уяра («Тенета» в нескольких редакциях), Н. Ильбека («Черный хлеб»), Н. Мраньки («Век прожить – не поле

¹⁵¹Хлебников Г. Творческий путь П.П. Хузангая // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Вып. 3. 1973. С. 126-166.

перейти») и других талантливых чувашских прозаиков. Критики и литературоведы нуждались в разработке теории нового для национальной литературы жанра, назревал вопрос о становлении чувашского романа, обобщения пути его развития от зарождения до зрелого состояния. Выполнение данной задачи было возложено на плечи одержимого идеей подвижничества аспиранта Г. Хлебникова, который написал диссертацию по теме «Становление и развитие чувашского романа» и успешно защитил ее на заседании Ученого совета МГУ им. М.В. Ломоносова, а через три года издал отдельной книгой¹⁵². Это была научная монография нового уровня мышления и анализа с учетом художественности произведения. Исследователь опирается на работы В. Днепров¹⁵³ и В. Кожина¹⁵⁴, а также монографию французского литературоведа П. Декса¹⁵⁵, при этом входит с некоторыми из них в открытый диалог. Например, в целом одобряя обобщение черт романа, сделанное В. Кожинным, чувашский исследователь убежденно констатирует, что в романе «законы художественного произведения начинают диктовать не столько «события» и «происшествия», сколько индивидуализированные характеры героев»¹⁵⁶. Сегодня не следует упрекать бывшего аспиранта за его пристрастие к трудам маститых в те годы ученых и классиков марскизма-ленинизма. Опираясь на вузовский учебник Л. Тимофеева «Теория литературы» (М.: Просвещение, 1948) и отдельные высказывания Ф. Энгельса о реализме, исследователь приходит к весьма спорному ныне выводу: «Все, что происходит в свободных просторах романа, имеет художественный смысл и интерес только в связи с раскрытием тайн характеров»¹⁵⁷. Откуда ему было знать, что капитальные работы полузабытого в те годы философа-литературоведа М. Бахтина, на которые авторитетно ссылался и опирался сверстник и коллега Г. Хлебникова В. Кожин, через два десятилетия обретут всеобщее признание отечественных и зарубежных

¹⁵² Хлебников Г. Чувашский роман. Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 1966. 212 с.

¹⁵³ Днепров В. Проблемы реализма. Л.: Сов. писатель, 1961. 372 с.

¹⁵⁴ Кожин В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М.: Сов. писатель, 1963. 440 с.

¹⁵⁵ Декс П. Семь веков романа / Перев. с французского. М.: Иностран. л-ра, 1962. 362 с.

¹⁵⁶ Хлебников Г. Чувашский роман. С. 11.

¹⁵⁷ Там же. С. 11.

ученых. В частности, в очерке «Роман воспитания и его значение в истории реализма» опальный литературовед впервые выделяет разновидности романа по принципу построения образа главного героя: роман странствований, роман испытания героя, роман биографический и роман воспитания. В большинстве этих разновидностей герой является постоянной величиной, он остается неизменным и равным себе самому. Наряду с этим господствующим массовым типом стоит, как утверждает М. Бахтин, совершенно иной, весьма редкий тип романа, дающий образ становящегося человека. Такой тип романа исследователь называет как «роман становления человека», который, в свою очередь, распадается на пять подтипов¹⁵⁸. В последнем подтипе, названном реалистическим, ему приходится меняться вместе с действительностью.

Автор монографии «Чувашский роман» подразумевает под этим жанром именно такой подтип романа становления. Поэтому он внимательно изучает предысторию чувашского романа, первые образцы малых и средних форм эпоса, классическую поэму К. Иванова (Кашкыра) «Нарспи». Следует заметить, что именно в данной монографии Г. Хлебников впервые выдвинул идею о том, что в поэзии классика «отразились и басенно-аллегорический» (мифопоэтический) этап развития литературы, и краткий период романтизма, и «период критического реализма в своеобразном переплетении с чертами реализма эпохи Возрождения»¹⁵⁹. Литературам, переживающим ускоренное развитие, как отмечают татарские литературоведы, присущ синтез реализма и романтизма, породивший в татарской литературе начала XX в. течение «романтического реализма»¹⁶⁰. По мнению чувашского литературоведа С. Александрова, в образных структурах «Нарспи» моделируются и художественно обыгрываются исторически закономерные этапы развития мирового искусства – миф, древнегреческий эпос, ренессанс, романтизм, просвещение, психологический

¹⁵⁸Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 200-201.

¹⁵⁹Хлебников Г. Чувашский роман. С. 33.

¹⁶⁰История татарской литературы нового времени (XIX–XX в.). Казань: Фикер, 2003. С. 457.

реализм – и новое возвращение к мифу¹⁶¹. О таком синтезе разных течений в творчестве К. Иванова (Кашкыра) впервые писал Г. Хлебников.

Период анализа процесса развития чувашской прозы, драматургии и поэзии середины 50 – 60-х гг. XX в. представлен в книге Г. Хлебникова «Современная чувашская литература»¹⁶². Добрая половина данной монографии посвящена анализу прозаических жанров, поэтому она фактически явилась логическим продолжением «Чувашского романа». Исследователь замечает, что в современных повестях сюжет все чаще строится на сложных перипетиях судьбы человека, в них изображен богатый внутренний мир человека (в произведениях А. Артемьева и Ю. Скворцова). Автор пишет о появлении повестей романного типа, в которых нравственный мир человека показан укрупненно и психологически убедительно. Ряд прозаиков входит в творческий диалог с литературной классикой. Например, Саламби А. Артемьева сопоставим с образом Нарспи из одноименной поэмы К. Иванова (Кашкыра). Автор повести стремился создать характер идеальной национальной героини – «необычайно серьезной в любви, исключительно трудолюбивой и скромной»¹⁶³. Так исследовательский материал привел ученого к проблеме национального характера в чувашской литературе. Но в данной монографии она затронута лишь мимоходом, хотя имеются и отдельные теоретические размышления.

Аналитический инструментарий и терминологический набор автора монографии современен, многие из них впервые используются в чувашском литературоведении: «внутренний монолог», «национальный психический склад», «гуманизм сострадательный, оптимистический», «градация чувств», «философская глубина анализа», «художественная концепция», «культурно-психологический облик народа», «идея народной эстетики» и др.

¹⁶¹ Александров С.А. Константин Иванов // Иванов К.В. Сочинения. Второе, допол. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 15-16.

¹⁶² Хлебников Г.Я. Современная чувашская литература. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 184 с. Данное исследование на чувашском языке вошло в следующую коллективную монографию: Чăваш совет литературы [1917-1967]. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1972. 345-460 с.

¹⁶³ Хлебников Г.Я. Современная чувашская литература. С. 14.

«Теория бесконфликтности» нанесла большой ущерб прежде всего послевоенной сатире и драматургии. Показывая трудный путь ее преодоления, Г. Хлебников выдвигает перед драматургами новые задачи: «глубже развить философское осмысление явлений, национальное и историческое своеобразие героев-современников, а также повышать языковое мастерство»¹⁶⁴. По мнению автора монографии, чувашская поэзия 1950 – 1960 гг. несколько уступила первенство бурно растущей прозе. Но большие успехи наблюдаются и в лирике. Ученый указывает на некоторые неудачи в творчестве Я. Ухсая, А. Алги, впервые отмечает философскую глубину лирики В. Митты, открывает мир поэзии А. Воробьева, А. Канаша, Г. Айги, Н. Тевекеля. Требования критика-литературоведа высокие. Например, о произведениях Г. Ефимова он пишет так: «Идеи многих стихов и поэм Г. Ефимова держатся на ходулях, герои не обладают настоящими чувствами», «Невыстраданность идеи и отсутствие тонкого эстетического чутья иногда приводит автора к чудовищной бестактности»¹⁶⁵.

Нетерпимость Г. Хлебникова к некоторым писателям объясняется главным образом бездарностью последних и их тематическими спекуляциями (они обыкновенно сочиняли поэмы о Ленине и партии). В литературных и научных кругах Г. Хлебникова называли «эстетом», подчеркивая его особую требовательность к писателям в плане художественности их произведений.

Итак, благодаря научным изысканиям Г. Хлебникова чувашское литературоведение 1960-х гг. сделало определенные шаги в сторону литературной эстетики и художественности. Но его оппоненты поддерживались местной партийной номенклатурой, что выражалось в постоянной травле ученого в периодической печати. Между тем на его стороне оставались талантливые писатели, благодарные за объективность и принципиальность художественной критики.

¹⁶⁴ Там же. С. 137.

¹⁶⁵ Там же. С. 173.

1.5. Нетрадиционные научно-теоретические позиции в практике молодых чувашских художников слова

В период «оттепели» в литературу входило поколение довоенного периода, которое, с одной стороны, знало жизнь в тылу, с другой, имело определенную фанатичность, идеальное представление о первых лицах страны. Для детей погибших на войне солдат последние стали символами героической победы над фашизмом. Поэтому разоблачение культа личности Сталина порождало у этого поколения противоречивые чувства. В жизнь входило новое поколение, которое, хотя и болезненно, но все же избавлялось от иллюзорного представления действительности и фанатичного поклонения перед «отцом народов». Если старшее поколение встретило хрущевскую «оттепель» как долгожданную весть, то молодые идеологическое давление чувствовали острее, более открыто проявляли свое недовольство.

По признанию Г. Айги, до поездки в Москву (в 1953 – 1959 гг. с перерывами учился в Литературном институте им. А.М. Горького) он, наивно доверяя всему пропагандистскому, писал политические произведения. Только из-за стихотворения, написанного о смерти Сталина, чувашский парень смог поступить в высшее литературное учебное заведение страны¹⁶⁶. В 1954 г. молодой поэт стал увлекаться запрещенной отечественной и зарубежной литературой (творчеством С. Есенина, Ш. Бодлера, П. Верлена). Затем он через стихотворения П. Элюара открыл для себя мир французского сюрреализма.

«Манифест» сторонников французского сюрреализма был опубликован в 1924 г., в котором новому направлению дано такое определение: «Сюрреализм – это чистый психологический автоматизм, с помощью которого мы пытаемся выразить вербально, письменно или как-либо еще – функционирование мысли, поток мыслей вне всякого контроля сознания, давления моральных и эстетических побуждений. Сюрреализм основывается на вере в высшую

¹⁶⁶Егоров, Валерий. Г. Айхи Шупашкарта // Тăван Атӑл. – 2009. – № 8. – 3-24 с. Ӑнлантарусене ҫыраканӑ В. Чекушкин.

реальность некоторых форм ассоциаций, которым до настоящего момента не придавалось значения. Он стремится окончательно разрушить все другие психические механизмы и заместить их собой в решении основных проблем жизни»¹⁶⁷. Истоки сюрреализма его основатели находили в романтизме. В отличие от последнего, художественная мысль сюрреалистов алогична, в ней царят «произвольно-капризные ассоциации и причудливые сравнения»¹⁶⁸. Они абсолютизировали чудесное, превращая его в ведущую категорию эстетического отношения человека к миру.

Сюрреалистические элементы в художественной практике Г. Айги начинают преобладать с 1956 г. Так, его стихотворение «Юмах» (Сказка, 1956) построено на обнаженном подсознании и внутреннем зрении автора, во всевластии сна¹⁶⁹. Именно в эти годы поэт находит чувашский вариант понятия «чудо» (кётрет) и вводит его в свои стихотворения. Первоначально русскоязычный Айги сложился в процессе перевода (скорее всего свободного переложения) чувашских текстов на русский язык. Такая необходимость возникла в годы учебы в литинституте: на семинарах руководители вместе со студентами разбирали произведения молодых талантов, поэтому Айги должен был готовить подстрочники своих чувашеязычных стихотворений. В ходе творческого процесса возникали новые образы, изменялась ритмика, поэтический синтаксис. Так сложился русскоязычный Айги. В качестве примера можно привести перевод нескольких строк из поэмы «Чёрё тевё» (Завязь, 1956). Ее чувашский вариант имеет строгую ритмику (Я5 + Я4) и рифмы (аБаБ), чего мы не обнаруживаем в русском варианте:

пускай я буду среди вас
как пыльная монета оказавшаяся
среди шуршащих ассигнаций
в шелковом скользком кармане

¹⁶⁷ Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 288.

¹⁶⁸ Там же. С. 289.

¹⁶⁹ Анализ стихотворения «Сказка» впервые представлен в следующей работе: Чекушкин, Виталий. Чун сүлөпе // Айги Г.Н. Ҙырнисен пуххи. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 2008. 20 -21 с.

звенеть бы ей во весь голос
да не с чем сталкиваться чтобы звенеть

Здесь поэтический синтаксис совершенно иной (убран силлабо-тонический ритм, исчезли рифмы, пунктуация, нет заглавных букв, появилась уникальная напевность и т.д.). Такой синтаксис русскоязычного Айги создается в результате разрушения традиционных норм русского литературного языка и его строгих правил.

В конце приведенной (четвертой) части поэмы в ее русском варианте возникают совершенно новые образы, отсутствующие в чувашском тексте:

и когда перестану я верить в себя
пусть память жил
вернет мне упорство
чтобы снова я стал на лице ощущать
давление мускулов глаз («Завязь»¹⁷⁰).

Русскоязычного Айги благословлял, как обычно отмечают, опальный в те годы лауреат Нобелевской премии Б. Пастернак. По признанию самого Айги, особый синтаксис его поэтического языка, выходящего за рамки чувашского литературного языка, впервые заметил и одобрил Васьлей Митта, вскоре после возвращения из ГУЛАГа работавший литконсультантом Союза чувашских писателей, а потом – и ответственным секретарем альманаха «Тăван Атăл» (Родная Волга). Еще в 1935 г. чувашский поэт познакомился с Б. Пастернаком и в одном из писем глубоко восхищался его творчеством. Как полагает Г. Юмарт, статью Н. Добролюбова «Темное царство» и свою статью о творчестве этого великого русского писателя перевел и написал В. Митта по совету Б. Пастернака, остро критиковавшего в те годы советских «самодуров»¹⁷¹. Тяга Г. Айги к поэту-страдальцу (В. Митта пребывал в лагерях аж 17 лет) усиливалась тем, что последний был лично знаком с отцом молодого поэта (он погиб на войне). Лишь после смерти матери Г. Айги обнаружил в домашнем архиве письмо В. Митты,

¹⁷⁰ Айги Г.Н. Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 22.

¹⁷¹ Юмарт Г. Митта Ваçлейĕн сынлăхĕ, чăнлăхĕ, чунлăхĕ // Митта Ваçлейĕ. Çырнисен пуххи. I том. Сăвăсем, поэмăсем, куçарусем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. 25 с.

написанное 5 апреля 1955 г. в адрес матери студента Литинститута. «Недавно я познакомился с вашим сыном Геннадием, – начинает письмо «Арапуç ғынни» (Человек из Арабусь – так представился он матери начинающего поэта. – Э.Р.). – Обрадовал он меня: способный, глубоко мыслящий, пронизательный, имеющий светлые мечты (*мал ёмётлĕ*). Встречаясь с такой способной молодежью, хочется сказать от всей души: “Не бесплодна родина чуваша!” Но очень легкомысленно относится он к своему здоровью...»¹⁷². Автор необычного письма просит поговорить с будущим великим поэтом по-матерински и по возможности поддержать его как духовно, так и материально. Вот пророческие слова В.Митты о будущности шестнадцатилетнего студента: «Сывлăхĕ çеç пултăр, вăл час чăн-чăн ғын пулмалла, ывăлăр сирĕн пултаруллă пурнăçшăн çуралнă» (Только здоровье пусть будет, скоро он станет настоящим человеком, сын ваш рожден ради творческой жизни)¹⁷³.

Для чувашской творческой молодежи периода «оттепели» В.Митта стал своеобразным идеалом и символом поэта, глубоко преданного делу народа. «Свобода, равенство, родство – // Вот слова нашей клятвы!» - выражал свой идеал испытывший все тяготы жизни поэт. На годовом собрании писателей Чувашии (26 – 27 марта 1956 г.) задавали тон «возвратившиеся» (*таврăннисем*), главным оратором из которых был В. Митта. «Тезис моего выступления: возрастающее желание следует выразить с позиции никогда не исполняющегося желания, – записал В. Митта в свой дневник. – О моем выступлении говорят до сих пор, слушателям, особенно молодежи, оно, очевидно, понравилось. Все замечают, что собрания стали проходить живее»¹⁷⁴.

В те годы вокруг В. Митты сплотилась талантливая пишущая молодежь, среди которой выделялись его земляки Г. Айги, В. Игнатьев и Ю. Скворцов, самые яркие шестидесятники оттепелевского периода. После смерти своего поэта-учителя, воплотившего в себе идеал многострадального борца за родной язык и

¹⁷² Митта Ваçлейĕ. Çырнисен пуххи. II том. Очерсемпе калавсем, куçарусем, статьясемпе рецензисем, сырусем, кун кĕнеки, документсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. 317 с.

¹⁷³ Çавăнтах. 318 с.

¹⁷⁴ Çавăнтах. 367 с.

раскрепощение поэзии, *миттаçăсем* (так называли ученики В. Митты себя, тем самым подчеркивая свою близость к настоящей литературе) открыто стали выступать в защиту опального в те годы поэта Б. Пастернака. В документах местного управления КГБ постоянно фиксировались факты подобного «инакомыслия». В одном из них отмечается, что весной 1959 г. Г. Айги встречался с членами литературного кружка ЧГПИ им. И.Я. Яковлева и «высказал совершенно крамольную мысль, что требование партийности отрицательно сказывается на развитии подлинной литературы в стране». Он утверждал, что «лучше быть в заключении, чем писать продажные стихи под крикливые лозунги партии»¹⁷⁵.

По дневниковым записям студентов тех лет В. Егорова (впоследствии известного литературного критика) и В. Чекушкина (талантливого поэта под псевдонимом «Виталий Юмарт») их встречи с учениками В. Митты проходили обычно следующим образом¹⁷⁶. 9 апреля 1959 г. Г. Айги, к тому времени уже автор своей первой книги, выступил перед студентами русско-чувашского отделения. Вот его некоторые высказывания: «Невозможно писать каждое стихотворение в рамках соцреализма»; «Митта – чувашский поэт самой большой величины, для всей России большой поэт, наиболее близкий к Шевченко...»; «Поэзия нужна перед больницей, где умирают люди, где калечат людей, против пошлости (Верлен). Поэзия никогда не возвысит пошлость. Стихотворения С. Есенина не приемлют двурушничества»; «Самый любимый поэт мой – Элюар, он идет по стопам Маяковского. Поэт с молодости прочитал азбуку смерти. Жизнь лучше смерти – вот суть этой азбуки»; «Национальная форма не во внешнем ее проявлении, а в душе и уме чуваша, как в стихотворении В. Митты “Чул çыран хёрринче пёчĕк пурт” (У крутого яра ветшая изба)».

В тот же день в общежитии студентов проходил своеобразный вечер поэзии, возникший совершенно стихийно. На нем присутствовали Г. Айги и его друзья. Из дневниковых записей В. Егорова известно, что о В. Митте Г. Айги рассуждал

¹⁷⁵ *Бойко И.И.* Политические настроения в Чувашии в период «оттепели» (1956 – 1964 гг.) // *Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Сб. статей.* Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 201.

¹⁷⁶ *Егоров В.Г.* Айхи Шупашкарта. 3-24 с.

так: «По критериям мировой литературы Митта устарел, он является последним поэтом старой чувашской литературы, который довел ее до совершенства»¹⁷⁷. Идеалом новой поэзии он считал творения Бодлера и Элюара. С этих позиций Г. Айги критиковал и поэзию следующего своего учителя – П. Хузангая. Фактически он таким образом выразил свои устремления в области творческого бытия чувашской литературы: к созданию новой, современной поэзии на основе обновленного синтаксиса, метроритмики и стиля. Так начинался чувашский модернизм второй половины XX в.

Первый вариант дипломной работы выпускника Литинститута им. А.М. Горького в 1958 г. был отклонен кафедрой творчества, ибо, как отмечал В.В. Дементьев, «в стихах молодого поэта явственно проявлялся не только ожесточенный эгоцентризм, но и общее нигилистическое отношение к действительности». В своей рецензии от 1 апреля 1959 г. писатель положительно отзывался о новом варианте творческой работы чувашского поэта, хотя в ней имеются и такие замечания: «В поэзии Геннадия Лисина нет активной, наступательной силы утверждения, они пассивны и созерцательны. Думается, что в дальнейшем Лисин преодолеет эту душевную вялость и приглушенность, шире вдохнет крепкий и свежий воздух современности». Второй рецензент (поэт А. Жаров) тоже писал, что автору дипломной работы «удалось преодолеть чуждые влияния, излечить душевный надлом, проявлявшихся в недавних, печально известных в институте стихах». Третий рецензент (В. Журавлев) заметил тягу чувашского поэта к романтизации «ветхости и изношенности»¹⁷⁸. Все эти высказанные рецензентами замечания вытекали из известных требований творческого направления соцреализма, которое Г. Айги называл «плакатным искусством».

Настроения столичных литераторов периода оттепели передавались в чувашскую творческую среду через слушателей Высших литературных курсов (П. Хузангай и др.), студентов Литературного института (прежде всего Г. Айги). В

¹⁷⁷ Савантах. 13 с.

¹⁷⁸ Копии вышеприведенных рецензий сохранились в личном архиве В.С. Чекушкина.

результате общения с московским студентом целая плеяда *миттаҫсем* из ЧГПИ им. И.Я. Яковлева начала писать «неплакатные стихи», названные официальной критикой упадническими. Во втором номере литературного бюллетеня «Шанчӑк» (Надежда), вышедшего в свет 1 мая 1960 г., были помещены стихотворения В. Егорова, В. Чекушкина и Г. Юмарта, которые, по мнению ряда студентов, в большой печати «будут опубликованы через 50 лет»¹⁷⁹. Подобные издания без строгой цензуры фактически являлись разновидностью самиздата 1960-х гг.

Руководство деканата и кафедры была перепугана не на шутку: творческая чувашская молодежь не соглашается с утверждением, что жизнь «прекрасна и удивительна», она пишет «о беде народной», лица советских людей сравнивает с цветом золы (Кӗл тӗслӗ сӑрӑ хула каҫӗ, / Ҫынсен пит-куҫӗ кӗл тӗслех. – В. Егоров). А Г. Юмарт выражает душевное состояние мятущегося лирического героя, не довольного действительностью:

Паян маншӑн пурнӑҫ тӗрме пек,
Шанма майӗ ҫук никама.
Ҫакна-и хальччен кӗтрӗм эпӗ,
Телейлӗн туйса ҫеҫ хама.

Кашни хӑйӗн хырӑмшӗн ҫеҫ-мӗн,
Таптат хӑй пек чунлӑ ҫыннах.
Епле-ха кучух эс кӗлешмӗн,
Ылханмӑн турра куҫӑнах?

(Жизнь кажется нынче тюрьмой, / И верить нельзя никому./ Не этого ждал я все время, / С надеждой лелея себя. / Важнее всего свой желудок, / Чужого готов растоптать. / Ну как быть спокойным сегодня, / И бога в глаза не ругать?)

Против талантливой поэтической поросли выступали прежде всего вульгарные социологи 1930-х гг. (И. Кузнецов, А. Эсхель, В. Долгов) и остепененные литературоведы-преподаватели (М. Сироткин, В. Канюков, Н. Павлов). Они не ограничивались критическими статьями в печати, изымали

¹⁷⁹ Бойко И.И. Указ. соч. С. 201.

номера стенных газет, организовывали обсуждения на собраниях, заседаниях партбюро, вызывали на обструкцию в обком партии и другие учреждения. Так, по инициативе В. Долгова поведение выпускника-отличника В. Егорова обсуждали в обкоме КПСС с приглашением ректора (К. Евлампьева), декана и секретаря комсомольской организации пединститута. После этой встречи появился следующий приказ ректора: «Егорову В.П., как молодому поэту, за пессимистические стихи задержать диплом на два года. Диплом выдать после предоставления положительной характеристики с места работы»¹⁸⁰.

Аналогичный инцидент произошел в 1963 г., когда студенты пединститута (В. Ядрина, А. Николаев-Кульвар, В. Тимаков, А. Аттил, П. Эйзин, Хв. Агивер) выпустили стенную газету «Ѕамрăклăх» (Молодость). В ее передовице были такие призывающие к новаторству слова: «Настоящая поэзия всегда является новой. Но новое всегда вызывает споры. В современной жизни есть еще писатели, которые боятся создавать свежие образы, высказывать смелые мысли. Свою устарелость и отсталость они прикрывают, объясняя якобы защитой добрых традиций»¹⁸¹.

Через несколько дней «бдительный» доцент сорвал газету с намерением отнести ее в соответствующие органы, очевидно, в качестве приложения к доносу на талантливых студентов. Догадливые студенты хотя и выкрали «крамольный» номер газеты с кафедры, но не избежали отдельной беседы с деканом и сотрудником КГБ. После вышеописанного инцидента провели собрание, на котором поэтов-новаторов критиковали за их «идеологическую шаткость, пессимизм и чрезмерное увлечение формой». Некоторые активисты избежали отчисления лишь тем, что после сессии быстро перевелись на заочное отделение. Из них наиболее оригинальный поэт П. Эйзин, по своим воспоминаниям, после такого прессинга сжег три тетради со стихотворениями. Из десятков произведений чудом сохранилось лишь стихотворение «Кёркунне» (Осень) (оно в те годы было копировано А. Николаевым-Кульваром). Можно утверждать, что поэтика и стиль

¹⁸⁰ Айхисемпе Юмартсене камсем тустарнă? // Капкăн. 2002. 6 №. 12 с.

¹⁸¹ Алексин В. Вёсене ѕамрăклăх пăтратнă // Хыпар. 2014. Нарăс, 8.

П. Эйзина сложились еще в годы студенчества поэта. Автор мыслит строками-образами без особого выделения ударенных слогов. На фоне поэтической традиции сеспелевской школы подобные стихотворения свободны не только от четкой равноударности, но и от утомительной равнотактности. Читатель занят сопоставлением неожиданных и непривычных для себя образов и ассоциаций: «Мокрый лес дрожит. / Распухшая [от дождя] земля / Подножку ставит шаг за шагом. / Овраги наполнены / Мертвыми листьями. / Вокруг / Деревья как черные тени. / Лес разорен. / Лес / подобен дому после кражи. / Лес бесхозен. / Его хозяева / С летним днем / Улетели на юг...» (начало стихотворения «Осень»).

Итак, период оттепели способствовал обновлению чувашской поэзии, которое заключалась в отказе ряда поэтов от традиционной (силлабо-тонической) метро-ритмики, фабульности и шаблонной образности. Лирическое «Я» в их стихотворениях стало более свободным и индивидуальным, требующим от читателя усиленного внимания к сцеплению рядом стоящих образов, угадывания их тональности, звучания полутонов. На фоне успешной практики поэтов-модернистов (прежде всего Г. Айги, П. Эйзина и А. Аттила) штатные литературоведы-преподаватели выглядели яркими консерваторами, защитниками «добрых традиций» 1930-х гг. В 1967 г. самый главный авторитет для партноменклатуры тех лет переиздал свою полукомпилятивную монографию «Очерки дореволюционной чувашской литературы», а под его руководством литературоведы приступили к написанию истории чувашской советской литературы по известной схеме М. Сироткина. Данный коллективный труд наглядно показывает уровень чувашского литературоведения конца 1960-х гг. Основные обзорные статьи, кроме главы «Современная чувашская литература» (автор Г. Хлебников), получились схематичными и весьма тенденциозными, с большими «белыми пятнами»¹⁸². Процесс реабилитации чувашских писателей 1920 – 1930-х гг. был приостановлен вплоть до второй половины 1980-х гг. Но творческая молодежь тайно читала и знала труды Г. Комиссарова (Вандера),

¹⁸² Чăваш совет литератури. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1972. 512 с.

произведения А. Милли, М. Юмана и другую запрещенную в те годы самиздатскую литературу. Именно со студенческой скамьи будущий поэт и исследователь В. Станъял занялся составлением произведений опального М. Юмана, а его товарищ В. Егоров прилюдно заявил, что Юман – талантливый писатель. Такие единичные попытки возвращения запрещенных с 1937 г. имен тонко пресекались парткомами вузов и научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, естественно, под зорким наблюдением сотрудников КГБ. Даже издание собраний сочинений таких классиков литературы, как К. Иванов (Кашкыр) и М. Сеспель, не обошлось без купюр по религиозным и идеологическим соображениям. В частности, в предисловии первого умалчивалось о переводах К. Иванова «Песни песен» и других произведений религиозно-духовного содержания, а во вторую книгу не включили ряд произведений М. Сеспеля, считая их националистическими и пессимистичными¹⁸³.

Несмотря на такие купюры идеологического характера, эти издания заложили основы чувашской текстологии, обратили внимание исследователей на особую важность сохранения оригиналов рукописей писателей. В ходе работы над составлением собрания сочинений классиков чувашской литературы была проделана большая работа по сбору воспоминаний о них. На их основе впоследствии были изданы статьи и книги¹⁸⁴.

Не менее кропотливая работа была проделана и по изучению творческой биографии отдельных деятелей чувашской культуры XVII – XIX вв. Здесь особую активность проявили историки и педагоги, чем литературоведы. Например, о жизни и творчестве Н.Я. Бичурина писали П.Г. Григорьев и И.Д. Мурзаев¹⁸⁵, о

¹⁸³ *Иванов К. Сырнисен пуххи. Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 445 с.; Çеçпĕл Мишши. Сырнисен пуххи / Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 355 с.*

¹⁸⁴ *Кăвар чĕре: поэт сĕнчен аса илнисем / В.А. Долгов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1979. 180 с.; Константин Иванова аса илесçĕ / Г.Ф. Юмарт пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1990. 271 с.; Бекшанский П. Рассказы о Сеспеле: новеллы, воспоминания, письма, размышления. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 67 с.; Кузьмин Г. Брат мой огнекрылый: воспоминания. Чебоксары, ЧГИГН, 1999. 56 с.; Рубис Н. Встречи с Сеспелем: воспоминания, стихи, письма. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 87 с. и др.*

¹⁸⁵ *Григорьев П.Г. Никита Яковлевич Бичурин. Пурнăçĕпе наука ёçсем сĕнчен сырнă кёске очерк. Шупашкар: Чăваш АССР гос-во изд-ви, 1954. 52 с.; Мурзаев И.Д. Новые документы об Иакинфе Бичурине, выявленные в архивах Ленинграда // Учен.записки ЧНИИ. Вып. XIX. 1960. С. 303 – 319.*

С. Михайлове (Яндуше) – П.Г. Григорьев и Д.Е. Егоров¹⁸⁶. В «Антологию чувашской поэзии» (составитель поэт А. Алга) включили персоналии С. Яндуша, некоторых репрессированных и запрещенных писателей (Я. Турхана, Т. Кириллова, Н. Шубоссинни, В. Паймена, Н. Янгаса), но умолчали о творчестве М. Юмана, Г. Вандера, А. Милли и других этноцентричных поэтов первой трети XX в.¹⁸⁷ По настоянию некоторых членов редколлегии (прежде всего И.Д. Кузнецова) в антологию не были включены стихотворения Г. Айги, М. Волковой, Ю. Скворцова и П. Васильева, а по неверной атрибуции М. Сироткина стихотворение «Чăваш эпёр полтăмăр...» («Чуваши мы родились...», 1852) было приписано С. Яндушу¹⁸⁸.

Явно отставая от писателей-практиков, чувашское литературоведение 1960-х гг. имело успехи, как уже было сказано, лишь в его прикладных областях. Новая теоретическая мысль вырисовывалась в поэтической практике и переводах Г. Айги, П. Эйзина, А. Аттила и других поэтов из плеяды *миттаçсем*. Своеобразным историко-поэтическим событием стало издание антологии французской поэзии «Франци поэçсем» (Поэты Франции, 1968) в переводе, выполненным Г. Айги¹⁸⁹. Через данное издание читателям прививалось чувство толерантности, терпимого отношения к разным поэтическим течениям, школам и направлениям, метроритмическому разнообразию, что было чуждо сторонникам «плакатного искусства» того времени. Весьма показателен тот факт, что редактором и корректором книги являлись самые последовательные *миттаçсем* – это Г. Юмарт и П. Эйзин. Другой *миттаçă* – «великий национальный художник» (Г. Айги) Анатолий Миттов – во время подготовки французской антологии «сделал много набросков карандашом. Среди них четыре портрета

¹⁸⁶ Григорьев П.Г. Спиридон Михайлович Михайлов. Пурнăçе еçсем çинчен сырнă кёске очерк. Шупашкар: Чăваш АССР патшалăх изд-ви, 1960. 56 с.; Егоров Д.Е. Спиридон Михайлович Михайлов (историко-педагогический очерк). Чуваш. кн. изд-во, 1968. 96 с.

¹⁸⁷ Чăваш поэзийĕн анталогийĕ / А. Алка пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1962. 576 с. В антологии имеется фольклорная часть, в которой по предложению П. Хузангая представлен народный мифологический эпос «Мăн кĕрĕ такмакĕ» (Приговор дружки на свадьбе).

¹⁸⁸ В 1990-е гг. было доказано, что стихотворение, опубликованное в статье В.И. Лебедева «О чувашском языке» (1852) сочинено самим автором (Родионов В. «Пирĕн телей» сăвă тата унăн авторĕ // Тăван Атăл. — 1996. — 12 № — 64-66 с.).

¹⁸⁹ Франци поэçсем / Французларан Г. Айхи куçарнă. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви. 1968. 296 с.

Вийона, написанные по мотивам стихотворения с образом поэта, приговоренного к смертной казни через повешение»¹⁹⁰.

А. Хузангай справедливо отмечает, что в развитии национальной культуры происходит как бы постоянное чередование периодов, когда основную функцию выражения национального самосознания берет на себя тот или иной вид искусства. Данную миссию в 1960-е гг. наиболее ярко смогла реализовать, по мнению критика, чувашская поэзия. Действительно, активная борьба классиков поэзии (С. Эльгера, П. Хузангая, В. Митты) за национальную идентичность, равное использование родного языка в разных сферах повседневного быта, общества и власти, частично описанная выше, подтверждает вывод А. Хузангая. В те годы большая проза набирала художественный опыт в области поэтики, осваивала жанр романа, но не более того. В ней замечаются модернистские тенденции, как, например, в поэзии Г. Айги и *миттаçсем*.

К национальной поэзии обращались некоторые чувашские художники, находя в них объекты творческого вдохновения. Таким был *Анатолий Иванович Миттов* (1932 – 1971). «Когда я начинаю работу, мною правит поэзия, признавался художник, – постепенно поэзия превращается в прозу, проза в скуку, скука в тоску, тоска – в отвращение к жизни и дальше возникает вопрос: жить или не жить? Необходимость “жить” побеждает, я заставляю себя работать, преодолеваю отвращение к жизни, тоску, скуку, прозу и возвращается ко мне – поэзия. Я рад, что довел работу до конца, что вернулась поэзия, вместе с нею радость жизни, радость борьбы, силы, победы. Благодарю тебя, поэзия!»¹⁹¹ В своих воспоминаниях супруга художника отмечает, что Анатолий Иванович глубоко любил поэзию, внимательно следил за процессами в чувашской поэзии, признавал ее развитость по отношению к уровню чувашского изобразительного искусства. Больше всего он любил поэзию К. Иванова (Кашкыра), М. Сеспеля и В. Митты. Поэмой «Нарспи» художник вдохновлялся со времени учебы в

¹⁹⁰ Таллерова-Миттова О. Мгновения – длиною в целую жизнь (страницы воспоминаний) // Миттов Анатолий Иванович: Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 55.

¹⁹¹ Миттов Анатолий Иванович. С. 197. Здесь поэзия уподобляется творческому вдохновению.

институте и до конца своего жизненного пути. Кроме этого, имеются свободные интерпретации портрета М. Сеспеля, а также серия рисунков к его стихотворениям. «С творчеством другого чувашского поэта, Васyleя Митты, художник познакомился на моих глазах, – вспоминает супруга художника. – И полюбил его навсегда. Особенно ему были близки стихи позднего Митты, он их часто читал»¹⁹².

А. Миттов так же полюбил творчество Г. Айги, с которым познакомился в мае 1966 г. У поэта был, по воспоминаниям Олимпиады Васильевны, экземпляр нецензурированного «избранного», отпечатанный на машинке и подаренный художнику: «Он выкладывал его на стол, аккуратно переворачивал листы и читал. Конечно, Г. Айги он любил и почитал не только за его поэзию. За все в целом и прежде всего – за трудолюбие. За то, что прикладывал много усилий, чтобы вывести чувашское искусство на европейскую арену»¹⁹³.

На творчество А. Миттова его друг и поэт оказывал немалое и, очевидно, неоднозначное влияние. Айги-европоцентрист считал, что формы «народно-национального искусства» являются лишь экзотическими и внешними, поэтому творчество чувашского художника до 1966 относил к экзотическому периоду, а серию его картин «Нарспи» – высокому уровню обычного иллюстративного искусства. Хотя здесь же он признавал, что «Миттов старался освободить Нарспи от обычной “сусальности”, – путем запрятанной “угловатости”, постарался придать своей героине некоторую “жизненность”, – “необычная трактовка” здесь все же есть»¹⁹⁴.

А. Миттов изначально был востокоцентристом и чувашефилом¹⁹⁵, несмотря на «академически-европейское» образование, не принимал слишком

¹⁹² *Таллерова-Миттова О.* Указ.соч. С. 51.

¹⁹³ Там же. С. 54.

¹⁹⁴ Айги Г. Задумываясь о друге (Некоторые тезисы к творчеству Анатолия Миттова) // Миттов Анатолий Иванович. С. 148.

¹⁹⁵ В библиотеке художника имелись сборники стихотворений Ду Фу, Ван Вей, Рудаки, Хаяма, Лутфи, Джами, Вагифа и других классиков восточной поэзии, антологии «Китайская классическая поэзия», «Юсфу», «Лирика китайских классиков», «Корейская классическая поэзия» (в переводах А. Ахматовой), «Медресе любви. Персидская народная поэзия», «Андалузская поэзия» и т.д. «Конечно, знание восточной поэзии не было пассивным балластом в интеллектуальном багаже художника, - считает супруга Анатолия Ивановича, - оно

абстрагированное (безнациональное) искусство. 18 декабря 1965 г. художник внес в свой дневник такие строки: «О своих работах могу сказать одно: пока я стараюсь найти чувашскую форму изобразительного искусства [чтобы можно было говорить о чувашском национальном изобразительном искусстве в такой мере, как существует чувашский язык, чувашская музыка (мелодия), чувашская поэзия, чувашская вышивка и т.д.] Проблема национального искусства меня занимает давно и это для меня не дань моде»¹⁹⁶. В записях 1966 – 1967 гг. сохранилось размышление художника о национальной форме: «Я думаю, если мы хотим найти действительно национальную форму, художники в своей работе должны опираться на язык, понять мелодию духа, нации, должны любить народ, свою нацию, проникнуться его идеалом»¹⁹⁷.

По воспоминаниям Г. Айги, между ним и А. Миттовым состоялась острая дискуссия по проблемам «этнографизма» в искусстве. Понятно, что европоцентричный поэт все детали народного быта и обрядовой культуры относил к экзотически-примитивному виду творчества. Позицию художника, доступно излагает доктор искусствоведения Н. Воронов: «Миттов изобразительным языком показал нам, как в национальных обрядах интерпретировались общечеловеческие, веками складывавшиеся на основе эмоциональных переживаний, традиции, связанные с трапезой, со свадебным ожиданием, с приготовлением невесты к новой неведомой, одновременно и страшной и радостной для нее жизни»¹⁹⁸.

Следует добавить, что в обрядовых действиях и предметах запечатлена картина чувашского мира, через них воссоздаются этнические концепты и константы. Они помогают членам одного этнического сообщества «маркироваться», стать единым функционирующим организмом. С этой точки зрения вместо европейского «этнографизма» целесообразнее использовать термин «этническая картина мира». Как известно, малочисленные народы, которые не

убеждало его в том, что корни чувашской народной культуры лежат на востоке. Это вдохновляло художника в его поисках» (Таллерова-Миттова О. Указ.соч. С. 55-56).

¹⁹⁶ Миттов Анатолий Иванович. С. 170.

¹⁹⁷ Там же. С. 171.

¹⁹⁸ Воронов Н. Путь и судьба (к эволюции творчества Анатолия Миттова) // Миттов Анатолий Иванович. С. 12.

являются государствообразующими этносами, всегда будут беспокоиться о полномасштабном функционировании своей культуры и языка, их этическое самосознание болезненно воспринимает любое нарушение равновесия в межэтнических отношениях¹⁹⁹.

А. Миттов это интуитивно чувствовал. Как вспоминает супруга художника, читая рукопись о жизни и творчестве В. Митты, он дошел к следующим дневниковым записям поэта (7 июля 1957 г.): «В тот же день слушали одну часть оперы «Шывармань» Федора Васильева. Хоровод, ярмарка. Звучит хорошо. Однако, если сравнить с классикой, то уж очень тяжело, с натугой пишет композитор. На мой взгляд, наши первые оперы должны возрасти на почве народного творчества. Классическая техника, новшества, виртуозность нужны потом. Сейчас надо начинать, развиваться... Васильев, по собственному утверждению, стремится очиститься, избавиться от этнографизма. Сначала через этнографизм покажи несколько раз что-нибудь стоящее, а там – видно будет»²⁰⁰. После прочтения этих слов А. Миттов «не выдержал, вскочил с места и начал ходить туда-сюда по комнате... Обычно всегда спокойный Миттов возбуждается в одно мгновение, смотрит на меня и говорит: “Вот, видишь, Митта тоже думает, как я. Сначала дай эту этнографию...” Эти слова его прозвучали репликой какого-то спора, неоконченного спора, – еще в Москве с Г. Айги они горячо обсуждали эту тему. В 1968 году, после просмотра выставки Пиросманашвили, Айги так и говорил Миттову, что “нечего, мол, возиться с этнографией”... Но, по моему мнению, здесь не только этнография. Значение этих работ выше»²⁰¹.

А. Миттов никогда не был в «этнографизме» в его экзотическо-примитивном значении. Художник воссоздавал в своем творчестве картину чувашского мира через обрядовые действия, костюмы и этноспецифические символы. Последние расставлены перед каждым блоком в главах поэмы «Нарспи» в виде крохотных символических рисунков, образов, знаков. Начала глав

¹⁹⁹ Из обилия литературы рекомендуем следующую работу: *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебн. Пособие для вузов. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.

²⁰⁰ *Митта Васильёв.* Пурна́сёпе пултару́лахё / Г. Юмарт пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1974. 154 с.

²⁰¹ Таллерова-Миттова О. Указ.соч. С. 51-52.

сопровождаются заставками-рисунками, раскрывающими их основное содержание. Эти миниатюрные рисунки должны изучаться вместе с основной иллюстрацией к поэме. Лишь в таком случае обнаруживается мифо-символическая и философская глубина миттовской иллюстрации.

Итак, на стыке поэзии и изобразительного искусства в чувашской культуре шел интенсивный поиск национальной формы и содержания, обнаружились европоцентристские и чувашецентристские взгляды на теорию искусства и литературы, зачастую они на практике взаимодополнялись, входили в диалог с последующим синтезом. На второй волне чувашского модернизма возвысились поэты Г. Айги и миттаҫсем, а также художник А. Миттов. Впереди их ожидала нелегкая борьба с заурядными деятелями литературы и искусства и партноменклатурой в последующие годы застоя.

В конце первой главы необходимо обобщить изложенные в ней основные положения и представить их в виде следующих выводов:

1. Для нормального развития чувашского литературоведения в 1950-е гг. необходимо было реабилитировать все чувашеведческие науки, полностью разгромленные еще в годы массовых репрессий 1930-х гг. В те годы последовательно были реабилитированы: история чувашского языка как одного из болгарской группы тюркских народов; так называемая «миграционная теория», которая помогла опровергнуть автохтонный подход к проблемам происхождения тюркоязычных народов Поволжья; этнография как наука о народах и их культурах.

2. Время требовало от писателей отхода от тематической спекуляции и теории бесконфликтности, преодоление которых позволило бы национальной литературе достичь европейского и мирового уровня. Для этого следовало повысить критерии оценок мастерства писателей, произвести переоценку ценностей в художественно-эстетическом наследии народа, реабилитировать репрессированных и по идеологическим соображениям запрещенных писателей и т.д.

3. В своих учебных пособиях и хрестоматиях М. Сироткин продолжал писать в социологизированном стиле начала 1930-х гг. Компилятивный характер его работ смягчается принадлежащими ему критическими оценками творчества ряда писателей. Основные научные работы ученого были написаны до 1956 г. и, соответственно, имеют явный отпечаток своего времени. Все это осложнило литературную жизнь и затормозило естественный ход развития чувашского литературоведения в последующие годы. На литературный климат отрицательно влияли здравствующие в те годы вульгарные социологи 1930-х гг.

4. В годы оттепели развернулась неравная борьба этноцентричных писателей с властями за сохранение чувашского языка и национальной формы культуры (социалистической, как тогда говорили, по содержанию), во главе которой стал П. Хузангай. Поэт с общероссийской трибуны выступал по проблемам национального и межнационального, патриотизма и интернационализма. Последний термин в статьях поэта постепенно меняет свое содержание в сторону общечеловеческого и обретает новую пару: «национальный патриотизм».

5. В годы оттепели чувашская литературно-теоретическая мысль углубляется в безопасную с точки зрения идеологии и политики область – стиховедение. Между тем, татарские коллеги разрабатывали проблемы творческого метода, нереалистических типов творчества, прежде всего романтического.

6. Ученик яркого деятеля Казанской литературоведческой школы Н. Гуляева, молодой чувашский ученый Г. Хлебников в 1960-е гг. для талантливых писателей стал опорой и защитником от нападений вульгарно-социологической критики. Он писал о необходимости изображения национального характера и менталитета народа. Благодаря научным изысканиям ученого, чувашское литературоведение 1960-х гг. сделало определенные шаги в сторону эстетики и художественности, художественного содержания.

7. В годы оттепели в художественной практике некоторых молодых поэтов проявились нетрадиционные литературно-теоретические взгляды, далеко выходящие за рамки метода социалистического реализма. Г. Айги стал сочинять сюрреалистические стихи, глубоко интересовался модернистскими направлениями в России и Европе. Студенты пединститута восхищались творчеством русских футуристов, акмеистов и имажинистов, обожествляли творчество репрессированного поэта Васyleя Митты.

8. Период оттепели способствовал новой реформе чувашской поэзии, которая заключалась в отказе ряда поэтов-новаторов от силлабо-тонической метрики, фабульности и шаблонной образности. Лирическое «Я» в их стихотворениях стало более свободным и индивидуальным, требующим от читателя усиленного внимания к сцеплению рядом стоящих образов, их тональности, звучанию полутонов. Новаторы разрушали традиционный синтаксис и интонацию. Таким выглядел новый чувашский стих, известный в Европе как *верлибр* (чувашские названия: *ирёклё савă*, *шăранчăк*). В те годы подобные эксперименты проводились и некоторыми татарскими поэтами.

9. Издание антологии французской поэзии на чувашском языке (1968) прививало читателям чувство толерантности, терпимого отношения к разным поэтическим течениям, школам и направлениям, метроритмическому многообразию, что было чуждо сторонникам «плакатного искусства» (Г. Айги).

10. Яркой противоположностью европоцентриста Г. Айги в те годы был художник А. Миттов, по своей натуре и сущности востокоцентрист и чувашефил. Он считал, что искусство должно быть национальным как по своей форме, так и по своему содержанию. Европоцентричный поэт все детали народного быта и обрядовой культуры относил к экзотически-примитивному виду творчества. Художник изобразительным языком показывал, как в национальных обрядах интерпретировались общечеловеческие идеи. Для него чувашский обрядовый быт – это не «этнографизм», как полагали европоцентристы, а «этническая картина мира», «этнические маркеры», «этнические концепты и константы», которые

выполняют функцию этнической идентификации. Таким образом, на стыке поэзии и изобразительного искусства в чувашской культуре шел интенсивный поиск национальной формы и содержания, обнаружились европоцентристские и этноцентрические взгляды на теорию искусства и литературы. В практике деятелей культуры они зачастую взаимодополнялись, входили в активный диалог.

ГЛАВА II. ЧУВАШСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1970 – 1986 ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ЗАСТОЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ШКОЛ

1969 – 1970 гг. являются своего рода рубежом между двумя периодами чувашского литературного процесса второй половины XX в. В первую очередь следует отметить, что тогда была издана монография, в которой подведен итог развития чувашского литературоведения и критики за 1917 – 1967 гг.²⁰² К тому времени была завершена коллективная монография «Чăваш совет литератури» (Чувашская советская литература), авторами которой были М. Сироткин, В. Канюков, Г. Хлебников, Н. Дедушкин и Н. Леонтьев²⁰³.

В 1970 г. после продолжительной болезни ушел из жизни М. Сироткин – основатель чувашского литературоведения в традициях социологической школы Л. Тимофеева. Ученый, являясь большим авторитетом в чувашском литературоведении, придерживал своих учеников в строгих рамках нормированной эстетики социалистического реализма, хотя в последние годы жизни сам стал учиться у молодых (например, ученый негласно признавал теорию просветительского реализма в чувашской литературе второй половины XIX в., выдвинутую А. Васильевым в конце 1960-х гг.).

4 марта 1970 г. не стало П. Хузангая, одного из самых любимых поэтов чувашского народа, активного борца за полнокровное функционирование чувашского языка в общественной жизни, хранителя народной исторической памяти, всегда требующего в творчестве высокого литературно-поэтического совершенства и большого друга пишущей молодежи. Его выступление на семинаре-совещании молодых чувашских литераторов (3 – 4 апреля 1969 г.) стало не только напутственным словом, но и последним благословением (пил) народного поэта. Тогда он призвал молодых литераторов творчески осваивать все богатство мировой литературы, горячо спорить и дискутировать по проблемам

²⁰² Павлов Н.С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 148 с.

²⁰³ Чăваш совет литератури. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1972. 512 с.

творчества, но никогда не доходить до личной обиды оппонента. В годы перестройки 1980-х гг. заветы П. Хузангая стали для молодых ученых и писателей своеобразным моральным кодексом творческого человека.

С сентября 1969 года на отделении чувашской филологии ИФФ Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ) начал преподавать классический научный работник Г. Хлебников, что явилось заметным событием в области подготовки чувашской научной и творческой интеллигенции. Оставаясь основным оппонентом социологической литературоведческой школы, свежеиспеченный преподаватель сплотил талантливую молодежь вокруг нового литобъединения «Ҫилсунат» (Ветрокрылый, чувашский Пегас), создал свою литературоведческую школу.

С конца 1960-х гг. в Чувашском книжном издательстве и НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР (ЧАИИ) стали трудиться талантливые поэты и прозаики (Ю. Скворцов, П. Эйзин, В. Ахун, А. Дмитриев, М Сениэль и др.), прогрессивные литературоведы и текстологи (А. Васильев-Вазан, Ю. Артемьев, Г. Юмарт). Начался процесс зарождения новой, свободной от разных догм литературно-эстетической мысли. Литературно-поэтический опыт практиков *миттаҫӑсем* через художественную критику стал объектом внимания литературоведов, а в дальнейшем обрел форму теоретических посылов.

Данный период развития чувашского литературоведения целесообразно разделить на два подпериода (1970 – 1979, 1979 – 1986), которые, как подсказывает исследуемый материал, значительно отличаются друг от друга.

2.1. Литературоведение 1970 – 1979 годов

2.1.1. Застой научно-теоретической мысли

Известно, что авторы трехтомной «Теории литературы», изданной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в 1960-е гг., как-

то «ухитрились обойтись без проблемы партийности, народности и т.п.»²⁰⁴. Традиционное советское литературоведение того времени никак не могло обходиться без вышеназванных принципов, даже теоретические достижения периода оттепели оно зачастую причисляло к ревизионистским попыткам в области марксистско-ленинского искусства. Сама литературно-художественная практика талантливых советских писателей (русских шестидесятников, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова и др.) заставила литературоведов переосмысливать содержание ряда терминов и понятий, отказаться от иерархического представления творческих методов. Но обновление исследовательского инструментария советских литературоведов проходило по отдельным регионам весьма неравномерно, зачастую в условиях активного сопротивления консервативных сил.

Большим достижением советского литературоведения 60-70-х гг. XX в. следует считать подготовку и издание под грифом ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР «Истории советской многонациональной литературы» в шести томах (последний том – хроникально-библиографический)²⁰⁵. Пятый том данного капитального труда, который написан на рубеже 1969 – 1970 гг., является своего рода наглядным материалом для иллюстрации уровня литературоведения того времени как в центре, так и в национальных окраинах советского пространства. Так, в главе «Основные тенденции современного литературного процесса» (автор М. Кузнецов) подведены итоги дискуссий, посвященных актуальным задачам литературного процесса. В первую очередь выделены обсуждения проблем реализма, соцреализма и национальной специфики литературы. Автор констатирует, что большая дискуссия о реализме, прошедшая в 1957 г., показала, что данный исторически возникший тип творчества не противостоит всем иным художественным завоеваниям человеческой культуры. «При господстве схемы

²⁰⁴ Паныков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М.Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С.619. Речь идет о следующем издании: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 452 с.; Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М.: Изд-во «Наука», 1964. 486 с.; Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стиль. Произведение. Литературное развитие. М.: Изд-во «Наука», 1965. 504 с.

²⁰⁵ История советской многонациональной литературы /В шести томах. Т.1. М.: Изд-во «Наука», 1970. 563 с.; Т.V, 1974. 839 с.; Т.VI, 1974. 744 с.

“реализм – антиреализм”, – объясняет ученый, – все, что не соответствовало в национальных литературах умозрительному пониманию реализма, рассматривалось пренебрежительно, как некоторое “отступление”, свидетельство “недоразвитости реализма”. За подобной схоластикой пропадало своеобразие художественного развития и художественных традиций каждой из литератур. Критика этой догматической концепции значительно продвинула вперед изучение национальных художественных традиций, роли в них романтического начала, условности и т.п.»²⁰⁶. Об итогах совещания по вопросам социалистического реализма (март 1959 г.) автор сообщает кратко: «Главный пафос его участников был направлен на раскрытие богатейших творческих возможностей социалистического реализма, против догматических попыток ограничить эти возможности»²⁰⁷. О национальной специфике в главе лишь бегло сказано, что она не застывшая форма, архаика. Здесь автор сразу переходит к проблеме национального и интернационального, ссылаясь на работу Г. Ломидзе²⁰⁸.

Проблему национального своеобразия в данном томе наиболее полно раскрывает З. Османова, которая приходит к такому выводу: «Понятие национального своеобразия всегда исторически конкретно. Национальный характер литературы, как и отдельного человека, не является раз навсегда данным, философско-эстетическое содержание этого понятия находится в движении, в постоянном обогащении и обновлении. Но есть и неподвластные времени черты, которые, подобно резьбе на камне, открываются в своей непреходящей красоте каждой новой эпохе. Они сохранены для потомков силой художественного слова, волей Поэта»²⁰⁹. На основе анализа произведений Ч. Айтматова ученый подтверждает теорию о единстве национального и интернационального. «Эта интернациональная сущность проявляется, – объясняет она факт преобразования писателем национальных традиций, – в стремлении

²⁰⁶ Кузнецов М.М. Основные тенденции современного литературного процесса // История советской многонациональной литературы. Том V. М.: Наука, 1974. С. 17.

²⁰⁷ Там же. С.18.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Османова З.Г. Художественные искания современной литературы. Часть первая // Там же .С. 76.

всесторонне и глубоко отобразить трудный и порою противоречивый путь человека к правде нашего века, утвердить эту правду, отстоять ее»²¹⁰.

Портреты всех национальных литератур написаны по единой схеме, при этом их объемы были распределены организаторами проекта, скорее всего, согласно официальному статусу народов и их республик. Неравно представлены и литературы народов Поволжья и Приуралья: татарская литература занимает 13,5 страниц, башкирская – 8 страниц, чувашская – менее 6,5 страниц, марийская – 7 страниц, мордовская – 5 страниц, удмуртская – 8 страниц, коми – 7 страниц. В состав региона включена еще одна литература – калмыцкая (объем – около 8 страниц). Такая раскладка объемов ставила авторов портретов в неравное положение. Очевидно, именно по этой причине автор портрета чувашской литературы (Г. Хлебников) посвятил динамике развития поэзии четырнадцати лет лишь одну страницу, что, несомненно, сказалось на качестве ее анализа (в монографии «Современная чувашская литература» Г. Хлебникова раздел поэзии занимает 43 страницы²¹¹). Хотя лишь в обойме, но он упомянул имена таких талантливых поэтов, как Г. Айги, М. Волкова, А. Дмитриев и Ю. Айдаш. К сожалению, в обойме же оказался и Ю. Скворцов – ярчайший писатель тех лет. В рассматриваемые годы вышеперечисленных художников слова традиционно причисляли к молодым писателям, что, очевидно, отразилось в стиле повествования автора. Мизерный объем портрета не позволил показать и динамику жанров исследуемого периода. Из региональных авторов более или менее удачным портретом можно считать работу К. Васина о марийской литературе, который не ограничивается описанием творчества отдельных писателей, а пытается показать истоки и динамику развития отдельных видов и жанров. В портрете Х. Хайри (Татарская литература) наряду с положительной оценкой творчества талантливого писателя А. Гилязова имеется такое не совсем обоснованное замечание: «Однако, стремясь быть оригинальным, драматург подчас излишне увлекается самоанализом героев там, где требуются

²¹⁰ Там же. С.95.

²¹¹ Хлебников Г.Я. Поэзия // Современная чувашская литература. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. С.137 – 183.

драматическое действие и активные столкновения, что лишает некоторые его пьесы жанровой определенности»²¹². Автор портрета обошел своим вниманием татарское литературоведение, которое в те годы занимало в регионе ведущее положение.

Со второй половины 60-х гг. XX в. татарские литературоведы особое внимание стали уделять проблеме творческого метода. Для них «в изучении вопросов, связанных с творческим методом, основой явились труды видного представителя русской науки Н. Гуляева и исследователя литературы тюркских народов А. Гаджиева»²¹³. Их идеи (об особенностях романтического типа творчества, просветительского реализма, а также о взаимодействиях романтизма и реализма) оказали на направление развития татарского литературоведения сильное влияние. Например, в 1967 г. О. Кадыров защитил кандидатскую диссертацию по теме «Романтизм Галимджана Ибрагимова (Творчество и эстетика)»²¹⁴. Проблеме творческого метода посвятили свои работы И. Нуруллин²¹⁵, Ю. Нигматуллина²¹⁶, Р. Ганиева²¹⁷, Г. Халит²¹⁸ и др. Именно татарские литературоведы впервые в регионе стали пользоваться термином «просветительский реализм», выявили роль данного метода в дореволюционной литературе. Они успешно трудились «для раскрытия роли нереалистических методов в истории развития татарской литературы, особенно романтизма»²¹⁹.

Основными причинами отставания чувашской литературно-теоретической мысли явились, во-первых, наличие глубоких корней вульгарно-социологической

²¹² Хайри Х.Ф. Татарская литература // История советской многонациональной литературы. Том V. С.639.

²¹³ Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. С. 72. Основные работы см.: Гуляев Н.А. Теория литературы. Учеб. Пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1977. 278 с.; Гаджиев А.А. Романтизм и реализм: Теория литературно-художественных типов творчества. Баку: Элм, 1972. 348 с.

²¹⁴ Кадыров О.Х. Романтизм Галимджана Ибрагимова (Творчество и эстетика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1967. 31 с.

²¹⁵ Нуруллин И.З. Реализм турында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 93 б.

²¹⁶ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 212 с.

²¹⁷ Ганиева Р.К. Тукайнын ижат методы (романтик тенденцияләр эволюциясене карата) // Татар эдәбияты мәсьәләләре. Казан: Г.Ибраһимов ис. ТЭТИ, 1972. Б.51 – 72; Она же. Проблемы творческих методов в тюркоязычных литературах начала XX века. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1973. Ч.1. 28 с.

²¹⁸ Халит Г.М. Кешегә һәм чынлыкка мэхэббэт белән. Казан: Татар кит. нәшр., 1975. 375 б.

²¹⁹ Ахмадуллин А.Г. Новое в теории и методологии татарского литературоведения // Проблемы современной тюркологии: Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. 27 – 29 сентября 1976 г., г. Алма-Ата. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1980. С. 245 – 246.

школы 1930-х гг. (они и в 1950 – 1970 гг. оставались авторитетными экспертами Чувашского обкома КПСС). Во-вторых, застой в литературоведении обеспечивался плохой организацией подготовки научных кадров, не было прилива свежих идей от аспирантов и соискателей (они подчинялись воле научного руководителя, в те годы единственного доктора наук М.Сироткина). Отставание теоретической мысли чувашских литературоведов отмечалось и в работе Н. Павлова «Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики». Излагая данный очевидный факт, автор инстинктивно занимает позицию защищающегося. «На первый взгляд может показаться несколько странной сама постановка вопроса: есть же общесоюзная литературная теория, которая относится к любой национальной литературе нашей страны, - далее ученый набирается смелости заявить кажущейся дерзкой для чувашских литературоведов тех лет мысли. – Однако нет литературы вообще, а существуют национальные литературы, в каждой из которых своя специфика образных средств и развития, В связи с этим важнейшее значение имеет проблема национального своеобразия чувашской литературы»²²⁰. После такого признания Н. Павлов, хотя и в форме пожелания, указывает на слабые стороны статьи И. Кузнецова: «Методологическая работа И.Д. Кузнецова, посвященная очень важной и актуальной теме, не может вызывать возражений <...> Все же искать в статье анализа языка, жанров, тематики, образов и т.д. – всего того, в чем проявляется национальное в художественной литературе, не приходится»²²¹.

Своеобразной была реакция И. Кузнецова на издание монографии Г. Хлебникова «Современная чувашская литература». В статье «Илемлё литература произведенийёсене хаклас критери пирки» (О критериях оценки произведений художественной литературы, 1972) он обвинил литературоведа в том, что принцип национального (нацилӗх принципӗ) ученый якобы ставит выше принципа соцреализма. «Для него, если герои (типы) какого-либо произведения

²²⁰ Павлов Н.П. Указ. раб. С.144.

²²¹ Там же. С 128.

чувашских писателей не выражают национального характера, национального своеобразия,- возмущается критик-историк, – то оно – плохое произведение»²²².

Монографию Г. Хлебникова защитили в центральной прессе его коллеги из Казанской литературоведческой школы Р. Мустафин²²³ и Ю. Артемьев²²⁴. К тому времени в чувашском литературоведении и критике четко выделились две тенденции: одни придерживались традиционного понимания метода социалистического реализма, признавали лишь принципы классовости и партийности, национальную специфику видели только в языке. Другие (бывшие выпускники Казанского университета и *миттаçăсем*) в рамки соцреализма включали проблемы национального своеобразия и ментального характера, романтический тип творчества. Первые причисляли себя к наследникам чувашской социологической школы критиков довоенного времени (в их среде наиболее авторитетными считались И. Кузнецов, В. Долгов и А. Эсхель). После смерти М. Сироткина более молодые из них стали называть себя сироткинцами. Вторые же объединились вокруг яркого «оттепельца» Г. Хлебникова, ученика Н. Гуляева и И. Брагинского.

Наиболее открытое противостояние между сироткинцами и хлебниковцами состоялось в 1973 г. на конференции по теме «Национальное и интернациональное в чувашской литературе и искусстве». Мероприятие было проведено по рекомендации Чувашского обкома КПСС, а организаторами и основными докладчиками целенаправленно назначили сироткинцев, сторонников традиционного понимания проблемы. На пленарном заседании выступил И. Кузнецов с темой «Ленинская концепция социалистической культуры и вопросы национального художественного творчества в чувашском литературоведении». Под его влиянием на данном научном форуме победила позиция, согласно которой интернациональное признавалось выше национального. При этом, понимая первое в значении пролетарского

²²² Кузнецов И.Д. Илемлĕ литература произведенийĕсене хаклас критери пирки // Кузнецов, Иван. Саманапа литература. Критикапа публицистика. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1877. 87 с.

²²³ Мустафин Р. Конкретность, доказательность, убедительность // Литературная Россия. – 1972. – Июнь, 30.

²²⁴ Артемьев Ю.М. Итоги поисков // Вопросы литературы. – 1972. – № 9. – С.226-227.

космополитизма, а второе – весьма близко к националистическому, с трибуны «была высказана общая мысль о том, что анализ произведений чувашской литературы с позиций единства национального и интернационального поможет отдельным писателям освободиться от излишнего увлечения этнографизмом и от тенденции подчеркивания национального своеобразия»²²⁵. В результате участники конференции пришли к такому «общему» мнению: «Некоторые литературоведы абсолютизируют национальную специфику и самобытность... Было указано, что некоторые литературоведы допускают эклектизм, не совсем четко представляют понятие категорий марксистско-ленинской эстетики»²²⁶. Молодые писатели обвинялись в незнании принципов классовости и партийности литературы, их упрекали за «увлечение идеализацией прошлого» и «подчеркивание национального своеобразия путем возвеличивания отдельных личностей, князей, турханов и им подобных». И. Кузнецов в своем докладе очередной раз разнес монографию Г. Хлебникова, критикуя содержание словосочетаний «философская самобытность», «национальное мироощущение», «общенациональная философия судьбы народов», «типическая чувашская натура», «чувашский национальный характер» и т.д. Не отличаются новизной выступления и других докладчиков (В. Эзенкина, Е. Владимирова, Н. Дедушкина и др.), чувствуется, что они подготовлены с оглядкой на позиции идеологов от партии если не всесоюзного, то республиканского уровня. Вероятно, основной целью данного мероприятия было публичное обличение так называемых опальных писателей (М. Юхмы, *миттаçăсем*) и ученых (Г. Хлебникова и Г. Волкова)²²⁷, которых для открытого диалога к трибуне не подпустили. В защиту внутренних чувашских «диссидентов» выступили некоторые центральные газеты и журналы²²⁸, в итоге их временно оставили в покое.

²²⁵ Изоркин А.В. Национальное и интернациональное в чувашской литературе и искусстве // Чувашский язык, литература и фольклор: Сб. статей. Вып. 3. Чебоксары: ЧНИИ, 1974. С.372.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Национальное и интернациональное в чувашской советской литературе и искусстве: Сб. научных статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1975. 163 с.

²²⁸ Мустафин Р. Проблема критериев // Дружба народов. – 1973. – № 9. – С.238; Марченко А. Возможности свободного романа // Вопросы литературы. – 1971. – № 9. – С. 39-48; Обсуждаем творчество Михаила Юхмы // Литературная Россия. – 1974. – Март, 8 и др.

Итак, чувашское литературоведение начала 1970-х гг. испытывало серьезные трудности в области использования в анализе произведений чувашских писателей и литературного процесса в целом теоретические достижения общесоюзной науки о литературе. Работы хлебниковцев, если и публиковались, то с большими купюрами и примечаниями. Только в московской периодике они находили полное понимание и поддержку. Новые термины и понятия, используемые советскими литературоведами («младописьменная литература», «ускоренное развитие литературы» и т. д.), чувашским литературным сообществом не обсуждались и были приняты без критического осмысления. Не достигла больших успехов и традиционное чувашское стиховедение. Лишь к концу подпериода появились резко противоположные статьи сироткинца Н. Иванова²²⁹ и ученика Г. Хлебникова, аспиранта ИМЛИ им. А.М. Горького В. Родионова²³⁰. Их дискуссия шла, прежде всего, вокруг вопросов специфики чувашской ритмики, о «силлабо-тонизированности» национального стиха (данная проблема более подробно рассматривается в последующих разделах).

2.1.2. Проблемы в изучении литературного процесса

Из разделов чувашского литературоведения 1957 – 1967 гг. наиболее успешно развивающимся Н. Павлов назвал историю литературного процесса, что он объяснил наличием целого ряда научных работников, писавших свои кандидатские диссертации по данной проблеме. Были изданы книги М. Сироткина, В. Канюкова, Е. Владимирова, Н. Дедушкина, «посвященные исследованию целых отдельных периодов развития чувашской литературы»,

²²⁹ Иванов Н. Ирĕклĕ савă // Тăван Атăл. – 1973. – 12 №. – 69-75 с.; *вĕлах*. Мĕн вĕл тоника? // Ялав. – 1975. – 7 №. – 26-27 с.; 10 № – 31-32 с.; *вĕлах*. Чăваш çаври // Тăван Атăл. – 1975. – 9 №. – 74-80 с.; *вĕлах*. Чăваш савă чĕлхи // О чувашской литературе: Сб. статей ЧНИИ, вып. 77. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. С. 84-95; *вĕлах*. Чăваш савви. Историйĕпе теорийĕн ыйтăвĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1977. 160 с.

²³⁰ Родионов В.Г. О некоторых особенностях ритмической организации древнейшего чувашского стиха // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. С.62 – 63; *Он же*. О ритмике чувашского народного речитативного стиха // О чувашской литературе. С. 66 – 83; *Он же*. Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения // Филол. науки. - 1979.- № 6.- С. 23 – 27; *вĕлах*. Халăх саввинчи семĕ йĕркеленĕвĕ // Тăван Атăл.- 1976.- 6 №.- 73 – 76 с.; *вĕлах*. Пурнăç утма хистет // Сăвă. Сăмах. Сăнар: Тĕрлĕ сулсенче çырнисем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2007. 145 – 151 с.

которые потом вошли в соответствующие разделы «Истории советской многонациональной литературы» в шести томах²³¹. На фоне выявления недостатков работ В. Абашева, А. Кузьмина, Б. Бассаргина²³² Н. Павлов весьма положительно оценил монографию Г. Хлебникова «Чувашский роман»: «Методология автора отличается двумя главными положительными качествами: солидной теоретической базой и рассмотрением вопроса в органической связи с различными этапами истории Чувашии, развитием чувашской национальной культуры. Линия становления художественного обогащения чувашского романа прослежена в книге четко и последовательно. Объективно, без довления преувеличить значение того или иного чувашского романа даются оценки»²³³.

Далее следует дать общую характеристику и оценку коллективной монографии «Чăваш совет литератури» (Чувашская советская литература) по критериям уровня советского литературоведения начала 1970-х гг.²³⁴. Периодизация чувашской литературы советской эпохи полностью совпадает с пятью периодами «Истории советской многонациональной литературы»: 1917 – 1929 (Начальный период чувашской советской литературы), 1930 – 1940 (Чувашская литература тридцатых годов), 1941 – 1945 (Чувашская литература периода Отечественной войны), 1945 – 1953 (Послевоенная чувашская литература) и 1954 – 1967 (Современная чувашская литература). В Плане-проспекте «Истории татарской литературы» в пяти томах (на татарском языке) советская эпоха имеет такие периоды: 1917 – 1932, 1932 – 1940, 1941 – 1945, 1945 – 1955, 1956 – 1975 годы²³⁵. Отличия в периодизации литератур советской эпохи не значительные, но они разнятся в периодизации дореволюционной литературы (в монографии по истории чувашской советской литературы есть отдельный раздел «Предыстория литературы»). Автор данного раздела (М. Сироткин)

²³¹ Павлов Н.С. Указ. соч. С.118 – 121.

²³² Абашев В.Н. Чувашская поэма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 148 с.; Кузьмин А.И. Художественная проза С.В. Эльгера. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1961. 133 с.; Бассаргин Б. Яков Ухсай. Критико-библиографический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 113 с.

²³³ Павлов Н.С. Указ. соч. С.125.

²³⁴ Чăваш совет литератури. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1972. 512 с.

²³⁵ История татарской литературы / В 5 томах (План-проспект). Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФ АН СССР, 1973. 60 с.

выделяет следующие периоды развития чувашского художественного творчества: дописьменная эпоха, XVII – XVIII вв. (эпоха церковно-миссионерской переводной литературы), начало XIX в. – 1870 г., 1871 – конец XIX в., 1900 – 1907 гг., 1908 – 1917 гг. (предреволюционное десятилетие). Чувашскую литературу XIX в. ученый называет «Литературой одиночек», историю письменности начинает лишь с 1871 г.

Татарские литературоведы в пятитомной истории татарской литературы намеревались «охватить историко-литературный процесс с древних времен до наших дней», при этом объективно представить классиков и «забытых», «недооцененных до сих пор писателей»²³⁶. История имеет такие разделы: Литература XI – XIII в. (Булгарский период). XIII – XIV вв. (Золотоордынский период). XV – XVI вв. (Период Казанского ханства). Литература XVII – XVIII вв. Литература первой половины XIX в. Литература второй половины XIX в. Литература начала XX в. (до 1917 г.). Оставляя в стороне спорный вопрос о правомерности причисления всех вышеназванных цивилизаций лишь к татарской культуре, необходимо заметить, что в те годы литературоведы из Казани бросили смелый вызов тем теоретикам, которые не только народы, но их культуры разделяли как разные сорта злаковых растений. Художественно-поэтическое сознание любого народа функционирует тысячелетиями, оно тысячами нитей связано с религией, обрядовыми комплексами, менталитетом, философией и историей этноса. Утопическая идея «ускорения хода времени» в социалистическом обществе, как отмечает Ю. Степанов, породила так называемую теорию «ускоренного развития литературы»²³⁷. По схеме М. Сироткина, чувашская литература, подобно растению, всегда питалась живительным соком русской литературы, училась и заимствовала ее добрые традиции, но это лишь небольшая часть правды. Другая правда заключается в том, что народное художественно-поэтическое сознание, в том числе и литература, веками воспроизводило и будет воспроизводить этнические

²³⁶ Там же. С. 5 – 6.

²³⁷ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. С. 229.

константы, позволяющие сохраниться сообществу людей как целостный функционирующий этнос. Поэтому любой народ и его культура никого не догоняют, они в изменившихся условиях пытаются сохранить свои этно- и культурообразующие составляющие. Приспособившись к новым условиям духовной среды, литературы этих народов начинают вести равный диалог с другими литературами²³⁸. До данной истины авторы плана-проспекта «Истории татарской литературы» в пяти томах дошли, если не на уровне теории, то хотя бы на уровне предчувствия-интуиции.

Глава «Начальный период чувашской советской литературы» написана как цикл творческих портретов писателей, без выявления динамики эволюции прозы, драматургии и поэзии. Не только не анализируются, но и не упоминаются произведения таких «забытых» в годы массовых репрессий писателей, как М. Юман, А. Милли, М. Юрьев, В. Рзай и др. Автор главы (М. Сироткин) намеренно преувеличил значение пролетароцентричных и посредственных писателей (М. Исаева, Н. Шелеби), умолчал о трагических судьбах Г. Тал-Мырзы и И. Агаха.

Концепция главы «Чувашская литература тридцатых годов» (автор В. Канюков) полностью совпадает с вульгарно-социологической позицией И. Кузнецова в работах 1930-х гг., его творчеству посвящен даже отдельный медальон. Автор главы незаслуженно восхвалил пролетароцентристского и тенденциозного прозаика Н. Патмана, обвинил В. Митту в «буржуазном национализме» (это после его реабилитации и снятия всех обвинений вульгарных социологов). Положительной стороной главы является наличие медальона такого талантливого поэта, как И. Ивник. Относительно удачны портреты С. Эльгера (Г. Хлебников) и П. Осипова (Н. Леонтьев).

Последующие две главы (авторы Н. Дедушкин и Е. Владимиров) написаны на таких же описательно-социологическом и тематическом уровнях, как и обзор литературы тридцатых годов. Положительной стороной статей Е. Владимирова

²³⁸ По данной проблеме см.: *Родионов В.Г.* Этническое бессознательное в литературах периода смены художественных парадигм [на материале творчества К.Иванова (Кашкыра) и его современников] // Константин Иванов и чувашский мир в контексте литератур региона. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 13-43.

следует считать его контекстный подход (чувашскую литературу он рассматривает в контексте русской литературы). Самой удачной получилась глава «Современная чувашская литература» (автор Г. Хлебников).

Итак, коллективную монографию «Чувашская советская литература» с точки зрения диахронии, исторического среза нужно считать положительным явлением в литературной жизни Чувашии. Синхроническое видение позволяет выявить ее слабые стороны: сильный налет вульгарно-социологической критики 1930-х гг., возвеличивание творчества некоторых тенденциозных и принижение творчества ряда талантливых писателей, табу на имена некоторых этноцентричных творцов словесной культуры.

В 1970 г. Е. Владимиров издал книгу «Межнациональные связи чувашской литературы», в которой главным образом рассматриваются русско-чувашские литературные связи²³⁹. Автор сожалеет, что данная «важная проблема, литературное и политическое значение которой очень велико, еще не стала в чувашском литературоведении и критике предметом специальных исследований»²⁴⁰. Исследовательский материал в книге подан исходя из политической задачи того времени и сделан весьма политически «верный» вывод, оправдывающий теорию иерархии народов СССР и ходовых эпитетов «великий», «старший», «малый», «младший». Начиная с 1920-х гг. в произведениях чувашских писателей под “увеличительным стеклом” искали факты влияния русской литературы на чувашскую. Например, образ Нарспи сопоставляли то с пушкинскими Татьяной и Марией («Полтава»), то с горьковской Раддой, с лермонтовским купцом Калашниковым, а Мигедера – с Гордеем Карпычем («Бедность не порок» А. Островского), писали о влиянии на творчество К. Иванова (Кашкыра) А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, Н. Некрасова,

²³⁹ Владимиров Е.В. Межнациональные связи чувашской литературы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 200 с.

²⁴⁰ Там же С.15.

Т. Шевченко, А. Горького²⁴¹. Но талантливо написанное произведение никогда не создается «под влиянием», тем более, если оно сочинено гениально²⁴².

В книге Е. Владимиров верно подметил, что своеобразием творчества дореволюционных писателей народов Поволжья являются «органическая связь с устно-поэтическим творчеством своего народа и стремление усвоить художественные традиции прогрессивной русской литературы»²⁴³. Подобный процесс проходил и в татарской литературе и он связан не с отсталостью (недоразвитостью) литератур, а со сменой культурно-идеологической ориентации в регионе. Вместе с капиталистическими отношениями в Поволжье распространялись идеи русско-европейского Просвещения, которые в наиболее доступной форме были изложены в художественной литературе. Переводы с русского осуществлялись не ради формы, а ради идеи, содержания, что хорошо показывает автор на примере переводов произведений Л. Толстого и других классиков русской литературы.

Анализируя переводы стихотворений А. Кольцова, Н. Некрасова и других русских поэтов, автор глубоко убеждает читателя в том, что произведения русских писателей чувашский классик использовал «для выражения своего критического отношения к действительности, для пробуждения у родного народа чувства самосознания»²⁴⁴. Очевидно, не совсем правы те исследователи, которые отрицают наличие в творчестве К. Иванова (Кашкыра) социальных мотивов, Поэта интересовали, как доказывает Е. Владимиров, «прежде всего социально-экономическое положение народа, его мысли и думы»²⁴⁵. В целом книга Е. Владимирова оставляет хорошее впечатление, хотя она имеет немало недостатков методологического характера. Нужно считать, что ее выход несколько сдвинуло застывшее на одном месте классическое чувашское литературоведение.

²⁴¹ Там же. С.10-15.

²⁴² Родионов В.Г. Этническое бессознательное в литературах периода смены художественных парадигм [на материале творчества К.Иванова (Кашкыра) и его современников], С. 20.

²⁴³ Владимиров Е.В. Указ соч. С.17.

²⁴⁴ Там же. С.79.

²⁴⁵ Там же. С.75.

Совершенно новым словом в чувашском литературоведении тех лет (не считая архивные очерки Г. Комиссарова) оказался изданный в 1971 г. очерк В. Канюкова «От фольклора к письменности (Ранняя чувашская литература и народное творчество)»²⁴⁶. Как известно, М. Сироткин начинал чувашскую литературу с 1870-х гг. и называл ее «литературой одиночек» (как будто ее возникновение зависело от количества писателей), а все те произведения, которые написаны до появления яковлевской письменности, относил к предыстории литературы. Получалось, что литераторы [Е. Рожанский, Н. Бичурин, Хведи Чуваш, С. Михайлов (Яндуш), В. Лебедев и др.] творили, а самой литературы еще не было. Совершенно другой была периодизация Г. Комиссарова, которую М. Сироткин знал прекрасно, но по конъюнктурным и частично политическим соображениям ее не принял (в том случае литература углубилась бы еще на один век, перестав быть «младописьменной»). Дояковлевский период В. Канюков назвал старописьменной литературой, которая, по мнению ученого, берет начало со второй трети XVIII в. и завершается в 1860-е гг. Соответственно, с 1870-х гг. начинается новописьменная литература. Там же он подверг справедливой критике Е. Владимирова за следующую его необоснованную, опять-таки политическую заявку: «Ввиду отсутствия письменности чувашаи вплоть до конца XIX в. и начала XX в. не могли создать своей литературы»²⁴⁷ (ученый, как и М. Сироткин, придерживался теории «младописьменности» чувашской литературы). В своей книге В. Канюков доказывает обратное: чувашская литература имеет глубокие корни (он выделил даже древнеписьменную культуру чувашей), в ней уже к концу 1870-х гг. сложился «типический герой в реалистической трактовке его типического окружения. К тому же реализм возник не на голом месте»²⁴⁸.

Углубление истории литературы привело ученого к старой теории возникновения реализма классического типа. К тому времени А. Васильев обоснованно писал, что в творчестве писателей второй половины XIX в.

²⁴⁶ Канюков В.Я. От фольклора к письменности (Ранняя чувашская литература и народное творчество). Очерк литературно-фольклорных отношений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 127 с.

²⁴⁷ Владимиров Е.В. Указ соч. С 16.

²⁴⁸ Канюков В.Я. Там же. С.14.

преобладал просветительский реализм²⁴⁹. Оживились споры вокруг нового термина, зачастую нарушающие заветы П. Хузангая (об уважении своих оппонентов). Эти схоластические дебаты продолжались до перестроечных годов, некоторые до настоящего времени считают, что в чувашской литературе, как отдельной художественной системы, просветительского реализма не было, существовало лишь народно-педагогическое движение. В.Канюков придерживался именно такого представления.

Заслугой автора книги является и тот факт, что он впервые в яковлеведении использовал исторический подход, то есть изучил взгляды и творчество чувашского просветителя в аспекте их эволюционного изменения, динамики. «Достоинство И.Я. Яковлева заключается не в том, что он был, как можно думать, непогрешимым раз и навсегда, – напоминает он тем, кто пытался создать образ просветителя по стилю иконографии, – а в том, что пришел к новому, преодолев заблуждения не только предшественников, но и свои собственные»²⁵⁰.

В 1970 – 1978 гг. чувашское литературоведение обогатилось творческими портретами С. Михайлова (Яндуша)²⁵¹, Н. Шубоссинни²⁵², С. Эльгера²⁵³, П. Хузангая²⁵⁴, Я. Ухсая²⁵⁵, В. Митты²⁵⁶. Бывшие аспиранты МГУ им. М. Ломоносова В. Эзенкин и ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР Ю. Артемьев издали свои кандидатские диссертации как монографии²⁵⁷. Основная часть этих работ написана в рамках традиционного литературоведения, без

²⁴⁹ Васильев А.В.К вопросу о просветительском этапе чувашской литературы // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 46. Филология. Чебоксары: ЧНИИ, 1970. С. 196-203.

²⁵⁰ Канюков В.Я. Указ. соч. С.107.

²⁵¹ Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. 423 с.

²⁵² Канюков В.Я. Николай Васильевич Шупу́ссынни. Пурна́сёпе пултару́лхё синчен. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1977. 61 с.

²⁵³ Эшель А. Поэт кунсулё. С.В. Элкер пурна́сёпе пултару́лхё синчен. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1974. 64 с.

²⁵⁴ Иванов Н.И. Чăваш халăх савăйи Петёр Хусанкай. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. 64 с.

²⁵⁵ Иванов Ип. Халăх чунё. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1972. 151 с.

²⁵⁶ Митта Ва́слейё. Пурна́сёпе пултару́лхё / Пухса хатёрлекенё Г. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1974. 176 с.

²⁵⁷ Эзенкин В.С. Путь к роману: Особенности развития повествовательных жанров в чувашской советской литературе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 93 с.; Артемьев Ю.М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 158 с. Последний автор намеревался писать свою кандидатскую работу по проблеме романтизма в чувашской литературе, но ему настойчиво порекомендовали другую тему.

критического разбора историографической литературы. Лишь в книге Ю. Артемьева присутствует полемический настрой исследователя. Оспаривая тезис М. Сироткина о том, что «Арсури» (Леший, 1984) Мих. Федорова написана в «реалистическом плане», ученый приводит следующий довод: «... желая выдать Хведера за типического представителя чувашского крестьянства 70-х гг., чрезмерно расширяя его социально-классовую соотнесенность и определенность, исследователи не замечают, как этим невольно обедняют чувашский национальный характер. Ведь в этом образе и в помине нет типизации и художественного обобщения таких черт, издревле свойственных чувашу, как сметливость ума, чувство достоинства, неунываемость, благородство, бунтарство и непокорность судьбе»²⁵⁸. Следующим аргументом, отрицающим реалистичность поэмы (не баллады, как определял жанр произведения М. Сироткин) Ю. Артемьев считает, что образ Лешего – это «не плод индивидуально-художественного вымысла, он возник в неисчерпаемом воображении народа, конкретизировался и шлифовался веками. В художественной ткани баллады Леший (носитель Зла) акцентированно показан как образ, от которого исходят причины всех злоключений Хведера в пути»²⁵⁹.

По отношению к творчеству Мих. Федорова Ю. Артемьев не применяет определения «просветительский реализм», хотя в творческих исканиях Т. Тайыра, М. Акимова, Н. Шелеби и К. Иванова (Кашкыра) он находит сложное переплетение отдельных принципов «реализма критического и просветительского, а иногда даже романтизма, развитие которых было заторможено реакцией...»²⁶⁰. Именно из-за глубоких корней чувашского просветительского реализма как литературно-художественной системы сложилась литературная классика конца XIX – начала XX вв. [Мих.Федоров, Якку и Хведэр Турханы, Г. Кореньков, К. Иванов (Кашкыр)], которые способны были осваивать,

²⁵⁸ Артемьев Ю.М. Указ. соч. С.35 -36. В главе III вышеназванной книги автор утверждает обратное: «... герой М.Федорова являлся типичным представителем той части чувашского крестьянства, которая прозябала в темноте» (Там же. С.143.).

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Артемьев Ю.М. Указ. соч. С. 44.

как справедливо отмечает Ю. Артемьев, «социально значимые и масштабные жизненные проблемы»²⁶¹.

Таким образом, работы Е. Владимирова, В. Канюкова, Г. Хлебникова и Ю. Артемьева способствовали расширению границ старой литературно-теоретической мысли и более глубокому историческому взгляду на литературный процесс. Но время требовало совершенно нового осмысления как теории, так и истории литературы, для чего необходимо было заполнить «белые пятна» в истории литературы, вернуть незаслуженно забытые имена и их произведения, а также подготовить перспективных, способных специалистов.

2.1.3. Роль литобъединения «Сильсьюнат» в подготовке творческих и научных кадров

За издание книги «Поэты Франции. Стихи французских поэтов XV – XX вв.» (1968) в 1972 г. Г. Айги присудили премию Французской Академии им. Поля Дефея, о чем охотно извещала как центральная, так и чувашская пресса²⁶². Издали свои книги близкие его друзья Ю. Скворцов и В. Игнатьев²⁶³, *миттаçă* Г. Юмарт²⁶⁴, более молодые поэты М. Сениэль, В. Тимаков, Хв. Агивер, П. Эйзин и другие²⁶⁵. В 1970 г. бывшие студенты - «бунтовщики» Чувашского пединститута им. И.Я. Яковлева В. Станъял и В.Тимаков, а также выпускник КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина Ю. Айдаш поступили в очную аспирантуру ЧГУ им. И.Н. Ульянова по специальности «Чувашская литература». Под руководством доцента Г.Хлебникова начало свою бурную деятельность литературное

²⁶¹ Там же. С.157.

²⁶² *Миндубаев Ж.* Премия чувашскому поэту // Известия. –1972. – Июнь, 26; *Невская Б.* Литературная премия Франции – чувашскому поэту // Литературная Россия. – 1972. – Июнь,21; *Афанасьев П.* Чăваш поэтне – Франци Академин премине // Коммунизм ялавĕ. – 1972.- – Июнь, 15 и др.

²⁶³ *Скворцов Ю.И.* Сын ашши. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1969. 197 с.: *вайлах.* Сұл юлташĕ. Калавсемпе повеçсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1975. 184 с.; *Игнатьев В.* Беспокойные. Рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 160 с.

²⁶⁴ *Юмарт Г.Ф.* Тивĕç. Сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1969. 71 с.; *вайлах.* Курак тăманĕ. Сăвăсем. Шупашкар Чăваш кĕн. изд-ви, 1971. 32 с.

²⁶⁵ *Тимаков В.* Аслă сыхăну. Сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1974. 54 с.; *Агивер Хв.* Ешĕл хум. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1970. 94 с.; *Эйзин П.* Кăвайт. Сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1976. 103 с. Рецензию на книгу П.Эйзина (1976) см.: *Родионов В.Г.* Туйăмпа шухăш пĕрлĕхĕ // *Родионов В.Г.* Сăвă. Сăмах. Сăнар: Тĕрлĕ сұлсенче сырнисем. 143. 145 с.

объединение «Сильсюнат», которое оперило и дало крепкие крылья десяткам талантливым чувашским поэтам, прозаикам, публицистам и ученым. За 1970 – 1971 учебный год на секции поэзии «Сильсюната» были обсуждены стихотворения Р. Сарби (Яковлевой) и В. Родионова, Н. Ишимбая (тогда – Ландыша) и Л. Мартьяновой; переведены на чувашский язык стихотворения Салавата Юлаева, Рами Гарипова, шонкаровцев и эллюккийцев.

В предисловии первого номера альманаха «Чебоксарский родник» имеются замечательные советы руководителя литературного объединения, которые пишущей молодежи давали настоящий ориентир в творчестве и жизни. «Ветрокрылый, – размышляет литературовед о содержании названия литературного объединения. – Не намекает ли данный символ стремительный бег современного мира? Стремиться, торопиться, успеть – какие значимые слова! Они позволяют познать устремления современной эпохи и увидеть следы изживающего в чувашском характере: слабоволие (хавшаклӑх), мечту народа быть наравне с другими... Чуваши сохранили свой этнос, свой язык. Благодаря своей поворотливости (васкаварлӑхне пула) и основательности (тӑплӑхне пула) чуваш ничем иным, как своей вышивкой – трудом, требующим большой усидчивости (чӑтӑмне пула) и тщательного исполнения (тирпейлӑхне пула) – впервые стал известен миру»²⁶⁶. Как понимал Г. Хлебников, формула “успевать” для чувашской нации, в особенности для деятелей культуры и искусства, является лозунгом не только прошлого дня, но и современности. Диалектика жизни заставляет уважать и развивать родной язык и родную литературу. «Мы не должны изолироваться от других, мы обязаны успеть (*ӗлкӗрес пулатӑ*), – призывал учитель своих учеников. – Чуваш данную истину давно заложил в основу своего характера. Он – трудолюбив (*васкавлӑ*), подвижен (*чӗрӗ*), не неповоротлив (*чуман мар*)». Г. Хлебников призывал пишущей молодежи овладевать общечеловеческой культурой, преодолевать все трудности и преграды, встречающиеся на их пути и родного народа. Желание достичь вершин должно быть заветной мечтой каждого чуваша. Без такого устремления, полагал

²⁶⁶ Родионов В. «Пирӗн ӗлкӗрес пулатӑ» // Хыпар. – 2014. – Чӑк, 20.

наставник, миру чувашские писатели ничего не покажут, кроме вялого (*сӱрӗк*) и бессильного (*хевтесӗр*), бескрылого (*сунатсӑр*) и несмелого (*хӑюсӑр*) искусства. Литературовед высказал и такие пожелания начинающим писателям: «Следует научиться видеть человека с близкого расстояния, понимать его душу, любить его. Все это зависит и от нас. Пусть вокруг «Сильсюната» пахнет теплый ветерок, пусть каждый его член ощутит себя свободным, не боится открытых дискуссий, пусть научится уважать слово острое и мудрое, шутовское и смелое» (там же).

Литературное объединение «Сильсюнат» для молодых пишущих действительно стало творческой лабораторией и теоретической школой. В качестве примера можно назвать некоторые мероприятия, проведенные в 1972 – 1973 учебном году: *24 октября 1972 г.* – семинар «Как создавать выразительные психологические образы» (докладчик Г. Хлебников). *31 октября* – Вечер, посвященный 50-летию со дня рождения Алексея Воробьева (докладчик А. Алга). *24 ноября* – обсуждение стихов членов «Сильсюната» (критический обзор А. Воробьева и В. Тимакова). *28 ноября* – обсуждение спектакля по пьесе Н. Терентьева «Пурӑнасчӗ ҫынсем пек» (Жить бы по-людски). *12 декабря* – вечер венгерской поэзии (выступали Г. Айги, Г. Юмарт, студенты). *2 марта 1973 г.* – обсуждение рассказов и очерков членов «Сильсюната». *16 марта* – диспут по теме «Молодой герой в творчестве Чингиза Айтматова». *24 марта* – выезд молодых авторов в с. Чурачики. *30 марта* – диспут по роману К. Петрова «Юратупа наркӑмӑш». *6 апреля* – семинар «Что дает писателю фольклор?» (докладчик В. Канюков). *14 апреля* – вечер чувашской и русской поэзии (творческий отчет «Сильсюната»). *26 мая* – выезд молодых авторов на родину К. Иванова – Слакбаши (Руководитель – доцент Г. Хлебников, заместитель – староста «Сильсюната» В. Родионов).

Из перечисленных мероприятий наиболее интересной и полезной для сильсюнатцев была встреча с Г. Айги, к тому времени ставшим легендарной личностью. Студенты его знали не только как переводчика и составителя антологии «Поэты Франции», автора недавно изданного сборника стихотворений «Палӑрӑм» (Проявление. 1971), но и как оппозиционного к власти и

официальному Союзу чувашских писателей человека. Отдельный разговор со студентами был о так называемом свободном стихе в чувашской поэзии. Совсем недавно (28 ноября 1972 г.) на секции поэзии Союза чувашских писателей был озвучен доклад доцента Н. Иванова «Ирĕклĕ сăвăсем çинчен» (О свободных стихах), в котором впервые была озвучена мысль, что свободным стихом пользовались М. Сеспель и Н. Вазянка, ныне им пишут Г. Айги и П. Эйзин. Тогда чувашский поэт из Москвы посоветовал проявившим интерес к данной форме стиха перелистать страницы журнала «Вопросы литературы» за последний год, на которых печатались материалы дискуссии о свободном стихе. На том же вечере Г. Айги прочитал новые переводы венгерских поэтов на чувашский язык, которые через два года вошли в антологию «Венгри поэтĕсем» (Венгерская поэзия, 1974)²⁶⁷.

В 1972 г. некоторые сьюльсюнатцы написали свои курсовые работы по проблемам поэзии и теории стиха. Так, под научным руководством Г. Хлебникова студенты второго курса выступили на «Дне науки» по следующим темам: П. Яковлев (ныне поэт, кандидат филологических наук Педэр Яккусен) – по теме «Новые художественные тенденции в сборнике стихов “Виçĕ хĕлĕх” (Три струны, 1971)», П. Кузьмин (впоследствии поэт Педэр Сялгусь) – «О первом этапе творчества Я. Ухсая», В. Егорова (впоследствии литературовед, кандидат филологических наук) – «Творчество Е. Захарова как литературоведа и критика», В. Родионов (впоследствии литературовед, доктор филологических наук) – «Поэтический язык цикла стихов П. Хузангая “Инçе вĕçев” (Дальний полет, 1967)²⁶⁸ и др. Последний 16 марта 1973 г. выступил на студенческой научной конференции по теме «О свободном стихе в чувашской поэзии», текст которого потом как отдельная глава вошел в дипломную работу выпускника (1975)²⁶⁹.

²⁶⁷ Венгри поэтĕсем. XV – XX ĕмĕрсем / Пухса хатĕрленĕ Г. Айхи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1974. 271 с.

²⁶⁸ Цикл стихотворений «Дальний полет» П. Хузангая был опубликован в сборнике стихов «Хушка хумсем» (Хусанкай Петĕр. Хушка хумсем. Сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1967. 336 с.).

²⁶⁹ Дипломная работа В. Родионова хранится в Научном архиве ЧГИГН, опубликована в следующей книге: Родионов В.Г. Чăваш калулă йăла поэзийĕн çемми // Родионов В.Г. Сăва. Сăмах. Сăнар. Тĕрлĕ сұлсенче сырнисем. 39-131 с.

Здесь приведена лишь малая часть примеров, подтверждающих о кропотливой работе руководителя «Сильсюната» по подготовке молодых поэтов и литературоведов, о функционировании в ЧГУ настоящей творческой лаборатории. Данная традиция продолжалась и наращивалась вплоть до 1990-х гг. Именно в стенах родного университета сильсюнатцы приступили к разработке проблем чувашского стихосложения, народной сатиры, драматургии и других жанров чувашской литературы. Из бывших студентов-сильсюнатцев стали пять докторов наук и десятки кандидатов наук по филологическим специальностям, с 1993 г. в университете успешно защищают диссертации по литературе народов Поволжья, в том числе и чувашской литературе.

В 1973 г. вышел сборник статей «Проблемы восточного стихосложения», который открывается с работы В. Никонова «Стих и язык (Полемические заметки)»²⁷⁰. Автор статьи на основе текста кандидатской диссертации («Чувашское стихосложение и его особенности», 1957) чувашского стиховеда Н. Иванова делает далеко выходящий за рамки науки о стихе вывод: «Пытающиеся растворить без остатка стих в языке тем самым уводят его от идеологии. Отсюда следует, что свести стих только к языку – значит разоружить его. Признать же, что систему стихосложения диктуют не особенности языка, а поэтический стиль, сам определяемый в конечном счете историей общества, – значит, осмыслить форму стиха как оружие борьбы. Разве не этим она была у Пушкина, у Маяковского, у каждого подлинного поэта?»²⁷¹. Используя выводы Н. Иванова, автор статьи критикует стиховедческие изыскания башкирского литературоведа Г. Хусаинова, азербайджанца Ф. Сеидова и других исследователей тюркского стиха. Таким образом, дальнейшая разработка проблем метра и ритма в поэтическом творчестве тюркских народов зависела, в первую очередь, от научной глубины исследований чувашского стиха, что хорошо осознали сильсюнатцы. После встречи с Г. Айги и подробного изучения синтаксиса чувашского языка В. Родионов написал научные доклады «Роль

²⁷⁰ Никонов В.А. Стих и язык (Полемические заметки) // Проблемы восточного стихосложения. М.: «Наука», Глав. ред. вост. л-ры, 1973. С 4-15.

²⁷¹ Там же. С. 15.

рифмы и аллитерации в поэзии тюркских народов» (1973) и «Чăваш сăввипе чĕлхи çинчен (поэзи формине шырани)» [О чувашском стихе и языке (поиск поэтической формы), 1973]²⁷². В последней работе имеется критика т.н. «силлабо-тонизированной» теории чувашского народного стиха. Как известно, в своей известной книге Н. Иванов приходит к такому выводу: «Стихотворная строка с определенным количеством слогов и относительно свободно чередующихся сильных ударений является ритмической основой чувашского народного стихосложения. В этом именно та особенность, которая выделяет чувашское народное стихосложение среди других систем стихосложения. Учитывая это, система чувашского народного стихосложения для отличия ее от силлабо-тоники может быть условно названа силлабо-тонизированной»²⁷³.

В книге ученого в качестве примера использованы только тексты песен, а выводы распространялись на всю народную поэзию. В таком случае, рассуждает автор научного доклада, исследователь не учитывает ряд особенностей мелодии, наложенные на слова песни (слоговое выравнивание строк, повтор строк, ритм напева, мелострофа). Изосиллабизм в основном встречается в стихах с напевом, заключает молодой исследователь, а в речевых (безнапевных) стихах (молитвословиях, заговорах, приговоре дружки на свадьбе) его заменяют синтаксические и интонационные повторы, которые В. Жирмунский назвал ритмико-синтаксическим параллелизмом. Эти метрические единицы, по мнению начинающего исследователя, являются основой для относительно нового чувашского свободного стиха. «В чувашской поэзии должен развиваться свободный стих, которому источником служит народная поэзия, – обобщает В. Родионов. – Но не каждый стих с разорванной строкой и отошедший от классической формы является свободным стихом. Путь к нему лежит только через классические формы. Только после того, когда в котле классической формы начинает кипеть поэтическая мысль и не может оставаться в нем, можно

²⁷² Родионов В.Г. Роль рифмы и аллитерации в поэзии тюркских народов // Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 265 -269; *вĕлах*. Чăваш сăввипе чĕлхи çинчен (поэзии формине шырани) // Сăвă. Сăмах. Сăнар. Тĕрлĕ сулсенче сырнисем. 27 – 38 с.

²⁷³ Иванов Н.И. О чувашском народном стихосложении. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 76 с.

обратиться к свободному стиху»²⁷⁴. Эта мысль была своеобразной программой перехода от силлабо-тоники к свободному стиху и предупреждением молодых, не очень охотно желающих освоить технику силлабо-тонического стиха. Образцовым примером может быть творчество П. Эйзина, который в студенческие годы написал целых три толстых тетрадей стихотворений на основе силлабо-тонической метрики и, оставаясь недовольным ими, сжег их без жалости.

Возвращаясь к тюркскому народному стиху, следует сказать, что в те годы теория о его силлабо-тонической природе подвергалась критике такими крупными теоретиками, как В. Жирмунский, З. Ахметов, М. Хамраев и др.²⁷⁵. «Силлабическая система не исключает использования ударения, – пишет В. Жирмунский, – но не в качестве основы метрической структуры стиха, а в качестве нерегулярной ритмической каденции»²⁷⁶. В тюркском стиховедении существовали и другие теории о народном стихе. Так в 1968 г. татарский стиховед Х. Усманов выдвинул новую теорию, согласно которой «ритмические звенья аруза» существовали еще в древней поэзии тюрков, «ритмический синкретизм бармака и аруза в письменной поэзии держался в течение ряда веков, а потом распался на разные системы стихосложения»²⁷⁷. В данной статье автор такой «синкретизм» находит и в чувашском стихе. В качестве примера ученый использовал часть текста чувашской народной песни из вышеназванной книги Н. Иванова и пришел к такому заключению: «Здесь налицо межзвеньевые словоразделы и закономерное чередование звеньев с ритмически открытым слогом»²⁷⁸. Поиск элементов аруза в чувашской народной поэзии привел ученого к анализу письменной поэзии: он видит их в поэмах и стихотворениях К. Иванова (Кашкыра), В. Урдаша и А. Андреева. Без должного изучения проблемы он заключает, что «новый стих»

²⁷⁴ Родионов В.Г. Чăваш сăввипе чĕлхи синчен (поэзин формине шырани). 37 с.

²⁷⁵ Жирмунский В.М. О тюркском народном стихе: Некоторые проблемы теории // Тюркский героический эпос. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1974. С.644 - 680; Ахметов З.А. Казахское стихосложение. Алма-Ата: Наука, 1964. 460 с.; Хамраев М. Очерки теории тюркского стиха. Алма-Ата: Мектеп, 1969. 355 с.

²⁷⁶ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 646.

²⁷⁷ Усманов Х.У. К характеристике ритмического строя тюркского стиха // Народы Азии и Африки. – М. – 1968. – № 6. – С. 99.

²⁷⁸ Там же. С. 100.

(то есть синтез аруза с силлабикой) «чрезвычайно интенсивно развивается»²⁷⁹. В данном направлении вел свои экспериментальные поиски ученик Х. Усманова М. Бакиров, который полностью повторил выводы своего наставника²⁸⁰.

Все вышеперечисленные проблемы рассмотрены бывшим сельсюнатцем в научных работах, опубликованных далеко за пределами Чувашии. Тезисы докладов В. Родионова изданы в Алма-Ате (1976) и Ташкенте (1980), а статья «Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения» (1979) – в журнале Московского университета²⁸¹. В 1979 г. он успешно завершил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Чувашское стихосложение и пути его развития»²⁸². В результате проблемы чувашского стиха (на фоне тюркских традиций) актуализировались на всесоюзном уровне, попутно в качестве иллюстративного материала приводились фольклорные тексты и произведения чувашских поэтов XIX – XX вв. Это был смелый прорыв на общесоюзную арену того периода. От хлебниковцев ненамного отставали и стиховеды-сироткинцы: на книгу Н. Иванова «Время и стих» (Чебоксары, 1981) появились рецензии в «Советской тюркологии» (Ташкент) и «Филологических науках» (Москва)²⁸³. История чувашского стиховедения 1970-х гг. доказала необходимость здоровой полемики вокруг любой проблемы литературоведения, благодаря этой дискуссии на общесоюзном уровне она может привлечь внимание большего круга исследователей.

Здесь поучителен и якутский урок: литературоведы из Якутска благодаря ученым ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР и своей настойчивости смогли реабилитировать целый ряд своих писателей. В 1962 г. они добились появления

²⁷⁹ Там же. С. 102.

²⁸⁰ Бакиров М.Х. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: КГУ, 1972. 75 с.

²⁸¹ Родионов В.Г. О некоторых особенностях ритмической организации древнейшего чувашского стиха // Тезисы и сообщения Всесоюзной тюрколог. конференции. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 62 – 63; он же. Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения // Филол. науки. – М. – 1979. – № 6. – С. 23 – 27; он же. Некоторые теоретические проблемы стиха тюркоязычных народов (на материале чувашской поэзии) // Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной тюркол. конференции. Ташкент: Фан, 1980 и т. д.

²⁸² Родионов В.Г. Чувашское стихосложение и пути его развития (дооктябрьский период): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР, 1979. 20 с.

²⁸³ Федотов М. [Рецензия] // Сов. тюркология. – Ташкент. – 1982. – № 5. – С.96 – 97; Иванов И. [Рецензия] // Филол. науки. – 1982. – № 6. – С. 86.

специального постановления бюро Якутского обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы», которое «дало принципиальную оценку ошибкам в освещении творчества А. Кулаковского, А. Софронова и Н. Неустроева и плодотворную методологическую установку в определении роли литературного наследства»²⁸⁴. Чувашские литературоведы в годы хрущевской оттепели не смогли осилить сопротивление вульгарных социологов 1930-х гг. и добиться реабилитации таких талантливых писателей и ученых, как М. Юман, Г. Комиссаров (Вандер), Н. Никольский, А. Милли и др. Поэтому коллективная монография «Чувашская советская литература» (1972), как уже было отмечено, была издана с большими пробелами и «белыми пятнами», в особенности разделы М. Сироткина и В. Канюкова. Творчество вышеперечисленных писателей не изучалось и на чувашском отделении ЧГУ им. И.Н.Ульянова, хотя, кроме А. Милли, остальные даже не были репрессированы, но, как известно, оставались недругами И. Кузнецова и его учеников. Возвращение творчества этих писателей затянулось вплоть до перестроечных времен 1980-х гг.

2.2. Литературоведение 1979 – 1986 годов

2.2.1. Проблемы создания «Истории литературы»

Образцом для чувашских литературоведов 1970-х гг. являлись не только ученые из Казани (Ю. Нигматуллина, Р. Ганиева), но и искусствоведы ЧНИИ: они свои силы не тратили на схоластические споры о творческом методе писателей, а усиленно занимались выявлением семантики древней чувашской вышивки, изучали в орнаменте вышивки космогонические представления народа, проблемы антропоморфизации мира, то есть, они уходили в глубь истории не на одно тысячелетие. Определенные достижения показала и чувашская лингвистика в

²⁸⁴ *Тобуроков Н.Н. и др. История якутской литературы (середина XIX- начало XX века). Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993. С.8.*

лице профессоров Федотова (ЧГУ) и Рона-Таша (Сегетский университет, Венгрия). Начиная с 1969 г. чувашские филологи (до этого было русско-чувашское отделение) стали изучать чисто тюркологические дисциплины: «Древнетюркский язык», «Введение в тюркологию», «Сравнительная грамматика тюркских языков» и другие, которые весьма профессионально вел доктор филологических наук М. Федотов. Студенты штудировали древнюю историю чувашского языка, историческую фонетику, лексику и т. д. Некоторые из них впоследствии получили степени кандидата (П. Яковлев, Е. Анисимова) или даже доктора (Г. Семенова, Н. Егоров) наук. Такая научно-творческая атмосфера требовала от чувашских литературоведов и фольклористов соответственного углубления в историю фольклорной поэтики и художественно-поэтического сознания народа.

Стимулом для переключения на проблемы досоветской литературы стало не столько положительный пример татарских литературоведов (они приступили к изучению литератур древних и средневековых эпох), сколько инициатива ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР по подготовке трехтомной «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода». 31 января 1979 г. заведующий отделом советской литературы (Г. Ломидзе) и заведующий сектором «Истории литератур народов СССР» (Р. Юсуфов) разослали письма в НИИ союзных и автономных республик с просьбой принять участие в подготовке вышеназванного фундаментального труда. «Этот труд, впервые осуществляемый в нашей науке, - сообщается в письме, - призван решить в комплексе актуальные теоретические и исторические проблемы развития национальных литератур, выявить их прогрессивные традиции, показать исторические корни и пути формирования социальной и духовной общности народов СССР, складывавшейся в ходе революционно-освободительной борьбы, способствовать делу интернационального воспитания»²⁸⁵.

²⁸⁵ Письмо, адресованное директору НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР, завизировано такими указаниями: «По получении проспекта определите объем разделов. Включим в штатную нагрузку 1980 – 1981 гг. Определите состав авторов и сообщите (по получении проспекта)» // Личный архив В.Г. Родионова. 1979 г.

3 – 4 апреля 1979 г. прошло обсуждение проспектов «Истории всемирной литературы» (6 – 7 тома) и «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода». Во время обсуждения первого проспекта член главной редколлегии Г. Фридендер высказал весьма нестандартную мысль: надо отказаться от термина «критический реализм», его может заменить такой термин, как «досоциалистический реализм». Основная масса присутствующих не согласилась с таким предложением. Л. Андреев (МГУ) предложил заменить термин «реакционный романтизм» с «правым романтизмом». Ю. Манн тоже заметил неудачность ряда терминов, предложил отказаться от термина «критический реализм», оставив лишь слово «реализм». Он всех призвал основательно изучить различные формации романтизма, некоторые говорили о национальном варианте романтизма. Главный редактор «Истории всемирной литературы» Ю. Виппер признался, что романтизм действительно противоречивый и сложный метод, но полностью отказаться от таких его определений, как «реакционный» и «революционный», не следует, необходимо придерживаться устоявшихся традиций²⁸⁶. Обсуждение показало «болевые точки» (или «слабые звенья») теоретической мысли тех лет.

О принципах проспекта «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода» доложил один из ответственных редакторов Р. Юсуфов. Вот некоторые фрагменты из его выступления, зафиксированные аспирантом В. Родионовым: «На фоне общего кризиса феодализма Россия вступила на новую историческую фазу», «Общность не пришла сама собой, она исторически складывалась», «Культура европейской России стремилась использовать опыт восточной культуры, а восточная Россия – опыт Европы», «Возник общероссийский литературный процесс. Он проходил на антибуржуазной основе», «Все народы имели традиции: если не письменной литературы, то фольклорные», «Россия и ее культура должна быть вписана в мировую культуру», «Предлитературную стадию следует освещать, драматические судьбы народов, например, чувашей»,

²⁸⁶ Из записей аспиранта В. Родионова выступлений на обсуждении проспекта «Истории всемирной литературы» // Личный архив В.Г.Родионова. 1979 г.

«Закономерности внутринационального развития привели к взаимодействию с русской литературой, а не наоборот. Именно надо показать фактор суверенности национальных литератур. Процесс обретения национального облика – основной вопрос»²⁸⁷.

Согласно проспекту в первом томе будущей истории (конец XVIII – первая половина XIX в.) был запланирован общий очерк по региону, с чем не согласились татарские и чувашские коллеги. После краткого ознакомления с творчеством Ермея Рожанского, Никиты Бичурина, Хведи Чуваша, Василия Лебедева и Спиридона Михайлова (Яндуша) ответственные редакторы согласились включить отдельный очерк «Чувашская литература». С этого времени чувашская литература официально углубилась почти на целый век и перестала считаться «литературой одиночек».

Осенью 1979 г. ЧНИИ организовал научную конференцию «Вопросы истории дореволюционной чувашской литературы», в работе которой приняли участие литературоведы из ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР Р. Юсуфов и С. Шаталов, ученые из Казани, Уфы, Йошкар-Олы и Ижевска. Главной целью проведения данной конференции директор института назвал «достижение единства взглядов в разработке вопросов дореволюционной чувашской литературы». Основная проблема заключалась в определении творческого метода ряда писателей дооктябрьского периода. М. Сироткин и его ученики считали, что эстетика Мих. Федорова, К. Иванова и Н. Шубоссинни «близка к художественным принципам писателей критического реализма»²⁸⁸. А. Васильев всю литературу второй половины XIX в. включал состав произведений, написанных методом просветительского реализма. Ю. Артемьев избегал от последнего термина, заменяя его словосочетанием «просветительская система». Именно эти разногласия в определении творческого метода того или иного чувашского писателя имел ввиду директор ЧНИИ. Всего выступило 10 докладчиков, каждый находил факты, подтверждающие свои позиции. Очевидно,

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Канюков В.Я. Развитие литературы и народные художественные традиции. Проблемы литературно-фольклорных отношений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. С.49, 51.

эти дискуссии в годы застоя были востребованы, они показывают усилия новаторов против догматических схем, попыток всяческой идеологизации и социологизации художественной литературы. С другой стороны, эти безрезультатные споры не только не способствовали достижению единства взглядов литературоведов, но и усложнили их взаимоотношения, уводили их от более назревших проблем (например, возвращение народу произведений М. Юмана, Г. Комиссарова, А. Милли, М. Юрьева и других талантливых писателей). В. Канюков, например, полностью отрицал наличие чувашского просветительства, называя это явление народно-педагогическим. Московские докладчики деликатно поправляли его, напоминая, что просветительские идеи имеются на каждом этапе развития общества, но они получают иное направление. На тезис Канюкова «Для чувашской литературы не было нужды дожидаться романтизма» С. Шаталов ответил так: «Как реализм не мог утвердиться без романтизма, так и социалистический реализм не мог утвердиться без критического реализма». Здесь ученый подразумевал, прежде всего, русскую литературу. Корни романтизма он видел в переходе общества от феодализма к капитализму. Логика синергетического вызревания чувашской литературы подсказывает, что художественный метод не может прививаться как садовое дерево, поэтому все рассуждения о критическом реализме в чувашской литературе XIX в. не выдерживают серьезной критики. Вообще реализм и романтизм не взаимоисключающие художественные системы, нередко они в разной степени выраженности встречаются в одном и том же произведении.

Конференция, как уже было отмечено, разъединила литературоведов: в годы перестройки сироткинцы заняли выжидательную позицию, более энергичные хлебниковцы занялись возвращением запретных имен и их произведений.

На семинаре-совещании авторов «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода» по региону Поволжья и Урала (24 октября 1979 г., г. Чебоксары) возникла дискуссия между башкирскими и татарскими литературоведами по поводу общего литературного наследия. Известный ученый

Г. Хусаинов упрекнул казанских коллег за то, что они присваивают себе всю средневековую литературу, в том числе «Кысса-и Йусуф» и «Кисекбаш китабы». Действительно, в июне 1979 г. на заседании отдела «Истории литератур народов СССР» ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР прошло обсуждение диссертации Н. Хисамова по поэме Кул Гали «Йусуф и Зулейха», на котором Х. Короглы однозначно заявил: «Этот памятник общетюркский. Все памятники до XIV – XV веков считаются общетюркскими». С этим мнением согласился и Г. Ломидзе: «Основательная работа. Автор не придерживается национальному, татарскому. Памятник общетюркский»²⁸⁹. Такого мнения был и Ч. Айтматов, который озвучил его на очередной (V) Всесоюзной конференции во Фрунзе (1988). В 1983 г. в Казани широко отметили 800-летие со дня рождения, как было заявлено в программе юбилейной конференции, «основоположника болгаро-татарской письменной литературы». Чувашские ученые отнеслись к данному мероприятию холодно, считая, что этот памятник к болгарской культуре никакого отношения не имеет. В своей литературе они изрядно устали от разных фальсификаций: выявления древних поэтов (Шавлама, Эмине и др.)²⁹⁰.

1979 г. стал для чувашского литературоведения переломным и в том плане, что коллектив литературоведов ЧНИИ приступил к исполнению трех фундаментальных проектов: участие в создании «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода»; составление и издание «Памятников дореволюционной чувашской литературы» (2 тома из 3-х книг); создание коллективной монографии «История дореволюционной чувашской литературы» (1 том). Составление «Памятников» было поручено старшим научным сотрудникам А. Васильеву и Г. Юмарту, ответственным редактором утвердили свежееиспеченного кандидата наук В. Родионова. Авторами коллективной монографии являлись В. Родионов, А. Васильев, И. Иванов и В. Тимаков. Перед авторами стал вопрос: с какого события и с какого периода начать чувашскую

²⁸⁹ Из записей аспиранта В. Родионова выступлений докладчиков на заседании сектора от 20 июня 1979 г. // Личный архив В.Г.Родионова. 1979 г.

²⁹⁰ Сидорова Е.С. «Энтё сил саврăнать, сил саврăнать...» («Эмине юррисем» синчен) // Чăваш литературоведенийĕн ыйтăвĕсем. Шупашкар: ЧĂТИ, 1978. 104 – 113 с. Автор убедительно доказывает, что никакой «чувашской поэтессы Эмине», представленной в томе 102 серии «Библиотеки мировой литературы» (М., 1977), не существовало.

литературу? Согласно утвердившейся в послевоенные десятилетия позиции чувашская литература считалась, как уже ранее было отмечено, «литературой одиночек». Предстояло решение второй, не менее важной задачи: осуществление научно обоснованной периодизации литературы дооктябрьского периода. В связи с этим историю чувашской литературы следовало рассматривать в контексте региональной, отечественной и мировой словесной культуры. Предстояла задача выявления новых имен и их неизвестных произведений, установление атрибуции, в первую очередь авторства. Беря пример с татарских коллег и с учетом того положения, что литература является составной частью художественной культуры народа, авторы включили в первый том «Памятников» часть «Литература средних веков» с разделами «Булгарская эпоха (VIII – XIII вв.)», «Эпоха Золотой Орды и Казанского ханства (XIV – XVI вв.)», «Эпоха Московского государства (XVI – XVIII вв.)». Часть «Новое время» составляют следующие разделы: «Эпоха старописьменной литературы (XVIII – первая половина XIX в.)», «Эпоха новописьменной литературы или просветительства (вторая половина XIX в.)»²⁹¹. Первая книга второго тома составлена из малоизвестных чувашезычных произведений начала XX в., а вторая – из русскоязычных и переводов с русского на чувашский язык²⁹².

Наиболее сложным и интересным является период формирования художественной литературы Нового времени, охватывающий примерно восемь десятилетий (от издания книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» в 1769 г. до начала 1850-х гг.). Как показывает конкретный материал, в XVIII в. чувашский литературный язык старой письменности в основном был языком перевода. В этот период многие чувашские писатели пользовались в своем творчестве русским языком, а затем уже переводили на чувашский. Авторы установили, что функциональная значимость чувашского языка возрастает в первые десятилетия XIX в., когда ряд церковнослужителей

²⁹¹ Революциченхи чăваш литератури. Текстсем. I том (XX ёмёрчен). Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. 464 с.

²⁹² Революциченхи чăваш литератури. Текстсем. II том. 1-мĕш кĕнеке. (XX ёмёр пуçламăшĕ). Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1988. 432 с.; Çавах. Куçарусемпе вырăсла çырнисем. Текстсем. 2-мĕш кĕнеке. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2001. 527 с.

начинает читать проповеди на чувашском общелитературном языке. Для этого периода характерно свободное переложение содержания церковнославянских книг на общелитературный чувашский язык. Далее авторы убеждают читателя, что в 1830 – 1840-е гг. от чувашского общелитературного языка отпочковывается язык поэзии, восходящий преимущественно к народному поэтическому творчеству чувашей. Формированию чувашской книжной поэзии способствовала публикация песен Хведи Чуваша, Ягура и других импровизаторов. Своим программным стихотворением выступил Василий Лебедев (в «Памятниках» оно ошибочно приписано Максиму Федорову), в русскоязычной лирике проявил себя С. Михайлов (Яндуш). Творчество последнего, как убеждают авторы биографических справок, связано с периодом завершения формирования чувашского литературного языка и распространением просветительских идей, которые нашли яркое воплощение в его произведениях начала 1850-х гг. В том вошла часть очерков и рассказов писателя, однако, как желает автор рецензии на первый том, желательно «видеть опубликованным и его эпистолярное наследие, которое, несомненно, расширило бы наше представление об одном из первых просветителей народов Поволжья»²⁹³.

В книге хорошо отражен и другой путь развития чувашской художественной литературы. Очерки Е. Рожанского, Н. Бичурина, В. Вишневого и других явились образцами чувашской литературы на русском языке. Параллельно на двух языках писали Мих. Федоров, Н. Охотников, Г. Комиссаров и др. В книге наиболее полно и ярко представлен период просветительства чувашской литературы. Здесь приводятся имена писателей, оставшихся неизвестными до издания данной книги: М. Дмитриев, Г. Филиппов, М. Арзамасов, Н. Ефимов, Д. Архипов и др.

Итак, с 1979 г. по 1984 г. чувашское литературоведение в области изучения истории литературного процесса сделало несколько шагов вперед. Во-первых, была восстановлена историческая связь чувашской культуры с древнетюркской и болгарской культурами, языческой обрядовой поэзией средних веков,

²⁹³ Родионов В.Г. [Рецензия] // Советская тюркология. – 1985. – №4. – С.98 – 99.

историческими событиями разных эпох. Во-вторых, была возвращена письменная религиозная литература XVIII – XIX вв., реабилитированы многие священнослужители, творившие на чувашском языке. В-третьих, без особых усилий вошли в обиход новые, в свое время не признанные учениками М. Сироткина термины «просветительский реализм», «чувашское раннее просветительство» и др. Ради справедливости следует сказать, что сироткинцы не отказались от своих взглядов и в 1980-е гг., но ситуация изменилась не в их пользу. (В те годы правлением Союза писателей Чувашии руководил прогрессивный и талантливый прозаик А. Емельянов, а в совете по критике и литературоведению учеников М. Сироткина оказалось в меньшем количестве.) «Но исследователи дореволюционной литературы в определении ее метода к единому мнению еще не пришли,- констатировал председатель совета по критике и литературоведению Е. Владимиров в своем официальном докладе на XIII съезде писателей Чувашии. – Особенно яростно ополчаются авторы статей против утверждения просветительского реализма в дореволюционной чувашской литературе. Одни (Н.Иванов) начисто его отрицают, говоря: “Просветительского реализма как творческого метода в чувашской литературе не было и нет”, другие (Ип. Иванов) не так категоричны в отрицании, допускают просветительские элементы и считают неверным приписывание дореволюционных писателей к какому-нибудь творческому методу»²⁹⁴. Сам выступающий уже вполне уверенно (в 1979 г. на конференции он так категорично не говорил) утверждает, что «просветительское движение в Чувашском крае во второй половине XIX и начале XX в. имело место, и это в определенной мере отразилось и на литературном движении этого периода» (там же).

²⁹⁴ Владимиров Е. Чувашская критика и литературоведение // Чувашская литература между двумя съездами (1980 – 1985). Доклад и выступления на XIII съезде писателей Чувашии. 15 мая 1985 г. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ОК КПСС, 1985. С. 40. Автор имел в виду следующие статьи: *Иванов Н.И.* К спорам о творческом методе дооктябрьской чувашской литературы // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе. Чебоксары: ЧНИИ, 1981. С. 3 – 27; *Иванов Ип.* К изучению мировоззрения К.В. Иванова // Там же. С. 74 – 95.

2.2.2. Оживление литературно-критической и научно-теоретической мысли. А. Хузангай

В первой половине 1980-х гг. оживилась и чувашская литературно-художественная критика. Г. Хлебников издал два сборника своих статей, опубликованных в различных чувашских периодических изданиях. В книгу «Пултарулах тэшши» (Ядро таланта, 1981) «университетский критик» (Ю. Артемьев) включил теоретические работы (о расширении границ метода социалистического реализма, о художественности и историзме романа К. Турхана «Свияга впадает в Волгу»), а также творческие портреты П. Осипова и А. Артемьева²⁹⁵. Книга получила положительный отзыв в периодической печати²⁹⁶. Вторая книга («Меслетпе асталăх» – Метод и мастерство, 1984)²⁹⁷ открывается с теоретической статьи «Мён-ши въл илем? (Что же такое категория прекрасного?)», в которой автор рассматривает чувашский эстетический идеал, проблемы национального своеобразия. Опираясь на ценностно-ориентационную теорию эстетики, ученый утверждает, что *илем* (прекрасное, эстетическое) является видом общемировой ценности, неразрывной частью содержания. «Эстетический идеал у каждого народа свой», – обобщает эстетик-литературовед, при этом он определяет и общечеловеческие критерии категории прекрасного. Для исследователя «любовь» тоже возникает и подчиняется закону диалектики: единству и борьбе противоположностей. Человек влюбляется в другого, как полагает чувашский эстетик, из-за его противоположных физических и психо-поведенческих качеств. Некоторый субъективизм ученого в данном вопросе следует объяснить его романтической натурой и идеализацией личного опыта. Любовь он представляет в статье как смысл эстетическо-духовного бытия. В статьях-портретах критик объективно анализирует творчество С. Эльгера, В. Паймена, Хв. Уяра, С. Шавлы, Н. Терентьева, В. Ржанова, А. Емельянова и

²⁹⁵ Хлебников Г. Пултарулах тэшши. Статьясем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1981. 160 с.

²⁹⁶ Григорьев Н. Тимлĕ тишкерÿ // Тăван Атăл. – 1982. – 11 №. – 70 – 71 с.; Ставский М. Пуриншĕн те интереслĕ // Коммунизм ялавĕ. – 1982. – Январь, 24.

²⁹⁷ Хлебников Г. Меслетпе асталăх. Статьясем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. 256 с.

В. Алендея. Здесь же имеются статьи о творческом методе и мастерстве К. Иванова (Кашкыра) и о единстве национального и интернационального в литературном образе. В обоих чувашских журналах на данную книгу появились положительные рецензии²⁹⁸.

В эти годы интенсивно печатался и Ю. Артемьев, в шутку причислявший свои работы к «живой» критике. Действительно, в сборник статей «Этем тивёсё» (Долг человека, 1980) он включил обзоры современной литературы, свои размышления о литературной критике и развитии чувашской литературы между XI и XII съездами, о творчестве молодых поэтов²⁹⁹. В своем выступлении на XIII съезде писателей Чувашии Е. Владимиров хорошо отозвался о литературно-критических статьях критика. «Ю. Артемьев, – сказал председатель совета по критике и литературоведению, – на наш взгляд, правильно выступает против мелкотемья произведений отдельных авторов, незначительности и неясности их проблематики, жаждет видеть книги, в которых глубоко и убедительно были бы раскрыты характер и психология современного человека»³⁰⁰. В 1984 г. критик издал очередной сборник статей, в который он включил, кроме статей о современной поэзии и прозе, и исследования творчества чувашской литературной классики: К.Иванова (Кашкыра), М. Сеспеля, Н. Шелеби, Е. Эллиева, В. Митты и др.³⁰¹. Новая книга критика была замечена и редакцией «Вопросов литературы»³⁰².

В 1982 г. Е. Владимиров издал сборник своих статей «Обретение традиций», в котором выдвинуты новые теоретические аспекты проблемы взаимоотношения национальных литератур. Сильной стороной книги является то, что творческие положения подтверждаются вдумчивым интересным анализом литературного процесса, конкретных примеров художественного и творческого освоения традиций русской классики чувашскими писателями. Исследователь убедительно доказывает это на многочисленных примерах анализа творчества

²⁹⁸ Григорьев Н. Таран тишкерү // Ялав. 1986. 5 №. 30–31 с.; Родионов В. Пурнаç чанлăхёпе пултарулăх меслечё // Тăван Атăл. 1986. 4 №. 59–61 с.

²⁹⁹ Артемьев Ю. Этем тивёсё. Критикалла статьясем. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 1980. 112 с.

³⁰⁰ Владимиров Е. Указ. соч. С. 40.

³⁰¹ Артемьев Ю. Пурнаç чанлăхёпе сăнарсен илемёшён. Статьясемпе хаклавсем. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 1984. 130 с.

³⁰² Хузангай А. Взгляд на целое // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 236–240.

писателей, стоящих у истоков чувашской литературы. По мнению автора, имеются и факты прямого подражания образцам русской классики. Подвергая детальному рассмотрению, к примеру, такие произведения, как поэма Н. Шубоссинни «Еркён» (Фаворит), повесть В. Рзая «Пушар» (Пожар) и ряд других, исследователь приходит к следующему заключению: их слабость в конечном счете происходит по той причине, что авторы шли не от жизни, а от заданной художественной модели, от готового литературного образа. Слепое копирование поэтики, стиля классических образцов способно приглушить искры индивидуально-творческой, национальной самобытности писателя. И, наоборот, творчески активное восприятие и осмысление традиций русской культуры служит предпосылкой для обогащения художественного сознания национальной литературы, отдельных представителей этой литературы. С данных позиций в книге ведется исследование произведений К. Иванова (Кашкыра), М. Сеспеля, П. Хузангая и ряда других глубоко национальных чувашских писателей, сделавших определенный вклад в сокровищницу мировой культуры. Большой заслугой автора книги является то, что он никоим образом не ограничивается рассмотрением лишь сюжетно-тематической стороны анализируемых произведений, пересказом фабулы и констатацией идей, конфликтов, выявлением положительных и отрицательных героев. Такой «анализ», ставший в чувашском литературоведении тех лет нормой, не продуктивен и мало что дает читателю, критику и тем более писателю. Автор книги Е. Владимиров, отталкиваясь от анализа содержания, уделяет большое внимание форме его выражения, что позволяет рассматривать художественное произведение как неповторимое диалектическое единство содержания и формы. Исследователь ищет и убедительно находит убедительные примеры чувашских писателей у своих русских предшественников в области работы над формой повествования, стилем и шире – поэтикой выражения содержания. Здесь также подчеркивается мысль о том, что простое механическое усвоение и перенесение приемов художественно-выразительных средств повествования, различных стилистических эффектов, их заимствование у выдающихся художников слова еще не служит предпосылкой

истинного творения национального искусства. Ученый наглядно показывает своеобразие преломления содержания тех или иных конкретных приемов повествования, средств художественного отображения человека в индивидуальном художественном мышлении писателя, будь то К. Иванов (Кашкыр), М. Сеспель или П. Хузангай. Исследователь справедливо полагает, что одним из наиболее серьезных этапов творческого освоения художественных традиций русской классики чувашскими писателями являлась работа над переводами произведений на чувашский язык. В этой связи рассматривается творчество таких русских писателей, как И. Крылов, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Н. Некрасов, И. Тургенев, А. Чехов, С. Есенин, В. Маяковский, А. Фадеев. И здесь обращает на себя внимание следующий момент: автор книги в чувашских писателях-переводчиках видит не просто готовность к изучению новых неизвестных возможностей языка искусства, - анализируя переводы русских авторов, Е. Владимиров подчеркивает мысль об их ответственном, творческом подходе к этой работе, осознание ими того, что перевод – это искусство. Чувашские писатели заботились не только о верной передаче содержания оригинала, но и о действенном звучании содержания на чувашском языке. Отсюда и избирательность подхода как к самим произведениям, заслуживающим внимания чувашских читателей, так и к языковой форме передачи их содержания. Автор исследования видит, таким образом, в работе над переводами созидательное начало, участвующее в дальнейшем формировании художника. Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что книга Е. Владимирова «Обретение традиций» «служит серьезным, весомым вкладом в чувашское литературоведение» тех лет³⁰³.

Отдельные книги выпустили и ученики М. Сироткина. После трагической смерти В. Канюкова (1983) наиболее последовательным продолжателем идей учителя выступил Н. Иванов, который еще в 1981-1982 г. издал сборник статей и очерков «Поэзи сипечё» (Слово о поэтах и поэзии) и очерки теории и истории

³⁰³ Александров С., Родионов В. О творческом освоении художественных традиций // Молодой коммунист. Чебоксары. 1985. Декабрь, 7.

чувашского стиха «Время и стих»³⁰⁴. В первой книге представлены творческие портреты Н. Шелеби, Мих. Федорова, К. Иванова (Кашкыра), Таэра Тимкки, М. Сеспеля и П. Хузангая. Художественным методом дореволюционных поэтов он, как М. Сироткин и В. Канюков, считает критический реализм, даже находит в них элементы социалистического реализма (в коллективном сборнике «Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе» этим вопросам критик посвятил отдельную статью, о которой было упомянуто в выступлении Е. Владимирова на XIII съезде писателей Чувашии. В основу книги «Время и стих» вошли теоретические положения автора из своей кандидатской диссертации, написанной еще в 1950-е гг. Но здесь имеются и новые факты и наблюдения становления чувашского силлабо-тонического метра (переводы К. Иванова, стихотворения М. Сеспеля), поэтому данная книга несомненно имеет определенное значение в изучении обозначенной выше проблемы.

Здесь необходимо опять возвратиться к полемической статье В. Никонова, в которой автор, как уже было отмечено в предыдущих страницах, опирается на теоретические положения Н. Иванова и заключает, что метр стиха несколько не зависит от языка народа. Касаясь проблем трансформации литературного стиха, В. Родионов пишет, что стихотворная речь литературной поэзии зависит от внутренних и внешних факторов в их взаимодействии. К внутренним факторам относится, по мнению ученого, «комплекс интонационно-синтаксических, лексических и фонетических особенностей языка. Именно на основе такого комплекса сложились устные речевые стихи: древнетюркский стих, языческие заговоры и молитвословия якутов, чувашей, татар и других тюркоязычных народов»³⁰⁵. Внешний фактор автор статьи связывает с культурно-эстетическими традициями. В начале становления чувашской письменной поэзии этим фактором являлся фольклор, а именно тексты песен. В начале 1920-х гг. в чувашской советской поэзии произошел коренной перелом, обусловленный полным утверждением литературной нормы в языке, в основу которого вошли типы

³⁰⁴ Иванов Н. Поэзи сипечё. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1982. 110 с.; он же. Время и стих. Литературно-теоретические статьи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 192 с.

³⁰⁵ Родионов В.Г. Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения. С. 26.

ударений средненизовых и верховых чувашей, отличающиеся от ударения низовых и всех других тюркских языков (в них ударения всегда падают на последний слог слов). М. Сеспель создает теорию силлабо-тонического стиха и совершенно по-новому звучащие стихи. Утверждению в чувашской литературной поэзии силлабо-тонического метра способствовало, как доказывает В. Родионов, одновременное влияние двух факторов: внутреннего и внешнего. Внешним фактором, кроме национального фольклора, стала русская классическая поэзия, а именно ее форма воспроизведения стиха. Динамическое ударение русской просодии было перенесено в чувашский стих, где ударенные слоги стали искусственно выделяться, приобретать динамический характер. Данный способ усвоился, по мнению исследователя, как особый поэтический стиль. Таким образом в чувашском литературном стихе утвердилась искусственная напевность. Автор считает, что аналогичное явление было и с тюркским арузом. Напевность арабо-персидского стиха для тюркских поэтов тех средневековых времен стала эстетическим идеалом, высоким поэтическим стилем. Так рядом с внутренним фактором ужился фактор внешний – напевность. Полемизируя с В. Никоновым, чувашский ученый защищает позицию Н. Иванова, поставившего перед собой задачу выявить национальную специфику стиха. «Устный стих, действительно, от языковых (речевой стих) или языковых и музыкальных (напевно-речевой стих) особенностей зависит больше, - заключает он.- Но и литературное стихосложение, как и вся литература в целом, всегда имеет национальную специфику. Например, чувашская силлабо-тоника существенно отличается от русской, так же не адекватны тюркский и арабский аруз»³⁰⁶.

Итак, внутренние дискуссии двух чувашских стиховедов не повлияли на их позиции по проблемам национальной специфики как народного, так и литературного стиха. Н. Иванов показал себя хорошим археографом и текстологом, исследователем лакун в биографии поэтов. Не следовало ему ввязаться в дискуссию о творческом методе, ибо данная полемика в те годы была бесплодна потому, что сами термины «реализм» с его разновидностями,

³⁰⁶ Родионов В.Г. Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения. С.27.

«романтизм» и другие не имели четкой содержательной дифференциации, чрезмерно расширилось содержание термина «социалистический реализм». Естественная защита идей своего учителя после его смерти переросла в упрямство критика, вызванное обостренным чувством защиты «своего» и ненависти к «чужому», то есть к оппонентам. Он и его «свои» поддались влиянию групповой психологии, любой ценой пытались защитить устаревшие оценки и ценности. Такая установка критиков наблюдается и в новых книгах сироткинцев³⁰⁷.

В 1982 г. вышел сборник статей чувашских критиков относительно молодого возраста (более половины авторов перешли сорокалетний рубеж) под названием «Ҫамрăклăхпа ăсталăх» (Молодость и мастерство)³⁰⁸. В составе авторов преобладали миттаҫăсем и хлебниковцы, которые пытались по-своему осмыслить проблемы, стоящие перед современной чувашской литературой. Своими мыслями о состоянии дел в чувашской молодежной прозе делится Ю. Артемьев. Само название статьи («С кем борешься, герой?») говорит о полемической заостренности поднимаемой проблемы, именно поэтому она выгодно отличается от критики тусклой, бесцветной, которая еще встречалась на страницах газет и журналов тех лет. Автор статьи настаивает на обязательной социально активной позиции героя (например, в оценке героев Хв. Агивера), но активный герой, по мнению рецензента С. Александрова, не есть авторская самоцель, писатель волен в выборе жизненного материала. Главная цель, стоящая перед автором произведения, в конечном счете сводится к воспитанию активной гражданской позиции в читателе. Рецензенту кажется, что именно исходя из этой задачи, писатель сознательно изображает некоторых своих героев «слабовольными», провоцируя тем самым читателя на осуждение этой стороны их характеров, а осуждение – это уже проявление социальной активности, активности самого

³⁰⁷ Иванов Ип. Кашни кенекек хайён шапи. Шупашкар: Чăваш кен изд-ви, 1980. 151 с.; Канюков В. Писатель ăсталăх. Статьясемпе очерксем. Шупашкар: Чăваш кен изд-ви, 1986. 186 с.; Кузнецов И. Истори тёрслёхёпе пурнăçри чăнлăх. Статьясен пуххи. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 1986. 184 с. Предисловие к последним двум книгам писали Н. Дедушкин и Ип. Иванов.

³⁰⁸ Ҫамрăклăхпа ăсталăх. Ҫамрăк критиксем ҫырна статьясен пуххи. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 1982. 128 с. На сборник написал рецензию С. Александров, копия которой хранится в личном архиве В. Родионова (1982 г.).

читателя. Действительно, нарекания заслуживает отсутствие исследования внутренней духовной жизни героя, так как прозаики очень часто увлекаются показом внешних конфликтов и ничего не говорят о переживаниях своих персонажей.

Изучению проблем читательского восприятия посвящена статья В. Родионова «Чувашская литература и современный читатель». Автор считает, что при изучении вопросов, связанных с читательским восприятием художественных произведений, необходим синтез чисто литературоведческого («образ читателя») и социологического подходов. В статье говорится о появлении симптома потребительского отношения к искусству, когда за критерий ценности художественного произведения берется наличие в нем занимательной темы и интригующего сюжета. Выделяя данную мысль, рецензент книги напоминает, что одной из главных задач критического исследования художественного произведения заключается в формировании идейно-эстетических взглядов читателей, в необходимости учить читателей урокам эстетического и гражданского размышления. И тут сталкиваемся с парадоксом: зачастую критики сами не идут дальше анализа тем и сюжетов произведений. Не случайны, поэтому, частые упреки писателей в том, что критики «умервщляют» литературное произведение. Критику всегда следует иметь в виду, что сюжет в любом произведении находит более или менее удачное художественное воплощение. И поэтому анализ произведения с точки зрения единства содержания и формы предполагает отношение к писателю не просто как к идеологу, но как к художнику-идеологу. С этой точки зрения статьям критиков А. Мефодьева и П. Метина не достаёт разговора о художественных особенностях анализируемых произведений, а статья Г. Федорова («Некоторые особенности стиля Хв. Уяра») выгодно отличается от работ первых авторов. В ней проводится смелая историко-типологическая параллель между поэмой Мих. Федорова «Арсури» (Леший) и романом Хв. Уяра «Ганата» (Тенета) на основе приема раскрытия образа автора в произведениях. Хотя многие тезисы исследования Г. Федорова построены на констатирующем уровне, данная статья говорит о художественной

проницательности критика, а также о больших возможностях избранного им пути анализа.

Интересна статья Г. Юмарта «Трагедия “Фауст” на чувашском». Автор словно приоткрывает двери в творческую мастерскую переводчика трагедии Гете Н. Урхи. Именно то, что сам Г. Юмарт является не только критиком, но и переводчиком, поэтом, - позволяет ему проникнуть в глубь процесса работы над переводом мировой литературной классики., проследить за поиском нужного слова, интонации для воссоздания колорита немецкого оригинала (переводчик, как известно, переводил прямо с языка оригинала).

Крайне актуален разговор критика А. Хузангая об особенностях чувашской поэмы 1980-х гг. («Ядро поэмы»). Причина неудач многих поэтов в данном жанре, по мнению критика, - это мелкотемье. Автор резонно замечает, что далеко не любое событие, не любой герой достойны столь высокого жанра поэзии, как поэма. Его рецензии в центральных журналах говорят о художественной проницательности литературного критика с лингвистическим образованием, умении подойти к произведению с точки зрения единства содержания и формы. Одна из немаловажных причин неудач многих чувашских поэтов заключается действительно в их недостаточной художественности. Видимо, статья А. Хузангая была бы более аргументированной, если бы он ввел в свой анализ более широкое рассмотрение образных особенностей поэм.

Больше внимания анализу образных особенностей поэм (особенностей стиля, художественных деталей) уделено в статье А. Васильева-Вазана «Главная тема – судьба народа (Современная чувашская эпическая поэма)». Критик приходит к следующей мысли: современная поэма нуждается в несколько ином стиле, чем, к примеру, стиль поэм 1950-1960-х гг. Особенности современного стиля в поэмах В. Эндипа расцениваются им как смелые успешные поиски молодого поэта.

Сборник чувашских критиков и литературоведов нового поколения без преувеличения можно назвать своеобразной демонстрацией своих потенциальных возможностей, показом действенности современного исследовательского

инструментария в анализе глубин художественных произведений. В чувашском литературоведении обычными понятиями стали такие словосочетания, как «читательское восприятие», «художественное восприятие». «образ автора», «авторская позиция». «образ повествователя» и другие, они постепенно стали вытеснять социально-идеологическую терминологию 1930-х гг.

По инициативе Чувашского обкома КПСС совет по критике и литературоведению при правлении Союза писателей Чувашии в марте 1985 г. создал рабочую группу для анализа художественных произведений, созданных чувашскими писателями с июля 1980 г. по март 1985 г. Для исполнения данного проекта подключили около сорока специалистов и писателей республики. Из них руководителями отдельных групп по жанрам утвердили следующих членов совета: Ю. Артемьева (проза), В. Родионова (поэзия), Ип. Иванова (драматургия), Е. Владимирова (критика), К. Петрова (детская литература), В. Никитина (сатирическая литература), А. Дмитриева (русская литература). Появилась возможность объективной оценки произведений писателей, отделить талантливых от весьма посредственных, но разными путями получивших доверие местного обкома партии. Члены рабочих групп должны были обратить внимание: на положительные явления, недостатки и трудности. Материал, представленный членом группы ее руководителю, должен быть критический, а последний обязан обобщить и выявить основные тенденции развития отдельного жанра или сферы литературы. Данное мероприятие в истории чувашского литературоведения и критики не имела своего аналога, оно имело цели, направленные на получение объективной картины развития чувашской литературы последних пяти лет. Например, в справке по поэзии резко критикуются слабые эпические произведения А. Галкина, Г. Ефимова, Ю. Петрова-Вирьяла, на их фоне положительно оцениваются поэмы В.Тимакова, В. Эктеля, В. Ахуна и Н. Теветкеля. Вывод по эпической поэзии таков: «Чувашская эпическая поэзия последнего времени не создала еще таких колоритных героев, как Гилли Хузангая и Кельбук Ухсяя, хотя некоторые сдвиги в этом направлении имеются. В раскрытии национального характера героя обнадеживают опыты поколений

«сорокалетних»³⁰⁹. Далее в справке отмечается, что в лирике последнего пятилетия окончательно завершился процесс смены поколений поэтов. В начале 1980-х гг. в чувашской поэзии задали тон условно названные «сорокалетние», а более старшее поколение (Н. Евстафьев, Г. Орлов, В. Давыдов-Анатри, А. Галкин, Ю. Петров, А. Лукин и др.) не смогли поднять лирику на новый качественный уровень. В справке выделяется и следующее поколение обретающих свои голоса поэтов: Л. Мартьянова, В. Пегиль, В. Эктель, И. Дмитриев и др. Это поколение «тридцатилетних» имеет свое мировосприятие, их поэзия открыта ветрам времени, они стараются взять читателя не ложным мудрствованием, не криком, а предельной искренностью самовыражения. В справке далее замечается, что рост молодой поэзии как бы искусственно задерживается, их оригинальные стихи печатаются с большим трудом и лишь как исключение. Вывод справки резок: «Молодая поэзия имеет право на поиск и только так она может доказать свою состоятельность. Надо дать ей эти возможности. Молодая поэзия должна вызывать споры, столкновения разных точек зрения». Дух справки напоминает заветы П. Хузангая и напутственные слова руководителя литобъединения «Сильсюнат» молодым чувашским поэтам.

21 июня 1985 г. на заседании совета по критике и литературоведению были переизбраны председатель (Г. Хлебников), заместитель председателя (А. Хузангай) и секретарь совета (В. Родионов). На этом же заседании рассмотрели вопрос о проведении 100-летия со дня рождения гениального чувашского поэта К. Иванова (Кашкыра), решили ходатайствовать перед соответствующими организациями о проведении данного мероприятия на уровне ЮНЕСКО, а также подготовить и издать в Москве (по серии «Жизнь замечательных людей») книгу «Константин Иванов». Написать такую научно-популярную работу согласился А. Хузангай, который в начале ноября того же года представил в совет на обсуждение ее плана-проспекта. Интересна концепция будущего исследования. Его автор заявляет, что в творчестве К. Иванова происходит «своеобразный синтез устно-поэтической традиции чувашской

³⁰⁹ Справка по поэзии, датированная 12 апреля 1985 г., хранится в личном архиве В. Родионова.

словесности, русской классической поэзии с гуманистическим мировоззрением возрожденческого типа, идеологией просвещения, метода критического реализма с романтическим стилем»³¹⁰. Он видит в «Нарспи» образы сильных «ренессансных» характеров. Поэт ставит важнейшие философские вопросы, связанные с понятием личности и ее социального статуса, с осуществлением принципа индивидуальной свободы, с трагической подоплекой социально-бытовых условий чувашской патриархальной деревни. Вот названия глав будущей книги: 1. У подножия горы Киреметь (детство поэта). 2. «Чувашский лицей» (1903 – 1907). 3. Учитель и ученик (И. Яковлев и К. Иванов). 4. Звезда первой величины. 5. Взлет поэта (1907 – 1908). 6. Молчание поэта (1909 – 1910). 7. Снова – Симбирск (1910 – 1914). 8. Последний путь. 9. Свет «Нарспи» (вместо эпилога). К сожалению, данный проект не смогли осуществить по разным объективным и субъективным причинам.

К 1980-м годам чувашское литературоведение начинает искать опоры на новые теоретические положения, вытекающие из поиска новых эстетических концепций. Одна из таких концепций явилась некоторым литературоведам из мира изобразительного искусства. Художник Праски Витти, в процессе длительного творческого общения с текстом «Нарспи», еще в начале 1980-х гг. осмысливал образную структуру поэмы как модель традиционного чувашского мироздания. Его картины, написанные по мотивам поэмы с позиций чувашского мировидения и мифологии, натолкнули литераторов на поиски и выявление в творчестве К. Иванова подобных аспектов.

В период перестройки мифопоэтику «Нарспи» активно стали изучать Ю. Артемьев и С. Александров. Работу первого («Образная система К.В. Иванова “Нарспи”») включили в сборник с примечанием, что она «публикуется в дискуссионном порядке». Критически разбирая работы чувашских иванововедов, Ю. Артемьев одним из первых (после Г. Хлебникова) замечает, что «в организации сюжетного бытия поэмы имеют место черты “мифологического

³¹⁰ Хузангай А. План-проспект книги «Константин Иванов» // Личный архив В. Г. Родионова. 1985 г.

мышления» (в частности, солярный культ)»³¹¹. Исследователь разрушает зыбкие социологические концепции М. Сироткина и его учеников. По утверждению Ю. Артемьева, главное для автора «Нарспи» – внутренняя, а не повседневно бытовая, психологическая жизнь героев, благодаря чему и достигается романтическая напряженность и динамичность сюжета. Согласно ученому, романтизм К. Иванова сопоставим с романтизмом автора поэмы «Мцыри», в основу «Нарспи» положен «конфликт морально-этического характера и содержания»³¹². Романтическая природа конфликта решительно исключает какую-либо возможность восстановления гармонии, согласия между противоборствующими сторонами. В конце статьи автор приходит к такому заключению: «Главная драматическая коллизия в сюжетном бытии – столкновение между сущим, реальностью и должным, и она разворачивается на фоне социальном, где только начинается ранний процесс раскрепощения личности от оков патриархальщины. Автор поэмы заглядывает далеко в будущее, значительно опережает реальные процессы и события»³¹³. Теоретическое значение имеет вывод автора о возможности стадийного повторения романтизма в любой национальной литературе. К сожалению, навязанная чувашским литературоведам обкомом партии частично схоластичная и надуманная проблема «творческого метода» писателя не способствовала успешному развитию литературно-критической и теоретической мысли тех лет.

В начале 80-х гг. XX в. молодой ученый-литературовед С. Александров (Убасси) пристально стал анализировать поэму «Нарспи» с точки зрения мировоззрения повествователя и позиции автора, а также стиля и поэтики³¹⁴. Итоговым изданием явилась его монография «Поэтика Константина Иванова. Вопросы метода, жанра и стиля», в которой текст поэмы исследуется под углом

³¹¹ Артемьев Ю.М. Образная система поэмы К.В. Иванова «Нарспи» // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1987. С. 73–74

³¹² Там же. С. 80.

³¹³ Там же. С. 82.

³¹⁴ Александров С.А. «Нарспи» поэмăри калавçăн тĕнче курăмĕ // Ялав. 1983. 2 №. 27-28 с.; он же. Образ повествователя и авторская позиция в поэме «Нарспи» // Чувашская литература. Тенденции и развитие, стилиевые поиски. Чебоксары: ЧНИИ, 1983. С. 133-153.; он же. К спорам о позиции автора в «Нарспи» // Молодой коммунист. 1985. Май, 18; он же. Дорога к поэту // Молодой коммунист. 1987. Май, 28.

зрения мифологической и реалистической концепций мира, в аспекте эпического жанра и проблемы “точки зрения”³¹⁵. В книге успешно и своеобразно развиваются идеи Праски Витти, первого мифолога в иванововедении (он является художником книги). Здесь С. Александров неоднократно отмечает, что в «Нарспи» «изображаемое пользуется системой знаков мифологического кода»³¹⁶, а в образных структурах поэмы моделируются и художественно обыгрываются исторически закономерные этапы развития мирового искусства – миф, древнегреческий эпос, ренессанс, романтизм, просвещение, психологический реализм – и новое возвращение к мифу³¹⁷. Дополняя определение Г. Хлебникова, исследователь отмечает, что «следует говорить не о методе, а о концепции ренессанса, вступающей во взаимодействие с мифологической концепцией, с романтической, просветительской и реалистической. Общий же метод поэмы – это мифологический реализм, обогащенный названными эстетическими системами»³¹⁸. По жанровым соответствиям, ученый определяет «Нарспи» как «предание», поясняя, что речь идет не о предании историческом, а предании-мифе, сказании.

Необходимо отметить, что монография писалась автором более 10 лет: в годы учительства в Литве, учебы в аспирантуре (г. Москва) и работы в Научно-исследовательском институте (г. Чебоксары). Все это отразилось в ее структуре, последовательности глав и разделов. Если ученого первоначально интересовали вопросы повествователя и автора, в дальнейшем он стал углубляться в сферу психологического раскрытия характера героев, в проблему художественного восприятия³¹⁹. Со второй половины 1980-х гг. С. Александров вплотную занялся изучением мифологической системы в поэме «Нарспи», ее взаимодействия с остальными типами художественного сознания.

³¹⁵ Александров С.А. Поэтика Константина Иванова. Вопросы метода, жанра и стиля. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 191 с.

³¹⁶ Там же. С. 13.

³¹⁷ Там же. С. 11.

³¹⁸ Там же. С. 11.

³¹⁹ Александров С. Проблемы художественного восприятия (О некоторых путях активизации читательского интереса) // Художественное мастерство чувашских писателей. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 3-24; он же. Психологическое раскрытие художественного характера // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. Чебоксары: ЧНИИ, 1987. С. 3-17.

Вернемся к совету по критике и литературоведению, который на своих заседаниях рассматривал не только проспекты, но и готовые рукописи будущих книг. Так, в 1986 г. были обсуждены критические статьи Ю. Артемьева, В. Егорова и Г. Федорова. Последний представил рукопись «Художественный мир Хведера Уяра», в которой подвергаются к анализу практически все произведения прозаика. Хотя работа посвящена отдельному писателю, она выходит за рамки анализа творчества Уяра. С этой точки зрения она – первая работа в чувашском литературном исследовании подобного рода. Творчество Уяра исследуется в сравнении с творчеством М. Ильбека, А. Емельянова, И. Мучи, И. Тхти, С. Эльгера и др. Такие экскурсы обоснованы. Вся работа посвящена изучению художественной речи художественных стилей чувашской литературы. В рукописи исследуется центральный круг вопросов, составляющих предмет стилистики: образ автора, соотношение автора с героями, с художником. Члены совета отметили, что часто, не зная особенностей творчества писателя, критики выносили в адрес прозаика необоснованные обвинения. Автор работы предлагает отличать позицию автора от позиции его героев. Председатель совета отозвался о работе положительно, но осторожно отнесся к использованию лингвистических терминов. Реплика С. Александрова: это – термины поэтические, научные. Они уже обкатаны поэтической стилистикой. Г. Хлебников признался, что многие привыкли видеть критические работы с разбором идейных вопросов, поэтому эти термины непривычны для уха. Автор правильно указывает на своеобразие художественного мышления Уяра. Часто писателя обвиняли в том, что его герои рефлексивны. Это были неверные обвинения, ибо, как показывает Г. Федоров, рефлексивным является само художественное мышление прозаика. Против оценок предшествующих членов совета выступил сироткинец Ип. Иванов, который заявил, что автору рукописи следовало «больше говорить о недостатках Уяра. Не все его произведения на таком уровне, как их оценивает автор. Следует подумать и о читателе. Кому она адресуется? Поймет ли ее массовый

читатель?»³²⁰. Остальные члены совета с мнением критика Ип. Иванова не согласились и рекомендовали рукопись к изданию.

Более горячее обсуждение насущных проблем чувашского литературоведения и критики прошло в мае 1986 г., когда «перестроечники» с трибуны открыто обвинили консервативных ученых и критиков³²¹. На расширенном заседании совета (присутствовало около 30 ученых и писателей) его председатель выступил с докладом «XVII съезд КПСС и основные задачи чувашской критики и литературоведения». Против многих его положений критически высказались Ип. Иванов, Н. Дедушкин и И. Кузнецов. К примеру, первый оратор опять возвратился к термину «просветительский реализм», обвинил молодых критиков за их пристрастное отношение к категории художественности. Второй оппонент пытался защитить И. Кузнецова, резко выступающего против Г. Хлебникова и его более молодых коллег, рекомендовал вернуть былую практику: не издавать книги без обсуждения (при этом он, очевидно, подразумевал былую практику изъятия произведений ряда талантливых писателей). Третий перешел на личность докладчика, обвинил его в пропаганде творчества чувашских писателей- «националистов» (А. Милли, М. Юмана и др.). Ю. Артемьев заметил, что выступившие перед ним критики напомнили людей, защищающих честь своего мундира (мундира хӱтӱленине аса илтерчӱ). Книгу Г. Хлебникова «Метод и мастерство» он назвал своевременным и в методологическом плане современным сборником литературно-критических статей. В конце докладчик выступил с заключительным словом, заметив, что стиль выступления оппонентов напомнил дискуссии 1930-х гг. (они обвинили председателя совета в его связи с западными антикоммунистами). Большая часть присутствующих одобрила доклад Г. Хлебникова, но обнаружилось и другое, свойственное любому человеку – это отставание его мышления от стремительного бега времени. В стране шла перестройка уже больше года, а в чувашском литературном сообществе по-прежнему пытались командовать наследники 1930-х

³²⁰ Протокол № 1 совета по критике и литературоведению при СП Чувашской АССР от 20 января 1986 г. // Личный архив В.Г.Родионова. 1986 г.

³²¹ Протокол № 2 совета по критике и литературоведению. // Там же.

гг. В этих условиях старшее (довоенное) поколение перестройщиков не хотело радикальных изменений в пространстве социалистического реализма. Наоборот, послевоенное поколение готово было отказаться от канонизированного художественного метода, оно смело углублялось в проблемы поэтики и художественного сознания. Возмужало совершенно новое поколение литературно-художественных критиков, во главе которых стал сын Петра Петровича *Атнер Петрович Хузангай* (8.10.1948 г.).

Литературный критик, филолог-востоковед, публицист и общественный деятель, А. Хузангай после завершения очной аспирантуры Института востоковедения АН СССР в 1976 г. работал преподавателем кафедры чувашского языка и тюркологии ЧГУ им. И. Н. Ульянова, а с 1990 г. заведовал отделом чувашского языка ЧГИГН; в разные годы стал лауреатом премии журнала «Дружба народов» (1987) и Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля (1987), кандидатом филологических наук (1978), членом Союза писателей СССР (1987). Первые свои литературно-критические статьи посвятил творчеству молодых поэтов (П. Эйзина, В. Эндипа и др.)³²², их общепризнанному лидеру Г. Айги³²³. А. Хузангай очень часто выступал с общесоюзной трибуны, при этом защищал талантливых чувашских поэтов от местных вульгарных критиков-социологов и ревнивых охранителей канонизированного содержания метода социалистического реализма. Критик обращал внимание отечественных литераторов на новые научные труды чувашских ученых и критиков³²⁴, поднимал ряд теоретических вопросов науки о литературе и литературно-художественной критики³²⁵.

³²² Хузангай А. «Тихо глаза открывает костер мой...» [Рец. на кн.: *Эйзин П.* Кăвайт. Сăвăсем. Шупашкар, 1976] // Дружба. Чебоксары. 1977. № 6. С. 224-264; он же [обзор кн.: *Эндип В.* Алăри асамат. Шупашкар, 1976; *Эндип В.* Венок дружбы. Поэмы. Чебоксары, 1977] // Лит. обозрение. 1978. № 11. С. 88; вăлах. *Хусанкай А.* Поэзи сипечĕ // Ялав. 1980. № 3. 24-26 с.

³²³ Хузангай А. [Рец. на кн.: *Айги Г.* Сăвăсем. Шупашкар, 1980] // Лит. обозрение. 1983. № 8. С. 88.; он же. На языке Данте и Петрарки. [О кн. Антология чувашской литературы. Сост. Г. Айги. Рим, 1980] // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 241-251.

³²⁴ Хузангай А. [Рец. на кн.: *Родионов В.* Чувашское и тюркское стихосложение. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. 80 с.] // Сов. тюркология, 1987. № 1. С. 101-103; он же. Взгляд на целое // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 236-240; он же. Классики и современники [Рец. на кн.: *Хлебников Г.* Меслетпе асталăх. Статьясем. Шупашкар, 1984] // Вопросы литературы. 1986. № 7. С. 237-242.

³²⁵ *Родионов В., Хусанкай А.* Сĕнĕлĕх-и е традиции аталантарниех? // Тăван Атăл. 1982. № 2. 58-62 с.; Хузангай А. Корни. Ветви. Небо // Дружба народов. 1979. № 4. С. 265-267; он же. «Сто тысяч слов» или диалектика обновления // Дружба народов. 1984. № 11. С. 236-244.; он же. Взгляд на целое // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 236-240;

Квинтэссенцией критико-теоретической мысли А. Хузангая является сборник его литературно-критических работ «Поиск слова», за который автор заслуженно стал лауреатом молодежной премии имени М. Сеспеля³²⁶.

В статье «Горизонты критики» А. Хузангай справедливо сетует на то, что зачастую писатели как бы перестают слышать или же вообще не хотят слышать голос критика, трезво и нелюбезно для них оценивающего реальность литературы. В результате такого положения вещей создается, как считает критик, миф о литературе. Его диагноз для подобных случаев таков: «Тень поверхностного журнализма довлеть в критике»³²⁷. Здесь же он выражает свое недовольство по поводу «сухого академизма» и «уход на хлеба классики» некоторых критиков (они по своей сути являются уже не критиками, а литературоведами в полном смысле данного термина). Вполне прав А. Хузангай, когда утверждает об актуальности действенной литературной критики: «Сейчас, как никогда, нужна “живая” критика»³²⁸. Подобную критику он ждет, прежде всего, от молодых, заявивших о себе в конце 1970 – начале 1980-х гг.

Положение молодого критика, представляющего конкретную национальную литературу, по мнению А. Хузангая, вдвойне трудно и ответственно, ибо он должен уметь видеть литературный контекст. Вот качества, которыми обязан обладать молодой критик: «острое чувство новизны, быстрая, мгновенная реакция на явление текста, но кроме того – он обязан соотнести произведение с *рядом контекстов* (курсив автора. – Э. Р.), которые есть совокупность устойчивых духовных ценностей»³²⁹. Он убежден, что при оценке современной литературы должны учитываться опыт классики, вершинные достижения национальной литературы. Критик выделяет следующие разновидности контекстов: контекст творчества поэта; контекст жанра; контекст общности мировоззрения и позиций одного поколения; контекст межлитературных связей; контекст традиций. Все эти

он же Творчество – вечно живая основа // Сов. музыка. 1985. № 12. С. 28-55; *он же*. Литературная критика: проблемы жанра и проблемы жизни // Дружба народов. 1987. № 2. С. 231-238.

³²⁶ Хузангай А. П. Поиск слова. Литературно-критические статьи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 191 с.

³²⁷ Хузангай А. П. Поиск слова. С. 5.

³²⁸ Там же. С. 6.

³²⁹ Там же. С. 8.

контексты, с которыми дело имеет критика, венчает самый последний (самый важный), это – контекст жизни.

Критику в еще большей степени, чем литературоведу, должен быть присущ «пафос открытия нового имени» на фоне прошлых художественно-поэтических достижений. Он ненавязчиво, но настойчиво утверждает «своих» поэтов, их новое слово и стоящее за ним видение мира. На примере творчества В. Дементьева исследователь чувашского поэтического слова утверждает о наличии двух взглядов автора: «извне» (когда он пытается сложить из разных имен общую картину поэзии) и «изнутри» (когда критик глубинно разрабатывает почву, на которой вырос тот или иной поэт). А. Хузангай считает, что в анализе стихотворных произведений нужны обе точки зрения, так как они взаимодополняемы. Новизна в творчестве поэта может быть в полной мере прочувствована и осознана, по мнению исследователя, только на фоне прошлого опыта. Критик обязан связывать звенья «тогда» и «сейчас». При этом он должен отталкиваться от настоящего и уходить в глубину, прослеживать слово до его истоков, до безымянного творчества.

Интересны рассуждения А. Хузангай об отношении читателя к критике. По его мнению, нужны точные цифры и «шкалирование» читательских симпатий и антипатий. Поле деятельности современного критика все более будет определять социология читательского вкуса. Читатель хочет увидеть прежде всего лицо автора поэтического произведения, автора-друга. «Читательское общение с текстом – это тайна, немая и невысказываемая, как правило, публично, – продолжает он разговор о читателе. – А у критика *право голоса* (курсив автора. – Э. Р.). Поэтому он несет двойную ответственность: с одной стороны, отвечает за духовное достояние литературы, с другой – держит речь перед широким читателем. Критик – один на миру, но должен оценивать от имени многих»³³⁰. Чувашский критик признается, что он учится на примере работ М. Бахтина, Ю. Тынянова, С. Аверинцева, Г. Гачева и других известных литературоведов «умению прозревать за текстом сложное сцепление идей, общественных

³³⁰ Там же. С. 15.

конфликтов и жизненных судеб». «Живая» критика, к которой он причисляет и себя, по своей сути диалогична, она ставит весьма острые вопросы жизни, она – личностна. Критик конкретной национальной литературы дает свой опыт, а взамен получает яркий, разнообразный опыт других литератур. Открываясь другим народам, обобщает А. Хузангай, критики сами начинают лучше, глубже осознавать сумму национальных духовных ценностей.

Таким представляется А. Хузангай поле деятельности литературного критика в начале 1980-х гг. В первую очередь он выявляет и подробно изучает новые тенденции в чувашской поэзии, сложившиеся в годы оттепели, творчество поэтов-новаторов (Г. Айги, Г. Юмарта, П. Эйзина и др.). Основным методом литературного критика с полученным в вузе знанием в области арабистики является *комплексно - контекстный подход* к исследуемым проблемам. Оставаясь исследователем и ученым, он почти всегда пользуется метафорическим языком, тем самым творит, подобно художнику слова, новый зримый мир в образах. В них нет открытой публицистичности и надменного позерства (такой стиль преобладал в чувашской литературной критике тех лет), сотворенные критиком вербальные образы емки и содержательны, они требуют повторного возвращения к ним ради полного постижения их глубинной семантики. Его дискурс осуществляется в богатой жанровой палитре литературной критики: обзор, портрет, эссе, рецензия и др. В 1980-е гг. А. Хузангай стал среди чувашской творческой интеллигенции своеобразной знаковой фигурой, символом национального возрождения и приверженцем новой парадигмы литературно-художественного творчества (модернизм с его разными ответвлениями: мифологизм, авангардизм, импрессионизм и др.). Все эти художественные течения способствовали окончательному разрушению канонизированной эстетической системы – социалистического реализма).

Итак, чувашское литературоведение 1970 – 1986 гг. необходимо представить в следующей его динамике:

1. Область теории литературы развивалась весьма неравномерно: наиболее зыбкими оказались представления о «младописьменности» и «ускоренном

развитии» литератур региона Урало-Поволжья, а также «теория влияния» «более развитых литератур» на «менее развитые» художественно-поэтические системы. Чувашское прогрессивное литературоведение данного периода, упорно преодолевая сопротивление консерваторов, постепенно освобождалось от такого «иерархического» подхода к культурам народов СССР. В частности, оно с самого начала отрицало идею «младописьменности», опиралось на идею типологии тюркских литератур региона.

2. Поиски истоков народного художественно-поэтического сознания и поэтики уже в середине 1970-х гг. привели чувашских литературоведов, прежде всего стиховедов, в эпохи древних и средних веков первого тысячелетия нашей эры. В этом плане их вдохновляли, а также способствовали вхождению в диалог татарские литературоведы. Уже в конце 1970-х гг. историки чувашской литературы стали рассматривать ее лишь как часть народного художественно-поэтического творчества, как одну из форм эстетического сознания. Литературоведы устремили свой взор на поэтику древних тюрков и современных генетически родственных чувашам народов. Таким образом, типологические сравнения финно-угорских литературоведов региона (прежде всего мордовских)³³¹ значительно корректировались генетическими сравнениями чувашских литературоведов³³² (они показали несостоятельность ряда общесоюзных теоретических посылов, опиравшихся на «идею иерархии» народов и их культур. Историческая смена культурно-идеологических ориентаций и эстетических вкусов народов, как было доказано на материале чувашского и тюркского стиха, зачастую сопровождается трансформацией поэтики, в том числе и метрики письменного стиха. В истории чувашского народа такие переориентации интенсивно проходили в XIV – XVI вв. (мусульманско-восточное воздействие) и в XVIII – начале XX в. (христианско-европейское, прежде всего, православно-русское воздействие). Такие переориентации не следует называть

³³¹ *Черепкин Н. И.* Истоки. М.: Современник, 1973. 198 с.; *Алешкин А. В.* Эпос дружбы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1985. с.

³³² *Родионов В. Г.* Чувашское стихосложение и пути его развития. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, 1979. 20. с.; *он же.* Чувашское и тюркское стихосложение. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. 80 с. и др.

«отставанием» от цивилизационных процессов, но все же следует признать отрицательную роль частой смены религии на цельность и целостность этнокультурного сознания народа. В подобных случаях защитные механизмы этноса культивируют отжившие, но всегда надежные модели общественного бытия, в данной ситуации семейно-родовые.

3. В 1970 – 1980-е гг. интенсивно развивается текстология, как составная часть чувашского литературоведения. Выявление и введение в научный оборот новых текстов потребовали их атрибуции (определения авторов, времени написания и т.д.), определение индивидуального стиля и диалекта писателя. Чувашская текстология, выходя за свои рамки, приступила к изучению особенностей текстов древнетюркской литературы, некоторые литературоведы (В. Канюков, Г. Юмарт) с большим энтузиазмом взялись за составление и издание отдельных томов «Чăваш халăх сăмахлăхĕ» (Чувашское народное творчество). К 1986 г. было подготовлено семь книг текстов фольклора. В последней книге («Мифсемпе халапсем» – Мифы и предания) представлены исторические предания следующих эпох: I – XIII вв. (эпоха древняя и болгарская); XIII – XVI вв. (эпоха Золотой Орды и Казанского ханства); XVI – XX вв. (эпоха после присоединения к России)³³³.

Таким образом, в 1970 – 1980-е гг. в чувашском литературоведении, как и в самой литературе, происходил процесс возвращения к национальным традициям и истокам художественно-поэтического сознания. Наличие подобного процесса в литературах и других народов региона³³⁴ указывает на его типологический характер. Очевидно, подъем национального начала в литературах региона тесно связан с разрушением прежних ценностей и канонов в культуре, в том числе и метода социалистического реализма.

³³³ Чăваш халăх сăмахлăхĕ. VI т. II пайĕ. Мифсемпе халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1987. 448 с.

³³⁴ Закирзянов А. М. Основные направления развития современного татарского литературоведения. С. 204-285.

ГЛАВА III. ЧУВАШСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1987 – 2000 ГОДОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ

С целью выявления динамики развития чувашской литературоведческо-критической мысли 1987 – 2000 гг. целесообразно разделить этот период на два качественно разных отрезка: 1987 – 1993 годы и 1994 – 2000 годы.

Первый подпериод отличается от предыдущего тем, что в те годы полностью были возвращены традиционные национально-культурные ценности, в том числе и литературно-эстетические. Канули в лету такие литературоведческие категории и понятия, как партийность и классовость, идейность; были реабилитированы нереалистические творческие методы и т.д. Происходит процесс перехода от изжившей себя культурной и научной парадигмы к новой, соответствующей требованиям современности.

Второй подпериод характеризуется как время поисков новых методологических ориентиров, углубления в художественно-поэтические миры отдельных прозаиков и поэтов. Стали активно разрабатываться методы сравнительного литературоведения и теоретической поэтики. Литературоведение постепенно отстранилось от схоластических споров в области творческих методов отдельных мастеров слова, оно все больше и чаще стало интересоваться проблемами пограничья социально-гуманитарных наук.

В организационном плане чувашские научно-литературные силы объединились в одну общественную структуру: начала функционировать Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ ЧР). Главной целью этой организации, по определению президента ЧР Н.В. Федорова, являлись: обеспечение высокого уровня и динамичного развития науки и культуры, усиление их роли в решении актуальных проблем материальной и культурной жизни общества, объединение интеллектуального, творческого потенциала ЧР.

3.1. Чувашское литературоведение 1987 – 1993 годов

3.1.1. Проблемы возвращения национальных ценностей

После краткой «оттепелевской весны» конца 1950-х – начала 1990-х гг. процесс детотализации и демократизации советского общества властью был приостановлен осознанно и целенаправленно. Строительству коммунистического общества мешали, как полагали теоретики марксизма-ленинизма, все традиционные национально-культурные ценности народов СССР, в том числе и их языки. Выступления отдельных чувашских писателей (С. Эльгера, П. Хузангая) в защиту родного языка пресекались в форме публичной экзекуции и общественного порицания. Вся народная культура, связанная с традиционной обрядностью, религией и мифологией, причислялась к отмирающим пережиткам прошлой (досоветской) жизни. В строящемся новом обществе не было места для традиционных национально-культурных ценностей. Все это в душе прогрессивной творческой интеллигенции Чувашии возбуждало негативные чувства (от негласного недовольства до публичного выступления).

Смелые попытки поднять в печати загнанный в угол вопрос об изучении учениками-чувашиами городских школ родного языка были осуществлены в 1984 г., когда молодой писатель и журналист Б. Чиндыков опубликовал серию статей «Уроки чувашского». Обобщая итоги первого учебного года преподавания в городских школах предмета «чувашский язык», публицист приходит к заключению, что в воспитании молодого чуваша родной язык должен играть роль исключительную и потому быть подменен другим предметом не может. Его вывод однозначен: «Начала в человеке проистекают из многих источников, но лучше всего закрепляются и определяются в строй души благодаря родной словесности»³³⁵. Развернувшаяся дискуссия в газете «Молодой коммунист» показала злободневность поднятой проблемы и указала на ряд ее решений. Например, В. Неберинг писал, что родной речью дети должны свободно владеть

³³⁵ Чиндыков Б. 2. Уроки чувашского // Молодой коммунист. 1984. Октябрь, 25.

еще в детских садах, в которых воспитателями и нянями работают, в основном, чувашские девушки. Тем не менее, считает автор, «нередко и воспитатели, и дети относятся к чувашскому языку как ко второстепенному, неполноценному явлению»³³⁶.

От дискуссий по проблемам обучения чувашских детей родному языку гуманитарная интеллигенция постепенно перешла к выступлениям в защиту родной культуры, обсуждению вопросов соотношения национального и интернационального. Так, в «Литературной России» выступил переводчик с немецкого языка на чувашский, одновременно ученый-лингвист и публицист Михаил Федотов, который за плачевное положение культуры обвинил представителей местных властей и пассивную часть интеллигенции. «Лет двадцать-тридцать назад постановка такого вопроса считалась совершенно неуместной, – начинал свою статью профессор-консультант Чувашского госуниверситета им И. Н. Ульянова, включаясь в общероссийскую дискуссию о проблемах сохранения и развития национальных языков, самобытной культуры российских народов. – Твердили одно: чувашский язык процветает. Никто не задавался вопросом, почему ни в одной школе столицы Чувашии – Чебоксарах – чувашский язык не изучается даже как учебный предмет. О преподавании на чувашском языке даже и речи не было»³³⁷. Автор сетует на издателей, которые всячески отмахиваются от рукописей, связанных с проблемами чувашского языка и культуры. Не издают научные монографии, запретили издание многотомного «Чувашского краеведческого словаря», подготовленного НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР еще к концу 1960-х гг. Не переиздают самоучитель чувашского языка, вышедший аж в начале 1930-х гг. или же не думают о создании нового варианта такого пособия. Нет научной грамматики чувашского языка. «Возникает законный вопрос, – спрашивает профессор: – кто должен защищать

³³⁶ *Неберинг В.* «Уроки чувашского» // Молодой коммунист. 1984. Ноябрь, 13. Автор перечисляет ряд инновационных подходов к проблеме обучения детей родному языку их родителей: нагрузка уроками тех учеников, которые освобождены от изучения чувашского языка; ведение на начальной стадии уроков чувашского языка во многих классах или школы одним и тем же учителем; совместные усилия как средств массовой коммуникации (телевидения, радио), так и научно-педагогического сообщества республики, городских и районных отделений народного образования.

³³⁷ *Федотов М.* В защиту родной культуры // Литературная Россия. 1988. Июль, 29.

интересы чувашских языковедов, кто должен публиковать их труды? Надо открыто, гласно объяснить, в чем тут дело»³³⁸.

В те же годы начали писать о возвращении богатого наследия чувашского просветителя И. Яковлева, публикации его «Духовного завещания чувашскому народу» без каких-либо купюр³³⁹. Опять с подачи писателя Б. Чиндыкова стали публично обсуждать проблемы двуязычия, о его необходимости для всех граждан национальных республик³⁴⁰. «Если внимательно читать теоретиков двуязычия, - включается в дискуссию М. Федотов, - получается примерно такая сцена: стоят двое – первый говорит, а второй смотрит в рот первому. Это не двуязычие. В этой сцене мы видим учителя, дающего урок своему ученику»³⁴¹. По мнению профессора, в пределах Чувашии чувашский язык может и должен быть языком средств массовой информации, культуры, науки и школы.

Проблеме двуязычия посвятил свою статью литературный критик и ученый А. Хузангай, который подверг критике книгу М. Михайлова «Двуязычие (Принципы и проблемы)» (Чебоксары, 1969). «Наши “ученые мужи” годами вдавливали в головы интеллигенции, студентов, учащихся и вообще чувашского населения тезисы о том, что советское двуязычие – самое лучшее в мире, что и позволяло медленно, но систематично сводить на нет чувство национального самосознания, - утверждает молодой публицист. – Теперь приходится доказывать иному чувашу, зачем нужен родной язык, ведь для него он стал символом ограниченности, забитости и ненужности, и он, выходя в большой мир, поскорее хочет избавиться от “чувашского комплекса”, побыстрее самоассимилироваться. Обыватель всегда хочет жить тихо и незаметно. Так что надо говорить не об “исторически сложившихся социально-экономических условиях”, а об

³³⁸ Там же.

³³⁹ Федотов М. Снова о родном языке и еще кое о чем // Молодой коммунист. 1988. Июль, 7. В первый и второй пункты своих соображений ученый включил такие предложения: «1. Опубликовать без купюр полный текст «Духовного завещания чувашскому народу» И.Я. Яковлева на чувашском языке. Это такой документ, который вызывает к добру и братству, состраданию и милосердию. Эти слова-то еще вчера мы стыдились произносить, якобы лишённые классового содержания. 2. Фрагменты из «Духовного завещания чувашскому народу» поместить в школьных учебниках (хрестоматиях) по чувашскому языку и литературе. Заодно в них поместить полные тексты редкостных художественно-публицистических работ Игнатия Иванова «Сын чувашского народа» и Дмитрия Юмана «Славная жизнь», опубликованных недавно в журналах “Родная Волга” (1988. №4) и “Знамя” (1988. №5)» (Там же).

³⁴⁰ Чиндыков Б. Двуязычие и национальный вопрос // Советская Чувашия. 1988. Июнь, 19.

³⁴¹ Федотов М. Снова о родном языке и еще кое о чем.

искусственно создаваемых барьерах на пути самостоятельного и свободного развития чувашского языка»³⁴².

Филолог-русовед М. Михайлов не слышал аргументированные ответы защитников чувашского языка, он, прежде всего, защищал позицию учителей второго (неродного) языка, которым якобы мешало знание родного. «Обучение в школе на национальном языке намного затруднило бы усвоение учащимися русского языка, – искусственно противопоставляет профессор, при этом выделяя особую важность языка неродного, – плохое знание которого и без того является барьером при поступлении в престижные вузы, затрудняет службу в армии, работу на заводе, где представлена сейчас сложная научно-техническая аппаратура с соответствующей терминологией»³⁴³. Здесь русовед явно имеет подспудный умысел: взваливать проблемы методики преподавания русского языка в чувашских школах, которые в те последующие годы находились в плачевном состоянии, на родной язык обучающихся. Получается такой вывод: чем меньше владеют родным языком, тем легче обучать русскому, что является основной государственной задачей. Таким образом, сам русовед становится более государственно важным деятелем просвещения, чем остальные, прежде всего учителя и преподаватели родных языков и литератур³⁴⁴.

О перспективах развития национальной культуры в педагогическом контексте в печати выступил выдающийся чувашский ученый, основатель этнопедагогике Г. Волков. В диалоге с А. Хузангаем он отметил важность процесса передачи духовного наследия народа от одного поколения к другому. «Хочу подчеркнуть, – писал педагог, – что люди, отказываясь от родного языка, от отчей культуры, дошли до отказа от гуманистических, общечеловеческих традиций. Оказывается, теряя национальное, теряешь самые элементарные, самые

³⁴² Хузангай А. Как важно помнить о корнях // Молодой коммунист. 1988. Сентябрь, 22.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Такое представление о своей исключительности сохранилось, к сожалению, и среди наследников идей и продолжателей дел чувашского теоретика «двуязычия». От русоведов из других университетов они отличаются, прежде всего, этим качеством (пренебрежительным отношением к чувашскому языку и литературе, всяческим игнорированием проблем изучения взаимосвязей двух культур и литератур) и не имеют больших научных достижений по причине полученного в наследство от теоретиков застойного времени убеждений с оттенками великодержавного шовинизма.

необходимые человеческие свойства и качества»³⁴⁵. Ученый мечтает о времени, когда научная интеллигенция и литераторы начнут совместно искать истину, осмысливать богатое наследие народа, художественное творчество его лучших представителей «во всей идейной сложности и философской глубине»³⁴⁶. Сетую на искусственные меры сдерживания роста национальной культуры, критик Г. Хлебников открыто спрашивает: «неужели все это – политика нашей партии?»³⁴⁷. Пренебрежительное отношение к чувашской культуре, как полагает публицист, особенно губительно для национальных искусств: «Писатели и композиторы с тревогой говорят об отсутствии талантливой и крепкой молодой смены и завистью смотрят на соседнюю республику – Татарию, где очень заметны успехи молодых литераторов, композиторов и музыкантов-исполнителей. Да и не мудрено! Как известно, без любви к родному слову, к родной литературе и музыке, воспитанной с ранних лет, не может расцвести ни один талант»³⁴⁸.

Итак, развернувшаяся в печати дискуссия о значении родного языка постепенно перешла к проблеме возвращения традиционных культурных ценностей чувашского народа. Актуализировались вопросы сохранения фольклора как части культурного наследия. На сценах клубов и дворцов культуры появились такие фольклорные коллективы, которые смело показывали ранее запрещенные чувашские обряды: *сурхури*, *юпа* и др.³⁴⁹ Тексты языческих заговоров и молитвословий, изъятые из серии «Чувашское устное народное творчество», исследователями Г. Юмартом и В. Родионовым были опубликованы в сборнике ЧНИИ «Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Тĕпчевсемпе текстсем (Чувашская народная словесность. Исследования и тексты)»³⁵⁰. Одновременно стали

³⁴⁵ Волков Г., Хузангай А. «Любовь к родине может быть и трудной...» // Молодой коммунист. 1988. Февраль, 18.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Хлебников Г. Почему это происходит? (О фактах пренебрежения национальной культурой в Чувашии) // Молодой коммунист. 1988. Сентябрь, 15.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ В этом деле первой ласточкой был фольклорный коллектив Моргаушского районного дома культуры, который, вопреки запрещению представителей властей, добился показа на сцене обряда *сурхури*. Идейным вдохновителем данного коллектива являлись научные сотрудники ЧНИИ и РНМЦ.

³⁵⁰ Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Тĕпчевсемпе текстсем / Яваплă редакторĕ В.Г. Родионов. Шупашкар: ЧĂТИ, 1989. 116 с.

публиковать произведения репрессивных писателей, более открыто обсуждать проблемы тоталитаризма и искажения в национальной политике компартии в стране. Процесс возвращения художественной литературы, запрещенной в годы репрессий и застоя в Чувашии обрел открытый характер после публикации в журнале «Дружба народов» романа-трилогии А. Рыбакова «Дети Арбата»³⁵¹, а также просмотра кинофильма режиссера Г. Абуладзе «Покаяние»³⁵².

В порядке обсуждения недавно опубликованного романа А. Рыбакова в «Молодом коммунисте» выступил чувашский прозаик В. Бурнаевский, который выразил свое недоверчивое отношение к описанным в романе событиям³⁵³. Учитывая, что такое мнение имеет большинство чувашского населения, детство и юность которых прошли в 1930-е гг., В. Родионов опубликовал воспоминания народного поэта Чувашии С. Эльгера, написанные после XX съезда КПСС (февраль – апрель 1956 г.). В предисловии ученый, не входя в полемику с В. Бурнаевским, ищет ответ на такой вопрос: «Почему до настоящего времени оказались живучими среди нас фанатизм и рабская преданность, догматизм и прочее? Может быть, в этом виновато наше дореволюционное прошлое (вера в единого бога и царя)? А категоричность в суждениях? Не результат ли это отсутствия в нас аналитического ума?»³⁵⁴.

По воспоминаниям С. Эльгера, начиная с 1937 г. в продолжении нескольких лет, многие честные граждане Чувашской АССР «не чувствовали под собою настоящей почвы. Самое страшное было в 1937 и 1938 годах. Эти годы явились для руководящих партийно-советских работников и интеллигенции “годами черного шквала”»³⁵⁵. Писатель был свидетелем ареста и суда А. Золотова, которого обвинили в развале работы Управления по делам искусства, а также за организацию торжественной встречи в Чебоксарах сына великого просветителя

³⁵¹ Рыбаков А. Дети Арбата // Дружба народов. – 1987. – №№4,5,6.

³⁵² Художественный фильм «Покаяние» (режиссер Тенгиз Абуладзе) был снят в 1984 г. и получил Гран-при на Каннском кинофестивале в 1987 г. В том же году для творческой интеллигенции Чувашии был организован предпоказ фильма перед премьерой в кинотеатрах.

³⁵³ Бурнаевский В. Мне эта книга не нравится // Молодой коммунист. 1987. Декабрь, 3.

³⁵⁴ Родионов В. Наконец-то дело выяснилось – кошмар рассеялся (Предисловие к воспоминаниям С. Эльгера «Когда рассеялся кошмар») // Молодой коммунист. 1988. Январь, 28.

³⁵⁵ Эльгер С. Когда рассеялся кошмар // Элкер, Семен. Тёрлĕ вăхăтра ҫырнисем. Проза, поэзи, аса илӱсем, кун кĕнекинчен, ҫырусем, хаклавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. 374 с.

чувашей И. Яковлева (охарактеризованного как «сына буржуазного националиста и монархиста»). Тогда же по кляузе коллег пытались обвинить самого С. Эльгера, инвалида Первой мировой войны, в связях с «буржуазным националистом» А. Милли, за участие в организации «Чăваш ырăвĕн ушкăнĕ» (Чувашское литературное общество, 1923). Он был свидетелем ужасных, душераздирающих сцен при аресте писателей П. Львова и Н. Янгаса. Последний погиб «от холода и голода и бездушной клеветы своих же коллег-писателей. «Эти факты не давали нам покоя, мешали плодотворно работать в области литературного творчества, - вспоминает народный поэт. – Мы тряслись, были запуганы и ждали: вот-вот очередь изъятия дойдет и до нас. В 1937 – 1938 годы по вечерам даже спокойно спать не могли»³⁵⁶.

В том же 1988 г. были опубликованы два письма народного писателя, адресованные первому секретарю Чувашского обкома КПСС, содержание которых известно из первой главы данной монографии. Публикация сопровождается такими словами супруги С. Эльгера: «Муж говорил в середине 60-х, что ему еще рано умирать: сколько дел осталось незавершенными. В те годы С.В. Эльгер был одинок, чувствовал себя «белой вороной! Среди чувашских писателей. Эти письма показывают, чем, каким огнем горело сердце поэта-патриота, честного коммуниста в последние годы его жизни, какие мысли и чувства охватывали его – не по возрасту пронизательный и дальновидный ум. В нем слабо тлела надежда на то, что появится молодежь, которая сможет принять эстафету. Но жить тогда ему оставалось совсем немного... Я очень рада, что наша молодая творческая интеллигенция активно включается в дело, которому С.В. Эльгер отдал столько душевных сил, энергии и которое принесло ему в годы застоя немало часов и дней мучительных раздумий о будущем своего родного языка»³⁵⁷.

Эти письма были написаны в 1961 г. (последнее датировано: «5 ноября 1961 г.»), а после продолжительной болезни поэт ушел из жизни (6 сентября 1966 г.),

³⁵⁶ Там же. С. 379.

³⁵⁷ Эльгер Е.А. Два письма Эльгера // Молодой коммунист. 1988. Август, 11.

как выразился П. Хузангай, «под аплодисменты некоторых людей» (хэшне, тен, алӑ та ҫуптарчӑ). К подобным злорадствующим поэт причислял прежде всего тех, кого творец постоянно «беспокоил» (кансӑрленӗ) своими тревогами о судьбе родного языка и художественного слова. Данное стихотворение («Эльгеру») в полном его варианте было опубликовано в сборнике статей «Петӑр Хусанкай» (Педӑр Хузангай)³⁵⁸. Завершающие стихотворение две строфы напоминают призывный стиль и пафос М. Сеспеля:

Йӑри-тавра (эпир кӑтетпӑр!)

Ҫӑкленӗҫ ҫенӗ ӑстасем.

Ҫӑр пин сӑмахӑ вут-чӑлхемӑр

Ҫитерӗ вӗҫемсӑр хӑлхем.

Ҫакна шанми пулсан, кӑвак пӑр

Пулса пӑрлантӑр ман чӑре!..

Яшсем! Сире шанса каятпӑр!

Ҫитерӑр ӗмӑтӑмӑре!³⁵⁹

[Вокруг (мы ждем) / Поднимутся новые мастера. / Язык-огонь со ста тысячью словами / Будет бесконечно разносить искры. // И если перестану в это верить, в синий лед / Пусть мое сердце превратится!.. / На вас надеюсь, мы уходим! / Мечты в реальность воплотите!].

Процессу возвращения имен политически репрессированных писателей, публицистов и других общественных деятелей 1920 – 1930-х гг. противостояли прежде всего те люди, которые сами участвовали в репрессивных мероприятиях, или же серые функционеры, прикрывавшиеся цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма. В первую очередь следовало показать несостоятельность методов анализа вульгарных социологов, доказать их догматическое понимание таких терминов, как «идейность», «форма и содержание», «национальное и интернациональное» и др. Вызов консерваторам бросили молодые

³⁵⁸ Петӑр Хусанкай. Статьясен пуххи. Шупашкар: ЧӑТИ, 1988. 99 с.

³⁵⁹ Ҫавӑнтах. 98 с.

литературоведы из Чувашского НИИ на научной сессии, посвященной итогам исследовательских работ института за 1986 г. (9 – 11 февраля 1987 г.). Усилия перестройщиков были направлены на критику вульгарно-социологических подходов в исследованиях. На пленарном заседании сессии выступил С. Александров (Убасси) с докладом по теме «Проблема идейности в литературоведении, критике и литературе». Доклад В. Родионова был посвящен вопросам о методах анализа в чувашском литературоведении, сообщения Л. Волкова и К. Кириллова – принципам анализа лирического произведения.

На очередной итоговой сессии (8 – 11 февраля 1988 г.) свои темы выступлений литературоведы опять посвятили проблемам углубления литературоведческого анализа и перестройки всей литературно-культурной жизни в Чувашии. Молодой литературовед К. Кириллов опубликовал ряд дискуссионных статей³⁶⁰ и организовал круглые столы по актуальным проблемам литературоведения и критики³⁶¹. В октябре 1988 г. под его редактированием вышел экспериментальный номер журнала «Ялав» (Знамя), в котором были опубликованы чувашский вариант «Духовного завещания чувашского народу» (1921) И. Яковлева, очерк-эссе «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши? (Имеет ли чувашский народ свое будущее? 1917) Г. Комиссарова (Вандера), воспоминания И. Кузнецова о своих мытарствах в годы репрессий³⁶². Экспериментальный молодежный номер выпустил и журнал «Тăван Атăл», редактором которого явился критик А. Хузангай. Редакционная коллегия данного номера (она состояла из молодых талантливых литераторов) больше всего обращала внимание на творчество *миттаçăсем* и поэтов 1960-х гг., на переводы Г. Айги и других поэтов с польского, турецкого, немецкого, удмуртского языков,

³⁶⁰ Кириллов К.Д. Жажду литературы // Молодой коммунист. 1985. Июнь, 20; Кириллов К.Д. Кĕтетпĕр, ёнетпĕр // Ялав. 1987. 2 №. 30 с.; Кириллов К.Д. Драма чăнлăхĕ // Тăван Атăл. 1987. 9 №. 57-68 с. и др.

³⁶¹ Кириллов К. Поэзия правды (Начало дискуссии по вопросам современной чувашской драматургии) // Молодой коммунист. 1986. Декабрь, 20; Хальхи литература тата çĕнетĕ // Тăван Атăл. 1988. 3 №. 52-58 с. («Çавра сĕтел» хăнисем: Г. Хлебников, М. Ставский, Н. Терентьев, К. Кириллов, П. Львов, В. Родионов, Л. Волков, Г. Федоров, В. Игнатьев).

³⁶² Ялав. 1988. 10 №. 32 с.

там же были опубликованы материалы круглого стола по проблемам свободного стиха³⁶³.

Одновременно с этой творческой деятельностью Координационный центр творческой молодежи при Чувашском обкоме комсомола ежегодно стал организовывать творческие форумы литературной молодежи Урала и Поволжья. На такой форум 13 – 14 ноября 1987 г. в Чебоксарах собрались башкирские, марийские и мордовские литераторы. В мероприятиях участвовали поэты из Москвы, Латвии и Украины. Все гости принимали активное участие в работе круглого стола на тему «Традиции революционно-авангардной поэзии Урало-Поволжья»³⁶⁴. Организатором этих мероприятий был Атнер Хузангай, получивший в том году звание лауреата премии комсомола Чувашии в области литературы и искусства им. М. Сеспеля.

Подобные творческие форумы проходили и в последующие годы. На них стали выдвигать идеи, далеко выходящие за пределы авангардного искусства. Так, в «Книге Пичамбара» (Сеспелевской антологии), изданной в газете «Молодой коммунист» А. Хузангай опубликовал предисловие под названием «Начнется ли третье возрождение»³⁶⁵. Это было в ноябрьские дни 1989 г., когда перестройка в Чувашии обрела полный оборот и вступила в свою зрелую фазу развития.

К молодым активистам перестройки присоединилась и часть чувашских писателей среднего и старшего поколения. При Союзе писателей Чувашской АССР была создана Комиссия по возвращению наследия потерпевших от культа личности писателей (председатель – Хв. Агивер, заместитель – В. Эрдиван). По настоянию активных членов этой Комиссии были с комментариями опубликованы произведения народных поэтов С. Эльгера³⁶⁶ и П. Хузангая³⁶⁷,

³⁶³ Таван Атл. 1988. 10 №. 72 с.

³⁶⁴ Степанов В. Первый Форум творческой молодежи Урала и Поволжья // Молодой коммунист. 1987. Ноябрь, 19; Дни поэзии Сеспеля // Молодой коммунист. 1987. Ноябрь, 12.

³⁶⁵ Хузангай А. Начнется ли третье возрождение? // Молодой коммунист. 1989. Книга в газете, «Вариант» (№ 28). Ноябрь, 23.

³⁶⁶ Родионов В. Чёлхе шăпи канăç пaman (Ç. Элкерён «Чăваш йышĕ хăвăрт ирĕлет» статьи пирки) // Коммунизм ялавĕ. 1989. Май, 1; Родионов В. Чăваш халăх поэчĕ Çемен Элкер (Ç. Элкерён «Çыру», «Хам – чăваш, ачасем – вырăс» хайлавĕсем пирки) // Пионер сасси. 1989. Май, 1.

Г. Комиссарова³⁶⁸, А. Милли³⁶⁹ и других деятелей чувашской литературы. Самые жаркие дискуссии проходили вокруг имени Мэтри Юмана, писателя и общественного деятеля, члена Учредительного собрания, лидера чувашских левых эсеров, первого редактора чувашской газеты «Канаш».

11 февраля 1988 г. в газете «Молодой коммунист» была напечатана статья поэта Валема Ахуна «Трудная дорога к истине», в которой автор пытается реабилитировать доброе имя писателя и политика М. Юмана³⁷⁰. «Планы, литературные наброски были у него больше, но реализовать свои творческие возможности он до конца не сумел, – пытается осмыслить поэт трагическую судьбу защитника чести и свободы родного народа. – Бесконечные вульгарные нападки, приклеивание ярлыков, запреты на издание написанных произведений, душевные страдания сделали свое черное дело. Ушел он из жизни оклеветанным и униженным. Но писатель и сегодня продолжает жить среди родного народа, его имя превратилось в легенду»³⁷¹.

Вскоре на статью В. Ахуна откликнулся историк А. Изоркин. «Выходит, Юман прожил кристально чистую жизнь, если и ошибался, то во всем виновата “бурная эпоха”, – со злобной ухмылкой писал он в той же газете. – И ошибки его нельзя считать ошибками. Несколько удивляет такая спасительная оговорка»³⁷². К ошибкам М. Юмана кандидат исторических наук включает его службу в белой армии и деятельность в Комитете Учредительного собрания (Комуче), а также завязавшуюся по его инициативе дискуссию «о чистоте чувашского языка», участие совместно с А. Милли в организации беспартийного «Чувашского литературного общества». Основная масса чувашских литераторов, по субъективному мнению критика, отвергла как «теорию о чистоте чувашского

³⁶⁷ Родионов В., Хусанкай А. Хусанкай халалёсем // Петёр Хусанкай. Статъясен пуххи. Шупашкар: ЧАТИ, 1988. 81-98 с.; Чекушкин В.С. «Юлашки пълхар» поэма // Чăваш литератури: поэтикăпа стиль ыйтăвёсем. Статъясен пуххи. Шупашкар: ЧАТИ, 1989. 128-142 с.

³⁶⁸ Родионов В.Г. Чăваш литература вёрентёвён малтанхи утăмёсем // Чăваш литератури: поэтикăпа стиль ыйтăвёсем. Статъясен пуххи. Шупашкар: ЧАТИ, 1989. 5-21 с.

³⁶⁹ Родионов В.Г. «Чăваш сырăвён ушкăнё» // Чăваш литератури: поэтикăпа стиль ыйтăвёсем. 41-60 с.

³⁷⁰ Ахун, Вале. Трудная дорога к истине // Молодой коммунист. 1988. Февраль, 11.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Изоркин А. Не нивелировать! // Молодой коммунист. 1988. Март, 3.

языка», так и «общество националистов», создав под руководством коммунистов Союз чувашских писателей и журналистов «Канаш».

Через неделю в той же газете доцент кафедры чувашской литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова В. Станъял опубликовал документы и материалы, освещающие некоторые стороны жизни этого опального писателя, историка и экономиста³⁷³. Вывод автора таков: когда речь идет о Юмане, нельзя говорить только о каких-то частных ошибках. Не ошибки, а система мировоззрения заставили его быть идеологом чувашского крестьянства, быть эсером, активным деятелем Самарской учредилки.

Через некоторое время были реабилитированы поэт Алексей Милли³⁷⁴ и его «Чувашское литературное общество»³⁷⁵. От дискуссий о политических воззрениях репрессированных писателей ученые перешли к изучению их литературного творчества. Так появились первые работы о поэзии М. Юмана³⁷⁶, первом варианте драмы «Айдар» П. Осипова³⁷⁷, прозе В. Рзая³⁷⁸ и других произведений, запрещенных в годы репрессий и застоя. Из архивов были подняты и опубликованы отдельные работы Г. Комиссарова³⁷⁹, М. Юмана³⁸⁰, С. Хуммы³⁸¹, Моис. Федорова³⁸², произведения поэтов начала XX в.³⁸³ В изданной в 1988 г. хрестоматии «Революциченхи чăваш литератури» (Дореволюционная чувашская литература) были опубликованы десятки произведений, которые до того времени пылились в хранилищах архивов и не были известны широкому читателю³⁸⁴. Так начали возвращаться чувашскому читателю забытые произведения и их авторы, а

³⁷³ Станъял В. Документы свидетельствуют // Молодой коммунист. 1988. Март, 10.

³⁷⁴ Родионов В. Кам-ши въл Милли? // Коммунизм ялавё. 1989. Август, 13.

³⁷⁵ Родионов В.Г. «Чăваш сыравён ушкăнё» // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвёсем. 41-60 с.

³⁷⁶ Родионов В.Г. Мётри Юман – поэт // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвёсем. 112-127 с.; Родионов В. Манăса тухнă поэма // Коммунизм ялавё. 1989. Апрель, 8.

³⁷⁷ Кириллов К.Д. «Айтар» драмăн малтанхи варианчĕ // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвёсем. 85-111 с.

³⁷⁸ Яковлев Ю.В. В. Рсайн прозăри пултаруляхĕ // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвёсем. 61-84 с.

³⁷⁹ Комиссаров (Вантер) Г.И. Чăваш халăхĕ малалла кайё-ши, каймё-ши? // Ялав. 1988. 10 № 4-9 с.; Комиссаров Г.И. Чăваш фольклорёпе литература вёрентёвĕ // Чăваш халăх сăмахляхĕ. Тĕпчевсемпе текстсем. Шупашкар: ЧĂТИ, 1989. 6-45 с.

³⁸⁰ Родионов В. Тутар-Пушкăрт Республики сінчен // Хыпар. 1993. Кăрлач, 13.

³⁸¹ Яковлев Ю.В. Хумма Ҷеменён прозăри пултаруляхĕ пирки // Литература еткерё: 1991. Тĕпчевсемпе текстсем. Шупашкар: ЧĂТИ, 1989. 40-61 с.

³⁸² Федоров, Моисей. Произведенисен формăляхĕ // Литература еткерё: 1991. 68-74 с.

³⁸³ Юмарт Г.Ф. Малтанхи пичетленмен сăвăллă юмах-халап // Литература еткерё: 1991. 82-110 с.

³⁸⁴ Революциченхи чăваш литератури. Текстсем. II том. 1 кёнеке. Шупашкар: Чăваш кён. изд-ви, 1988. 431 с.

вместе с ними и их убеждения и понимание о мире, социально-политические взгляды. Таким образом происходило возвращение чувашскому народу его главного богатства – духовного наследия досоветской эпохи и противоречивых 20-х гг. XX в.

3.1.2. Новая история чувашской литературы.

Ю. Артемьев. В. Родионов

1987 – 1993 гг. по праву следует назвать периодом возвращения традиционных национально-культурных ценностей, в том числе и произведений незаслуженно забытых писателей и литературоведов. Все это способствовало созданию «Истории чувашской литературы» совершенно на новой концептуальной основе. Она (концепция) утверждалась в условиях упорного сопротивления вульгарных социологов 1930-х гг. и их верных учеников застойного периода. Для убедительности вышеизложенной мысли следует вспомнить историю издания коллективной монографии «Чувашская дореволюционная литература» (их двух книг) и текстов художественных произведений того же периода (из трех книг). К их составлению и написанию отдел литературы и фольклора ЧНИИ приступил еще в доперестроечные годы, но наступающая перестройка настойчиво требовала переоценки устоявшихся в годы застоя ложных ценностей, демократизации общества. В результате столкновения старых (консервативных) и новых (перестроечных) взглядов происходили литературно-научные события тех лет (второй половины 1980-х гг.), о некоторых из них следует рассказать более подробно.

Из воспоминаний редактора серии книг «Чувашская дореволюционная литература. Тексты» известно, что ее первый том (тексты до XX в.) был издан в более спокойной обстановке, чем первая книга второго тома³⁸⁵. Дело в том, что, во-первых, основным рецензентом изданной еще в 1984 г. книги являлся историк

³⁸⁵Родионов В. Кёнекесем хёнке тухатчёс // Хыпар. 1993. Ҫурла, 10. Танлаштарăр: Родионов В.Г. Сăвă. Сăнар. Сăмах. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2007. 299 с.; Революциченхи чăваш литератури. Текстсем. I том. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. 461 с.

и критик 1930-х гг. И. Кузнецов, чье мнение в те годы не обсуждалось, а беспрекословно одобрялось и принималось к исполнению. Во-вторых, в рукописи текстов за именами известных деятелей (Н. Бичурина, С. Михайлова, И. Яковлева, Игн. Иванова, Мих. Федорова) затерялись неизвестные рецензенту фамилии авторов (Е. Рожанский, М. Дмитриев, Г. Филиппов, М. Арзамасов и другие), к творчеству которых он относился без особого интереса. Поэтому редакционной коллегии удалось включить даже отсутствующие в проспекте разделы («Средневековая литература», «Конец XVIII в. – первая половина XIX в.») и произведения деятелей православного духовенства. Здесь идеологи застойного времени просто оплошали, находясь в предперестроечной дремоте. Издание первого тома явилось самой первой победой будущих перестройщиков.

Издание первой книги второго тома осложнилось опять-таки по двум причинам. Объективной причиной стало обретение открытой формы противостояния консерваторов и новаторов. Первые оценивали творчество писателей по их принадлежности к различным партиям и классам, а вторые – по уровню художественности текстов. Субъективной причиной редактор тома считает тот факт, что для написания внешней рецензии на рукопись он выбрал не главного идеолога-историка, а лишенного исследовательского дара кандидата-функционера И. Кузнецова, который, помимо сочинения отрицательной рецензии, подал жалобу на составителей очередной книги из этой серии. Она подействовала на И. Кузнецова: он прямо вырвал рукопись с рук редактора и написал дополнительную внешнюю рецензию. «Этот Алюнов, – пишет И. Кузнецов в своей рецензии, – являясь после Февральской революции помощником Казанского губернского комиссара, вел разнузданное контрреволюционное действие против большевиков, в частности, клеветал на В.И. Ленина, называя его немецким шпионом. А в 1918 году возглавлял белогвардейское нашествие на Симбирск и Казань и, являясь помощником правителя Казанской губернии, объявил весь чувашский край под властью Учредительного собрания, был объявлен Чувашским отделом Наркомнаца вне закона, как и Д. Петров-Юман, Г. Комиссаров и т.п. Аналогично А.П. Милли также представлен несколькими

стихами вроде безобидного характера... Милли кричит «урра» не кому другому, а именно контрреволюционному правительству Керенского»³⁸⁶.

Рецензент полностью отрицает творчество Г. Комиссарова (Вандера) как писателя и сетует на университетских преподавателей (Г. Хлебникова и В. Никитина), которые якобы распространяют среди студентов очерк-эссе «Имеет ли чувашский народ свое будущее?». «Видимо, – завершает он свою мысль в стиле репрессивных годов, – влияние некоторых квазиученых педагогов дурно отражается на поведении и мышлении некоторых студентов»³⁸⁷.

В ходе работы над исправлением замечаний первых двух внешних рецензентов (по положению требовалась лишь одна такая рецензия) редактор будущей книги получил еще два отрицательных отзыва на рукопись: П. Денисова (в начале февраля 1987 г.) и Н. Егорова (в апреле того же года). Однако, весной 1987 г. из состава Ученого совета вывели наиболее консервативных его членов, в том числе И. Кузнецова и Н. Дедушкина, а вместо них включили более лояльных литературоведов Е. Владимирова и А. Мефодьева. Все эти обстоятельства способствовали утверждению рукописи в том варианте, в котором она была рекомендована редколлегией (21 октября 1987 г.). Редактору и составителям текстов удалось включить в книгу, вопреки желаниям рецензентов, произведения Г. Комиссарова (Вандера), Г. Коренькова, Т. Кириллова, Н. Никольского и других авторов (в рукописи сохранили произведения более двадцати неугодных рецензентам писателей). Во имя этих мастеров слова пришлось пожертвовать именами Г. Алюнова и А. Милли (некоторые их произведения все же вошли во вторую книгу второго тома³⁸⁸).

В конце октября 1987 г. усилиями редколлегии утвердили к печати и рукопись монографии «Революциченхи чăваш литератури (XX ёмёрчен)» [Чувашская дореволюционная литература (до XX века)], которая дошла до читателей лишь в 1989 г. (авторы: В. Родионов и А. Васильев, редактор:

³⁸⁶ Родионов В.Г. Сăвă. Сăнар. Сăмах. 300 с.

³⁸⁷ Сăвăнтах. 301 с.

³⁸⁸ Революциченхи чăваш литератури. Куçарусемпе вырăсла çырнисем. Текстсем. II том. 2-меш кёнеке. Шупашкар: Чăваш кён. изд-ви, 2001. 527 с.

А. Горшков)³⁸⁹. В ней впервые в чувашском литературоведении рассматривается древнетюркская литература как общее наследие тюркских народов, анализируются отдельные памятники культуры волжских булгар, в том числе и письменные. По рекомендации редактора издательства В. Максимова был включен дополнительный раздел «Вăтам ёмёрсен вёҫёнчи ҫăваш культури (XV – XVII ёмёрсем)» [Чувашская культура конца средних веков (XV – XVII века)]. В нем главным образом рассмотрены обрядовый быт и поэзия чувашского народа. К тому времени одним из авторов монографии они были изучены более или менее полно³⁹⁰.

Во второй главе монографии впервые выделяются две переводческие школы XVIII – начала XX в.: нижегородская (деятельность Е. Рожанского и его учеников) и казанская (деятельность П. Галиева, А. Алмазова и др.). В 1830-е гг. на ниву чувашского раннего просветительства выходит профессор философии и чувашевед В. Вишневский, ученики которого создают образцы чувашской письменной культуры дояковлевского периода (В. Громов, В. Сбоев, С. Михайлов, В. Лебедев, Н. Золотницкий). Вывод второй главы таков: «К началу 1850-х гг. чувашская художественная литература полностью обретает свой облик и начинает быстрыми темпами развиваться в русле просветительства. Начало просветительства Поволжья было связано прежде всего с Казанским университетом»³⁹¹.

В книге глубоко и по-новому анализированы произведения второй половины XIX в., которые А. Васильевым отнесены к текстам просветительского реализма. По его мнению, все рассказы Игн. Иванова описывают социально-бытовую жизнь чувашского крестьянина 1870-х гг., в этом их достоинство. Прозаик создал в своих рассказах образ автора как защитника народных этических норм и христианской морали. Ученый считает, что художественное мировоззрение писателя связано не с фольклором, как полагали многие, а с

³⁸⁹ Революциченхи ҫăваш литератури (XX ёмёрчен) [Ушкăнлă монографи]. Шупашкар: Ҫăваш кĕн. изд-ви, 1989. 302 с.

³⁹⁰ Родионов В.Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Сб. статей: Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 3-64. Статья была написана в середине 1980-х гг.

³⁹¹ Революциченхи ҫăваш литератури (XX ёмёрчен). 211 с.

натуралистическим типом художественного мышления и повествования. Весьма оригинальна интерпретация А. Васильева произведения Мих. Федорова «Арсури» (Леший, 1884). «И что ценно у М. Федорова, – отмечает исследователь после сопоставления образа Хэведера с некоторыми героями А. Пушкина и Н. Гоголя, – это психологическое раскрытие характера неоднозначного и неоднопланового. Это сближает его с писателями-реалистами критического направления, хотя он сам и не свободен от некоторых основ просветительского мышления»³⁹². Жанр «Лешего» А. Васильев определяет как поэму, а не как балладу (так считали М. Сироткин и его ученики). Исследователям сейчас известно, что свое стихотворное произведение «Арсури» Мих. Федоров сам тоже называл поэмой³⁹³.

Чувашское просветительство, как доказывает А. Васильев, прошло через три этапа (фазы) своего развития. Первый этап связан с творчеством чувашских просветителей второй половины XVIII и первой половины XIX вв. (Еремей Рожанский и его ученики, В.Вишневецкий и его ученики), его завершает С. Михайлов (Яндуш). Просветительская деятельность Н. Золотницкого и В. Магницкого ученый располагает между первым и вторым этапами, называя дяковлевское десятилетие (60-е гг. XIX в.) «переходным периодом». Яковлевский этап является, по утверждению А. Васильева, более высокой ступенью чувашского просветительства. Всю просветительскую систему И. Яковлева пронизывает гуманистическая суть: уважение к человеку, желание помочь ему. В мировоззрении писателей-просветителей идеал просвещенной личности сочетал в себе такие качества, как образованность и культура, высокая нравственность и гуманизм, трудолюбие. На яковлевском этапе просветительства складывается своеобразная художественная система, особый способ изображения действительности (в центре внимания автора оказывается облагороженный герой – рупор идей писателя). Данный творческий метод в литературоведении получил название «просветительский реализм». Как доказывает ученый, в период революции 1905 – 1907 гг. чувашское просветительство вступает в новый этап,

³⁹² Там же. С. 217.

³⁹³ Родионов В.Г. Михаил Федоров: «Арсури» аьлантаравё. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 1999. 22 с.

обогащается новым содержанием. «В понятие гуманизма вкладывается, – пишет он в автореферате своей диссертации «Просветительство и концепция просвещенного человека в чувашской литературе XIX – начала XX вв.», – защита интересов народа, борьба за его свободу и политические права. Просвещение получает политический характер. В результате, в способе изображения действительности в раскрытии характера человека в литературе появляется новый метод – критический реализм. Утверждается концепция политической просвещенной личности, борьба за лучшие идеалы человечества»³⁹⁴.

Издание коллективной монографии «Чувашская дореволюционная литература (до XX века)» явилось значительным событием в литературно-культурной жизни Чувашии конца 1980-х и начала 1990-х гг. На основе ее концепции стали издавать хрестоматии и учебные пособия по чувашской литературе для национальных школ, программы для студентов факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ им. И.Н. Ульянова и т.д. В этой монографии совершенно новыми стали разделы «Хроника литературной и культурной жизни (VII век – 1900 г.)», «Краткая библиография исследовательских работ по проблемам чувашской дореволюционной литературы» и «Указатель имен» (авторы: В. Родионов и Г. Юмарт). Самое значительное в данном научном и культурном событии – это возвращение чувашской художественной культуры к своим корням, цивилизационным основам. Чувашский народ унаследовал древнетюркские устно-поэтические традиции, а его предки приобщались к письменным культурным ценностям древних и средневековых эпох. Чуваши и их предки не были на обочине истории, как внушали народу их догматические историки, а постоянно боролись и творили в рамках своего цивилизационного пространства.

Согласно первоначальному проспекту, составленному в 1970-е гг., коллективный труд «Чувашская дореволюционная литература» должен был издаваться в одном томе. К 1987 г. готовы были главы В. Родионова и

³⁹⁴ Васильев А.В. Просветительство и концепция просвещенного человека в чувашской литературе XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: БГУ, 1988. С. 20.

А. Васильева, а также глава «1900 – 1908 сӹлсенчи чӹваш литератури» (Чувашская литература 1900 – 1908 годов) с пятью портретами (автор Ю. Артемьев). Главу «Чувашская литература 1909 – 1917 годов» должен был написать бывший партработник и активный критик из команды вульгарных социологов И. Иванов, который, не имея достаточного опыта литературоведческого анализа, не смог написать плановую работу в срок (до конца 1986 г.). Из создавшегося положения отдел вышел благополучно: было решено издать готовые главы отдельно, добавляя в название монографии следующие поясняющие слова: «(до XX века)». Оставшиеся главы предполагалось издать отдельной книгой через несколько лет. К сожалению, И. Иванов не сумел осилить исследуемый материал, поэтому его обзор и портреты редколлегией были забракованы. В начале 1991 г. дирекция ЧНИИ заключила договор с Ю. Артемьевым о написании им последней главы коллективного труда. Но так как первая глава второй книги еще в 1970-е гг. была написана тем же автором (кроме портрета Т. Кириллова), в итоге коллективный труд фактически обрел форму монографии одного автора (хотя разделы «От редакции», «Хроника литературной и культурной жизни (1900 – 1917 годы)» и «Краткая библиография исследовательских работ по проблемам чувашской литературы 1900 – 1917 годов», а также «Указатель имен» были составлены текстологом и редактором монографии Г. Юмартом. Рукопись данной книги была сдана в набор 3 февраля 1992 г., а через несколько месяцев дошла до читателей под названием «Чувашская литература начала XX века (1900 – 1917)»³⁹⁵. Через четыре года монография была переиздана Чувашским книжным издательством без существенных изменений. Были удалены тезисы о пролетарском этапе национально-освободительного движения в России (с. 64), о настоящей партийной борьбе большевиков (с. 60), а также добавлены соображения по поводу Симбирской литературной школы (с. 68 – 69)³⁹⁶. Очевидно, автор пересмотрел свое былое представление об ослаблении просветительских идей в начале XX в.,

³⁹⁵ Артемьев Ю.М. XX ёмӹр пусламӹшӹнчи чӹваш литератури (1900 – 1917 сӹ.). Шупашкар: ЧӹТИ, 1992. 254 с.

³⁹⁶ Артемьев Ю.М. Ёмӹр пусламӹшӹ: (1900 – 1917 сӹлсенчи чӹваш литература историйӹн очеркӹ). Шупашкар: Чӹваш кӹн. изд-ви, 1996. 295 с.

поэтому выбросил следующее положение: «Чăваш интеллигенцийĕн чи пултаруллă пайĕ çутăлăх ыйтăвĕсемпе сырлахмасть, ёнтĕ халь вĕсен ансăрлăхĕпе пĕрĕнлĕхне витĕр курма пуçлатать»³⁹⁷. Конечно, нельзя категорично утверждать, что талант творческого деятеля национальной культуры напрямую зависел от его мировоззрения и убеждений. В конце монографии вывод автора однозначен: главные литературно-художественные ценности чувашского народа явились «итогом реализации широкой культурно-просветительской программы, которую разрабатывали И. Яковлев и его последователи»³⁹⁸.

Юрий Михайлович Артемьев (30. 01.1941 г.) – литературный критик и литературовед, доктор филологических наук, профессор ЧГУ им И.Н. Ульянова, более двух десятилетий заведовал кафедрой русской литературы, лауреат премии Чувашской Республики в области искусств и литературы (2015), автор многих книг по критике и литературоведению. Он является одним из активных перестроечников, противостоявших разгулу вульгарных социологов в застойные годы XX в. Критик высоко ценил творчество опальных в те годы прозаиков Хв. Уяра и Ю. Скворцова, литературоведа Г. Хлебникова, молодых талантливых поэтов и прозаиков, защищал их произведения от нападения и приклеивания идеологических ярлыков³⁹⁹. Перу Ю. Артемьева принадлежат статьи с размышлениями о состоянии литературно-художественной критики и ее актуальных проблемах. Еще в 1980 г. в газете «Литературная Россия» он опубликовал статью, посвященную задачам литературоведов и критиков Поволжья⁴⁰⁰. Данной проблеме в 1987 и 1988 гг. исследователь ежегодно посвящал по несколько статей⁴⁰¹. Такая активность была спровоцирована тем, что чувашская литературно-художественная критика крайне нуждалась в теоретико-практическом обновлении, изживании старых методов анализа художественных

³⁹⁷ Артемьев Ю.М. XX ёмĕр пуçламĕшĕнчи чăваш литератури (1900 – 1917 çç.). 56 с.

³⁹⁸ Там же. С. 229.

³⁹⁹ Артемьев Ю. [Рецензи] Ялав. – 1981. – 8 №.- 88 с.; Артемьев Ю. Тăван халăха юратса (Хветĕр Уяр 70 сұл тултарнă май) // Артемьев Ю. Ирĕк шухăшсем: критика статийсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1991. 192-201 с.; Артемьев Ю. Йыхăрсан инçете кĕрен парăс // Çавăнтах. 201-206 с.

⁴⁰⁰ Артемьев Ю. Задачи по плечу // Лит. Россия. 1980. Февраль, 23.

⁴⁰¹ Артемьев Ю. Кайри мала, хуркайăксем // Тăван Атăл. 1987. 2 №. 60-63 с.; Артемьев Ю. Йывăр çĕклем сумлăрах // Коммунизм ялавĕ. 1987. Апрель, 23; Артемьев Ю. Теори теоришĕн çеç ан пултăрчĕ // Артемьев Ю. Ирĕк шухăшсем. 37-46 с.

произведений. «Размышляющие, не путающие белое с черным, не кривящие душой наши критики, – пишет Ю. Артемьев в статье «Не петь ли мне иволгой?», – всегда борются в одиночестве. А те, которые ставят другим подножки, скрытно кусают или распространяют разные слухи, объединяются в один кулак, становятся безудержной мафиозной силой, зачастую они легко входят в доверие руководства разных инстанций»⁴⁰². В качестве примера критик приводит организованные такой нечистоплотной группой очередные кампании против прогрессивного критика Г. Хлебникова, талантливых прозаиков Хв. Уяра и Ю. Скворцова. Настоящий критик, по мнению автора статьи, никогда не ограничивается изучением древней истории (авалхи историне тѣпченипе), он не может оставаться вне литературного процесса (литература процесѣн тулашѣнче тӑраймасть). Как убежден автор, в современной критике по-настоящему профессиональное суждение можно услышать только от теоретически подготовленных аналитиков. Он считает, что успехов может достичь только тот критик, который глубоко овладевает ее теорией и методологией. А пока «университетская критика» (к ним автор причисляет преподавателей кафедры чувашской литературы) занята лишь подготовкой и изданием учебных пособий для студентов⁴⁰³. И вообще, в рядах критиков находятся и те, которые «всю жизнь провели изучением древней письменности» (авалхи сырулаха тѣпчесе ѓмѣрне ирттернѣ сынсем)⁴⁰⁴.

Во всех журнальных статьях Ю. Артемьев глубоко переживает за отсутствие в чувашской периодике оперативной (живой) критики. По его мнению, литературоведы и в своих критических статьях остаются учеными. Цели у них, может быть, одни и те же, но методы их достижения разные: историко-теоретическое исследование охватывает большое пространство и время, оно опирается на эстетические категории, использует большой арсенал научного инструментария. Ученый пишет сухим научным языком, а критик – метафорически-образным. В этом плане критик отмечает стиль статей

⁴⁰² Артемьев Ю. Сарӑ кайӑк пулса юрлас-ши? // Артемьев Ю. Ирӑк шухӑшсем. 24 с.

⁴⁰³ Ҫавӑнтах. 29 с.

⁴⁰⁴ Артемьев Ю. Кайри мала, хуркайӑксем // Артемьев Ю. Ирӑк шухӑшсем. 183 с.

А. Хузангая, в котором культура филологического мышления умело сочетается с метафорическим языком повествования критика. К слабым сторонам данного талантливому критика он причисляет слабую доказательность ряда выводов и обобщений (Тепёр чухне вӑл хайён анлӑ пётӑмлетӑвӑсене конкретлӑ фактсемпе тӑплесех ҫитереймест пек туйӑнать)⁴⁰⁵.

Участвуя в дискуссии, начатой журналом «Тӑван Атӑл» (Родная Волга) в начале 1988 г.⁴⁰⁶, Ю. Артемьев убедительно доказывает, что в критических статьях теория не должна быть ради теории, она обязана подпитывать практику (в анализе конкретных произведений)⁴⁰⁷. Здесь же он критикует подход к литературным произведениям чувашских историков, которые художественный текст зачастую воспринимают как исторический документ. «Правда, которая выкуена в душе и сердце писателя, точнее и вернее правды любого архивного документа» – вот главная мысль чувашского критика, четко разделяющего позиции художника слова и историка. Он стоит на стороне тех, которые реабилитируют имена подвергшихся гонению писателей, обличают их притеснителей и очернителей. Каждый должен знать историческую правду тех лет и оберегаться от этих вольно или невольно совершенных ошибок (Чи кирли – истори чӑнлӑхне тупса ӑша илесси, ҫав ӑнӑшсенчен сыхланасси)⁴⁰⁸.

В статье «Ирӑк шухӑшсем» (Живые мысли, 1988) Ю. Артемьев вновь поднимает проблемы переустройства литературной жизни в Чувашии. Самым главным вопросом того времени он считает глубокое и детальное изучение чувашского культурного наследия последних десятилетий, а также произведений 1920 – 1950-х годов. Критик замечает догматичность в мышлении некоторых чувашских историков, в частности, авторов монографии «Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии» (1985)⁴⁰⁹. «В этой книге, – отмечает критик, – нет даже уровня исследований, достигнутого М. Сироткиным и его учениками в 1950-е годы. Она является типичной для застойного периода

⁴⁰⁵ Ҫавӑнтах. 188 с.

⁴⁰⁶ Родионов В. Вӑхӑт тивӑҫӗ // Тӑван Атӑл. 1988. 4 №. 49-53 с.

⁴⁰⁷ Артемьев Ю. Теори теоришӑн ҫеҫ ан пултӑр // Артемьев Ю. . Ирӑк шухӑшсем. 37 с.

⁴⁰⁸ Ҫавӑнтах. 46 с.

⁴⁰⁹ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 303 с.

книгой»⁴¹⁰. Критик радуется публикации ранее запрещенных произведений А. Милли, В. Рзая, С. Эльгера, размышляет о причинах трагической судьбы многих талантливых писателей прошлых эпох. Его волнует и чрезмерное увлечение писателей детективами беллетристикой, и пассивное отношение чувашской интеллигенции к назревшим проблемам родной нации, прежде всего языка и культуры. Особенностью стиля Артемьева-критика, как отмечает его биограф, является «чувство юмора, ирония и самоирония». В его творениях действительно проявился «раскованный дух» чувашской литературоведческой, шире – гуманитарной мысли⁴¹¹. Даже в его чисто литературоведческих трудах преобладает живое и образное повествование, он часто прибегает к риторическим фигурам. Например, в «Резюме» монографии «Чувашская литература начала XX века» автор убеждает читателя в том, что деятельность И. Яковлева является продолжением естественного хода историко-культурного развития предыдущих эпох. «Ведь до Яковлева чувашская этнокультура в течение столетий жила замкнуто, не вступая в диалог с другими этносами, – несколько в эмоционально-утвердительном тоне излагает автор свою гипотезу. – Поэтому надо видеть, что эти начинания были продиктованы самим ходом времени, а если Яковлевым был допущен элемент насилия, то его можно сравнить разве что с вмешательством повивальной бабки в процессе рождения новой жизни, формирования нового сознания»⁴¹². Действительно, и в литературоведческих работах Ю. Артемьева сохраняется стиль повествования «живого критика». Это вызывает несомненный интерес читателя к изложенной автором мысли.

Весьма интересна позиция ученого на просветительскую систему И. Яковлева, которую автор монографии образно сравнивает с «первой ласточкой», занесшей на своих крыльях в евразийско-чувашскую культуру идеи русско-европейского просвещения⁴¹³ (как известно, А. Васильев относит деятельность Яковлева к второму этапу чувашского просветительства). В

⁴¹⁰ Артемьев Ю. Ирĕк шухăшсем. 48 с.

⁴¹¹ Никифорова В.В. Артемьев Юрий Михайлович (к 70-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. 2011. № 6. С. 233-237.

⁴¹² Артемьев Ю.М. XX ёмĕр пуçламĕшĕнчи чăваш литератури. С. 210.

⁴¹³ Там же.

диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Просветительство и развитие чувашской литературы» (1993) Ю. Артемьев развивает свою концепцию чувашского просветительства⁴¹⁴.

Ю. Артемьев активно участвовал, как уже было отмечено, в разработке своеобразной концепции художественного мира К. Иванова. Ученый считает, что назревшей задачей современного чувашского иванововедения является решительное отмежевание от дискредитировавших себя традиций интерпретации «Нарспи», новое осмысление места и значения творческой индивидуальности художника, его самобытного мировоззрения, специфических особенностей его стиля, почерка⁴¹⁵. Другой неотложной задачей литературоведов он считает изучение «Нарспи» в контексте мировой культуры⁴¹⁶. Издание в 2013 г. книги Ю. Артемьева о жизни и творчестве К. Иванова (Кашкыра), концепция которой была разработана в конце 80-х и начале 90-х гг. XX в., явилось очередным достижением чувашской науки о литературе⁴¹⁷. За данный труд его автор стал лауреатом государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусств (2015).

В годы перестройки исследователи чувашской словесности больше всего стали обращать внимание на проблемы *поэтики*. Еще в 1985 г. В. Родионов выступил на IV Всесоюзной тюркологической конференции с докладом «К проблеме общетюркской исторической поэтики фольклора»⁴¹⁸, а для студентов-филологов ЧГУ им. И.Н. Ульянова разработал спецкурс «Введение в поэтику чувашского и тюркского стиха»⁴¹⁹. Слово «поэтика» стало широко используемым термином новаторов тех лет, противопоставленным таким категориям, как

⁴¹⁴ Артемьев Ю.М. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 1993. 32 с.

⁴¹⁵ Артемьев Ю.М. Страсть к полемике. С. 155-156. Данную миссию ученый успешно исполнил, издав в 2013 г. научно-популярную монографию (Константин Иванов: Жизнь. Судьба. Бессмертие).

⁴¹⁶ Артемьев Ю.М. Сутсанталăк килтерешлĕх («Нарспи» поэмăн 100 сÛльне халланă пухура каланă сăмах) // «Нарспи» поэмăн вăрттăнлăхĕ тата XX ĕмĕрти чăваш культуры: конференции материалĕсен пуххи. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2010. 6 с.

⁴¹⁷ Артемьев Ю. М. Константин Иванов: Жизнь. Судьба. Бессмертие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 255 с.

⁴¹⁸ Родионов В.Г. К проблеме общетюркской исторической поэтики фольклора // Вопросы советской тюркологии: тезисы, докл. и сообщ. IV Всесоюзной тюрколог. конф., 10 – 15 сентября 1985 г. Ашхабад, 1985. С. 164-167.

⁴¹⁹ Родионов В.Г. Спецкурс «Введение в поэтику чувашского и тюркского стиха» (содержание и некоторые методологические проблемы) // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: материалы конф., 11 – 12 октября 1984 г. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. С. 87-93.

«идейное содержание», «партийность», «классовость» и т. п. Как известно, идею исторической поэтики М. Б. Храпченко еще в 1970-е гг. противопоставил нормативной поэтике и теории литературы «аристотелевского типа». Историческая поэтика изучает «происхождение важнейших художественных форм»⁴²⁰, разработкой которых вплотную занялись литературоведы ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР (РАН). (Из целой серии изданной ими монографий следует выделить коллективный труд «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания»⁴²¹.) В 1989 г. увидела свет знаменитая «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского, которая по методологическим причинам не издавалась с 1940 г.⁴²². Чувашискими литературоведами был выпущен ряд сборников статей и учебных пособий со словом «поэтика»: «Чувашская литература: вопросы поэтики и стиля» (1989)⁴²³, «Вопросы поэтики К. Иванова»⁴²⁴, «Поэтика Сеспеля»⁴²⁵, «Поэтика чувашской советской литературы»⁴²⁶ и т.д. Молодой кандидат наук С. Александров издал свою монографию под названием «Поэтика Константина Иванова»⁴²⁷. Бегство от идеологизированности привело исследователей к разным аспектам художественного содержания, прежде всего к аспектам архетипов, мифологичности и т.д. Этим отличаются работы литературоведов Ю. Артемьева, С. Александрова и др. Г. Федоров больше всех тяготел к изучению художественно-речевой структуры произведений, углублялся в художественный мир отдельных прозаиков⁴²⁸, разрабатывал теорию чувашской художественной

⁴²⁰ Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. 336 с.

⁴²¹ Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. 512 с.

⁴²² *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.

⁴²³ Чăваш литератури: поэтикăпа стиль ыйтăвĕсем. Статьясен пуххи / Яваплă редакторĕ В.Г. Родионов. Шупашкар: ЧĂТИ, 1989. 155 с.

⁴²⁴ Вопросы поэтики К. Иванова. Сб. статей / Отв. ред. С.А. Александров. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. 167 с.

⁴²⁵ Поэтика Сеспеля: материалы регион. конф., посвящ. 90-летию со дня рождению Михаила Сеспелю (22 – 23 ноября 1989 г.). Чебоксары: ЧНИИ, 1991. 168 с.

⁴²⁶ *Хлебников Г.Я.* Чăваш совет литератури поэтики. Малтанхи тапхăр (1917 – 1922). Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 1990. 92 с.

⁴²⁷ *Александров С.А.* Поэтика Константина Иванова: Вопросы метода, жанра, стиля. Монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 189 с.

⁴²⁸ *Федоров Г.И.* Художественный мир Федора Уяра (Проблемы типологии, поэтики и художественной семантики). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 176 с.

речи⁴²⁹. В условиях обновления методов анализа художественных текстов переиздали избранные и собрания произведений М. Сеспеля⁴³⁰, К. Иванова⁴³¹, Н. Бичурина (Иакинфа)⁴³², Ф. Павлова⁴³³, С. Эльгера⁴³⁴, приступили к подготовке собрания сочинений В. Митты, П. Хузангая, Я. Ухсая, Г. Тал-Мырзы, М. Юмана, В. Рзая и других талантливых чувашских писателей. Все эти издания сопровождаются научно объективными предисловиями-портретами, написанными ведущими литературоведами того времени⁴³⁵. В те же годы чувашское стиховедение обрело как бы новое дыхание⁴³⁶. Наиболее значительной работой в этой области науки того времени следует считать монографию В. Родионова «Чувашский стих: Проблемы становления и развития»⁴³⁷. Книга знакомит читателей с поэтическим творчеством предков чувашей эпохи совместного их проживания с монголами и китайцами (до II в. нашей эры), кавказскими народами и предками современных венгров (III – VIII вв.). Подробно описано поэтическое творчество чувашей X – XVIII вв., прослежены пути развития не только устной, но и письменной поэзии XVIII – начала XX в. При этом автор особое внимание обращает на сеспелевскую реформу в чувашской поэзии 20-х гг. XX в.

Виталий Григорьевич Родионов (1947 г.р.) - один из разработчиков концептуальных основ истории чувашской литературы, сформулированных и развитых на новых, современных методологических основаниях. В этом смысле очень показательна его деятельность по части возвращения незаслуженно

⁴²⁹ Федоров Г.И. Чăваш литературин сăнарлă пуплев теорийĕ: Меслет кăтартавĕсем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 1994. 88 с.

⁴³⁰ Сеспель, Михаил. Собр. соч. Второе, допол. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 526 с.

⁴³¹ Иванов, Константин. Собр. соч. Второе, допол. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 447 с.

⁴³² Бичурин (Иакинф) Н.Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 352 с.

⁴³³ Павлов, Федор. Собр. соч. Второе, допол. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 574 с.

⁴³⁴ Элкер С. Хурапа шурă. Тĕрлĕ вахăтра сырнисем. Проза, поэзии, аса илÿсем, кун кĕнекинчен, сырусем, хаклавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. 447 с.

⁴³⁵ Родионов, Виталий. Энергия, воплощенная в слове // Сеспель, Михаил. Собр. соч. С. 8-45; Александров С. Константин Иванов // Иванов, Константин. Собр. соч. С. 8-26; Родионов, Виталий. По пути к храму // Бичурин (Иакинф) Н.Я. Ради вечной памяти. С. 3-22; Родионов, Виталий, Кириллов, Кирилл. К тайнам народной стихии // Павлов, Федор. Собр. соч. С. 8-34; Родионов, Виталий. Кĕрхи çăлтăр // Элкер С.В. Хурапа шурă. 6-20 с.

⁴³⁶ Родионов В.Г. Генезис и эволюция речевого стиха // Чувашская народная поэзия. Сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 65-109; Родионов В.Г. Генезис и эволюция чувашского стиха. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 1992. 36 с.

⁴³⁷ Родионов В.Г. Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.

забытых или же идеологически отвергнутых имен: М. Юмана, Г. Комиссарова (Вандера), А. Милли, В. Рзая, И. Тыхти и др. Нельзя не сказать и о том, что такая работа не просто опыт перечитывания и переоценки художественной деятельности тех или иных мастеров слова, их произведений. Процесс возвращения названных имен проходит в русле выявления подлинно чувашских, национально-неповторимых сторон литературно-эстетических процессов. Так, обращение к творческим находкам исключительно оригинального прозаика И. Тыхти органично приводит ученого к осознанию особой природы чувашского речестроения, к формам повествования через обращение к профанированному рассказу⁴³⁸. Поиски В. Рзая ученым квалифицируются как ощущение и осмысление подспудных, трагических явлений, происходивших в 30-е годы XX в.⁴³⁹ В таких работах доминирует мысль о важности поисков глубинных пластов словесной культуры народа. В понимание особенностей исторического бытия художественной словесности чувашей В. Родионовым и его коллегами вносится принцип исследования литературы в контексте общей языковой и культурной картин мира нации. Он большой знаток устного народного творчества чувашей, особенностей его образно-поэтического самосознания. И это, безусловно, не случайно. Именно отсюда, из дотошного изучения специфики этнокультурного мышления нации вырастает цельная и выверенная перспектива его теоретических, концептуальных положений. Фольклор и профессиональное искусство слова, по мнению литературоведа, создают единый ментально-ценностный, совокупный литературно-художественный мир народа.

В. Родионов внедрил в практику своей научной деятельности методологию комплексного изучения фольклора и литературы в контексте региональных культур. Он вплотную подходит к бахтинской идее диалога культур, к новым возможностям плодотворного ее применения. Действенность теории диалога культур в этих работах проявляется в выявлении черт философии, психологии и истории искусства слова одного народа во взаимодействии с соседними народами.

⁴³⁸ Родионов В. Мастер чувашской малой прозы // ЛИК. Чебоксары. 2006. № 2. С. 57-69.

⁴³⁹ Родионов В. Рсай – психологи ёсти // Хыпар. 2006. Кърлач, 31.

В поисках подлинно народных и национальных черт профессиональной художественной словесности ученый озабочивает себя выявлением истоков чисто чувашской ментальности, чисто народных концептов. Однако динамичный расцвет духовности народа для него немыслим вне взаимодействия культур. По его мнению, только так можно «вписывать» чувашское духовное мышление в контекст мышления мировой культуры и уяснить природу самобытия литературы отдельной нации. Таким образом, изучая художественное слово, исследователь вынуждает искать ее плодотворные истоки в фольклоре, в языковой картине мира, в способах взаимодействия народов. Естественно, такая цельность взглядов сформировалась не сразу, корни ее таятся в стиховедческих работах исследователя. Стиховедение же непреложно и верно привело ученого к необходимости анализа всех тех параметров, о которых говорилось выше. И, прежде всего, к основам традиционных форм духовного бытия народа, его эстетической картине мира, культурологическим представлениям, разнообразным формам проявления этих понятий.

Такая концепция целостно и методологически выверено предстала в монографии «Чувашский стих» (1992), в которой сделан особый акцент на речевом аспекте национально-языковой картины мира. Речь исследователем воспринимается как живое, динамично функционирующее начало. Непосредственными поэтическими ее составляющими является интонация, законы синтаксической организации фразы, артикуляция, фонологическая система, звуковой строй языка народа и т.д. Сообразно этим составляющим литературовед выделяет определенные классы фольклорных речевых текстов: речевой стих (молитвословия, благопожелания), речитативные тексты (обрядовые приговоры, заговоры, дразнилки, считалки), народно-песенные образцы фольклора и многое другое. Такой расклад теоретических плоскостей выработанной концепции позволяет в каждом классе речевых текстов вживую почувствовать и выявить образный, речезыко­вой арсенал тех или иных жанров, уяснить природу взаимосвязи фонологического-синтаксических средств языка с фольклорными жанрами. Речь здесь выступает как одно из координирующих

свойств образной природы песен, обрядовых текстов, речитативов и т.д. Такая точка зрения во многом расходится с мнением тех, кто истоки литературы видит только в устном творчестве. Напротив, фольклорные тексты порой и сами настояны на стертой, общеязыковой образной палитре народа. Развивая постулаты В. Родионова, мы неизбежно вынуждены будем понять и осмыслить особый статус лингвокультурологического, этнолингвистического арсенала устного поэтического творчества. Слово в подобных ситуациях начинает концентрировать в себе образ говорящего (ритора, певца, сказателя, «речитатора»); ситуацию говорения; образ аудитории; вековые традиции обрядов и ритуалов и т.д. Говорящий в таких случаях, безусловно, это человек, хорошо владеющий техникой народной речи, чувствующий аудиторию, именно поэтому в его речи появляются различные повторы, аллитерационные средства, приемы исторической поэтики фольклора. Конечно, подобные фольклорные жанры – тексты устно-речевые и здесь речь о присутствии слушателя весьма правомерна. Однако проблема эта важна и для письменной художественной литературы.

Образ читателя не может не присутствовать и в произведениях письменного образца. Дальнейшее углубление научных посылок, высказанных в данной монографии, приводит к весьма перспективным посылам: к необходимости изучать и образ читателя, решать вопросы восприятия художественного произведения той или иной аудиторией. Такая мысль в творческой деятельности В. Родионова не является чем-то чужеродным. В своих работах по истории чувашской литературы⁴⁴⁰ он неоднократно обращается к анализу образа автора, образов повествователя или же рассказчика. Таким образом, выявляется еще один пласт научных интересов литературоведа, сознающего, что исследование художественных произведений без решения проблем восприятия чревато откровенной неполнотой. Это говорит о том, что положения, высказанные в вышеназванной монографии, не остаются втуне, они имеют глубокие теоретические корни и таят в себе новые научные перспективы. Следует считать,

⁴⁴⁰ Родионов В.Г. Чăваш литератури (XVIII – XIX ёмёрён пёрремёш сурри). Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 1999. 171 с.; Родионов В.Г. Чăваш литератури (XIX ёмёрён иккĕмĕш сурри). Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2002. 248 с.; Родионов В.Г. Чăваш литератури (1917 – 1930 сълсем). Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2003. 352 с.

что для ученого одним из животрепещущих вопросов развития словесной культуры является вопрос о динамике художественного сознания в контексте духовно-религиозного сознания народа. И это правомерно, религия остается одним из важнейших факторов, цементирующих культуру, в том числе, конечно, и литературу.

Как известно, каждый народ создает свою языковую картину мира, свои законы и начала обрядовой стилистики и гомилетической риторики. Учет всего этого у входящих в диалог народов непреложно вызывает расширение культурного пространства поэзии литературы. Особенно внятно эта мысль в монографии звучит при анализе лирики М. Сеспеля, который в раннететюшский период своего творчества обращался к опыту мировой поэзии, к образцам поэтов русского серебряного века и европейского просвещения⁴⁴¹.

Идея расширения художественного пространства является одной из основ всей исследовательской концепции профессора Родионова. Воспринимая феномен расширения художественных горизонтов словесной культуры как генерирующий принцип своих теоретических концепций, ученый не квалифицирует его как одномерное явление. Укрупнение рамок хронотопа в его работах обнаруживается и в факторе взаимоотношений культур разных народов, и в сношениях различных религиозных конфессий (чувашского язычества и христианства), и в факте скрепления фольклорной поэтики с историко-культурными концептами и т.д. Всему этому приводятся веские примеры-подтверждения, убедительные аргументы.

«Чувашский стих» – это книга об истоках народной и о развитии профессиональной поэзии. Различные перипетии их развития, как явствует из книги, не только в устном творчестве, но и в письменных образцах лирики, явивших своеобразные примеры, строфики, метрики и ритмики. Синтез устных традиций и письменных форм, как справедливо отмечается в монографии, привел к плодотворным открытиям М. Сеспеля, сумевшего создать определенную драматургию своей лирики. Христианские, библейские мотивы здесь соседствуют

⁴⁴¹ Родионов В.Г. Чувашский стих. С. 196-197.

с языческими образами проклятий, призывной, заклинательной риторикой, с устной поэтической пластикой слова и т.д. «Феномен Сеспеля, – говорится в заключении монографии, – тесно связан с историей и судьбой чувашского народа, своеобразием его общественного сознания и мирозерцания. Его реформа проходила на фоне утверждения в чувашском обществе новой системы мирозерцания и типа мышления, европейского понимания пространства и времени»⁴⁴². Монография «Чувашский стих» – это серьезная заявка на необходимость смены теоретических, концептуальных ориентиров изучения художественной словесности. В этом отношении книга эта намного шире и полней, чем просто изучение особенностей народного и профессионального стихосложения. В труде зримо проявились контуры концептуального видения истории литературы, контуры обновления литературоведческой теории национальной словесности.

Как закономерное следствие этого надо мыслить работу В. Родионова на поприще сбора и публикации трудов выдающихся деятелей чувашской филологии и культуры, а именно: В. Вишневого⁴⁴³, Н. Золотницкого⁴⁴⁴, Н. Ашмарина⁴⁴⁵, Г. Комиссарова⁴⁴⁶, Г.Хлебникова⁴⁴⁷ и других. Это, разумеется, свидетельствует о том, что насколько важен для ученого широкий культурный, духовный контекст. Обновление содержания истории искусства слова В. Родионов не мыслит вне нахождения новых культурных столпов чувашского народа. Им выявлены особенности творческого пути Е. Рожанского, Н. Бичурина, Н. Базилевского, В. Лебедева и других творческих деятелей XVIII – XIX вв. Это дало возможность значительно восполнить картину литературного движения, уловить новые грани художественных процессов, проследить культурфилософские особенности

⁴⁴² Там же. С. 215.

⁴⁴³ *Вишневский В.* Письменная культура раннего просветительства / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 616 с.

⁴⁴⁴ *Золотницкий Н.И.* Избр. труды / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 526 с.

⁴⁴⁵ *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: исследования, автобиография, воспоминания, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.

⁴⁴⁶ *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 523 с.

⁴⁴⁷ *Хлебников Г.Я.* Чувашская литература второй половины XX века /сост. и автор послесл. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 416 с.

становления эстетического сознания чувашей Нового времени. Такой подход к памятникам письменности зримо проглядывается у ученого и в ходе подготовки избранных сочинений Н. Бичурина, В. Лебедева, Игн. Иванова, С. Эльгера, М. Сеспеля, И. Тыхти и др.⁴⁴⁸

Итак, научные труды заслуженного деятеля науки РФ и ЧР В. Родионова, созданные в 80 – 90-е гг. XX в., имеют большое значение в разработке как чисто теоретических, так и историко-литературоведческих проблем чувашской науки о литературе. Он создал свою литературоведческую школу в области теории и истории сравнительного литературоведения⁴⁴⁹.

Завершая обзор чувашского литературоведения и критики в контексте общественно-политической жизни и национального литературно-художественного процесса 1987 – 1993 гг., необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Литературоведение и критика получили новое дыхание в условиях борьбы национальной интеллигенции за расширение функции родного языка и возвращение духовного наследия народа, в том числе незаслуженно забытых в годы репрессий и застоя художественных произведений.

2. Воспоминания, письма и подлинные документы, опубликованные в газетах и журналах тех лет, способствовали народу осознать масштабы трагедии, находить главные причины ее возникновения, критически относиться к деятельности властных структур.

3. Вызов теряющим поддержки сверху консерваторам (вульгарным социологам, теоретикам соцреализма) бросили молодые литераторы, разоблачая некомпетентность первых в оценке художественных произведений.

⁴⁴⁸ Бичурин (Иакинф) Н.Я. Ради вечной памяти; Лебедев В. Звериная ловля у симбирских чувашей. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1999. 22 с.; Родионов В.Г. Игнатий Иванов: пултарула́х портречё, сырнисем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2001. 80 с.; Элкер С. Хурапа шурă; Сеспель М. Собр. соч.; Родионов В.Г. Илле Тăхти пурнăçĕпе пултарула́хĕ // Тăхти, Илле. Суйласа илнисем. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2009. 5-31 с.

⁴⁴⁹ Данный медальон написан на основе следующих статей Г. Федорова: Федоров Г.И. Исследователь, литературовед, фольклорист, научный деятель, поэт // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья: материалы межрегиональной научно-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 3-10; Федоров Г.И. Родионов Виталий Григорьевич // Чувашская энциклопедия: в 4 т., 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 574-575.

4. В те годы получили свои права на существование нереалистические творческие течения и школы (авангардизм, этнофутуризм и др.). В Чебоксарах ежегодно стали проходить форумы авангардной поэзии Урало-Поволжья, организовывались выставки художников-этнофутуристов.

5. Возвращение литературного наследия в активный фонд современной культуры народа заставило академических литературоведов по-новому осмыслить историю и теорию чувашской литературы, прежде всего дореволюционного периода.

6. Чувашская литература обрела свои исконные корни: в ее историю удачно были вписаны этапы эволюции художественно-поэтического сознания с раннего средневековья до 70-х гг. XIX в.

7. В науке утвердилась позиция, согласно которой чувашское просветительство проходило три этапа развития: раннее (дояковлевское, до 70-х гг. XIX в), яковлевское (1870-е гг. – 1903 г.) и послаяковлевское (с 1904 г.). На яковлевском этапе просветительства складывается художественная система, называемая просветительским реализмом. В начале века формируются просветительский романтизм и усиливаются тенденции критического реализма (концепция С.Александрова несколько иная).

8. В годы перестройки чувашские литературоведы больше стали обращать внимание на проблемы поэтики. Уход от идеологизированности науки привел их к аспектам художественного содержания, изучению художественной речи, поэтического мира отдельных мастеров слова.

9. В науке о чувашской словесности была разработана методика комплексного изучения устного и письменного текстов в контексте региональных культур. Ученые постепенно приходят к бахтинской идее диалога культур, к новым возможностям ее применения. Все это помогает осмыслить особый статус лингвокультурологического, этнолингвистического арсенала художественно-поэтического творчества народа.

10. Чувашские литературоведы показали, что одним из животрепещущих вопросов развития словесной культуры является вопрос о динамике

художественного сознания в контексте как социокультурной жизни народа, так и его духовно-религиозного сознания. В те годы литературоведы работали в пограничье других гуманитарных наук.

11. Были составлены и изданы собрания сочинений классиков чувашской литературы и избранные произведения деятелей чувашской культуры, в том числе и литературоведов (по серии «Памятники словесности»).

12. В литературно-художественной критике на фоне борьбы новаторов с консерваторами происходят качественные изменения. Она постепенно отходит от социологизированных схем, обогащается новыми принципами интерпретации текстов, определяются ее функции и место в социокультурном пространстве чувашского этноса. Ведутся бурные дискуссии о значении теории и практики оперативной (живой) критики, о исторической правдивости субъекта (воображения художника слова) и объекта (архивного документа) и т.д.

Итак, в 1987 – 1993 гг. начался процесс перехода от изжившей себя культурной и научной парадигмы к новой, соответствующей требованиям современности и отвечающей на вызовы совершенно незнакомого советским людям мира.

3.2. Чувашское литературоведение 1994 – 2000 годов

3.2.1. Литературоведение в системе академической науки

В 1991 г. на базе научного потенциала ЧГУ им. И.Н. Ульянова была создана Академия наук Чувашской Республики (по примеру соседних тюркских республик), но большая часть чувашской научной и творческой интеллигенции возникновением такой узкой корпорации осталась недовольной, в первую очередь ученые из ЧНИИ, ЧГПИ им. И.Н. Яковлева, писатели и художники. Весной 1992 г. они организовали другую академию и назвали ее «Чувашской национальной академией» (по образцу якутской «Духовной академии Республики Саха»). «Главной целью формирующейся Чувашской национальной академии

является, – сообщил директор ЧНИИ С.Р. Малютин в прессе, – возрождение проживающего в республике народа. Ведущее положение в ней занимают гуманитарные науки, исследующие язык, историю, творчество и духовную жизнь чувашского народа, а также естественные науки, изучающие в комплексе среду обитания населения республики с целью охраны природы, укрепления здоровья людей и организации рационального природопользования»⁴⁵⁰. Как утверждал потенциальный президент будущей ЧНА, корпорация уже имеет две перспективные программы. Первая – создание и издание многотомной «Чувашской энциклопедии». Вторая программа – «Чувашский язык и национальное возрождение народа». Все эти программы разрабатываются в рамках ЧНИИ. Намеревались ввести в действие еще две комплексные программы: по экологии с охватом проблем природопользования и здравоохранения; по проблемам национально-культурного развития компактных групп чувашей, проживающих за пределами Чувашской Республики.

Чувашская национальная академия опиралась на давно действующие исследовательские институты (ЧНИИ, Чувашский НИИ сельского хозяйства) и ориентировалась на конкретные задачи национальной республики. Другая научная корпорация полностью копировала структуру и функции Российской академии наук, она имела цель влиться в нее, мало заботилась о задачах региона, прежде всего в национально-культурной сфере, экологии и природопользования. Первый президент Чувашской Республики Н.В. Федоров своим указом от 23 декабря 1994 г. объединил эти две академии под новым названием «Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики»⁴⁵¹. На ее организационном собрании президент выдвинул перед академиками и членами-корреспондентами ряд неотложных задач. По его представлению, НАНИ должна содействовать раскрытию творческого потенциала ученых и художников Чувашии, особенно – выявлению и поддержке талантливых исследователей. Академия обязана содействовать творческому росту способной молодежи, повышению авторитета

⁴⁵⁰ Малютин С. Р. Во имя возрождения народа // *Аслăлăх хыпарĕ* / Вестник науки. 1992. Апрель, 20.

⁴⁵¹ Федоров Н.В. Указ «О создании Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики» // Советская Чувашия. 1994. Декабрь, 27.

знаний, науки и культуры, укреплять взаимодействие между наукой, образованием и культурой, интегрировать эти направления «со всей ментальностью чувашского общества»⁴⁵². «Безусловный приоритет, – подчеркивает президент в своем выступлении, – это проведение исследований, содействующих сохранению и развитию национальной культуры чувашского народа, включая проблемы диаспор и гармонизации межнациональных отношений в Чувашии. Это должно иметь практическое и историческое значение и для перспектив прочности Российской Федерации. <...> И еще раз повторюсь: и боль Президента, и одновременно наш общий долг, и крайне актуальная задача – это исследования в области культуры, образования, языка, а также перспектив природоохраны»⁴⁵³.

В структуре НАНИ было образовано Отделение национальной культуры и искусств, в состав которого входили девять действительных членов и пять членов-корреспондентов. Иностранцами членами Отделения стали поэт-переводчик из Великобритании Питер Франс и французский поэт - славист Леон Робель (он – один из первых исследователей творчества Г. Айги⁴⁵⁴). Академиками из писателей и литературоведов являлись Хв. Уяр, Е. Владимиров, Г. Хлебников, а членами-корреспондентами – Ю. Артемьев и В. Родионов. В научном журнале НАНИ они стали поднимать назревшие в чувашском литературоведении теоретические проблемы. Например, в 1996 г. в нем они опубликовали следующие статьи: «О методологических принципах создания «Истории чувашской литературы XX века» (Г. Хлебников)⁴⁵⁵, «Методологические маргиналии» (Ю. Артемьев)⁴⁵⁶, «Н.И. Ашмарин и проблемы анализа поэтического произведения» (В. Родионов)⁴⁵⁷. В последующих номерах материалы

⁴⁵² Федоров Н.В. [Выступление на общем собрании НАНИ] // Советская Чувашия. 1994. Декабрь, 29.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Робель, Леон. Айги / Перевод с франц. О. Северской. М.:Изд-во «Аграф», 2003. 224 с.

⁴⁵⁵ Хлебников Г.Я. О методологических принципах создания «Истории чувашской литературы XX века» // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ). 1996. № 5. С. 5-10.

⁴⁵⁶ Артемьев Ю.М. Методологические маргиналии // Известия НАНИ. 1996. № 5. С. 11-28.

⁴⁵⁷ Родионов В.Г. Н.И. Ашмарин и проблемы анализа поэтического произведения // Известия НАНИ. 1996. № 5. С. 24-27.

литературоведов стали появляться все реже и реже (кроме статей Ю. Артемьева⁴⁵⁸ и В. Родионова⁴⁵⁹). А в 2003 г. деятельность НАНИ была прекращена Указом Президента ЧР от 5 ноября 2003 г. «О мерах по усилению государственной поддержки науки в Чувашской Республике»⁴⁶⁰. Так печально закончилась короткая история чувашского научно-академического возрождения в конце XX в. Через несколько лет вакуум в академической науке восполнили местные краеведы, назвав новую корпорацию «Чувашской народной академией наук и искусств» (ЧНАНИ). С 2015 г. она возобновила издание научного журнала «Вестник ЧНАНИ». Чувашский государственный институт гуманитарных наук (бывший ЧНИИ) еще в 2006 г. основал научный журнал «Чувашский гуманитарный вестник» и интенсивно стал развивать традиции академических школ в чувашеведении. В нем продолжали публиковаться «не только фундаментальные научные статьи, но и материалы дискуссий по наиболее животрепещущим общественным проблемам»⁴⁶¹. Основанный ЧГУ им. И.Н. Ульянова научный журнал «Вестник Чувашского университета» после получения им статуса «ваковского» стал обретать коммерческий характер и перестал быть движущей силой отечественной науки (как региональной, так и общероссийской). Так случилось и с научным журналом ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

Итак, в конце XX в. чувашское литературоведение организационно входило в структуру НАНИ и успешно развивалось в рамках традиционных академических школ.

⁴⁵⁸ Артемьев Ю.М. Мятёжный дух «Чувашского Аввакума» // Известия НАНИ. 2000. № 1. С. 3-17.

⁴⁵⁹ Родионов В.Г. О типах чувашского национального мышления // Известия НАНИ. 2000. № 1. С. 18-25; Родионов В.Г. Н.И. Золотницкий вёренекенёсен 1880-мёш сулсенчи ёсь-хёлё // Известия НАНИ. 2001. № 3. С. 63-72.

⁴⁶⁰ Илларионов И.Е. Академическая наука Чувашии: Становление и перспективы ее развития // Известия Академии наук Чувашской Республики. 2008. № 1. С. 3-9.

⁴⁶¹ Григорьев В.С. К читателям журнала // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 10.

3.2.2. Научно-теоретические и методологические поиски литературоведов. Г. Федоров

Самым значительным событием стало открытие при ЧГУ им. И.Н. Ульянова диссертационного совета по защите кандидатских работ по специальности «Литература народов Российской Федерации» (1994). В том же году состоялась первая защита диссертации П. Метина по теме «Комическое в жанрах чувашского словесного творчества» (научный рук. проф. Родионов). Работа посвящена анализу процессов эволюции комических жанров на конкретных исторических этапах развития чувашской литературы. Опираясь на широкий объем как классической, так и малоизученной литературы, П. Метин исследует идейно-эстетические особенности комического в контексте культуры и общественного сознания чувашского народа, рассматривает виды комического и способы художественного выражения данной эстетической категории. Выводы автора сводятся к следующим положениям: 1. С середины XIX в. до конца XX в. чувашская литература накопила немалый опыт в использовании комического в идейно-тематических, нравственно-эстетических целях в формировании комических форм и модификаций, как элемент комизма в не комических произведениях и как принцип воспроизведения комического охарактеризовало национальное понимание эстетической сущности и особенности художественного мироощущения чувашского народа. 2. Общественно-исторические условия жизни в разных этапах литературного процесса определяли эволюцию комических жанров во всех трех родах литературы, оказывали опосредованное воздействие на поэтику комического творчества. Каждый этап художественного творчества характеризуется качественно новыми толчками, углублением народной смеховой культуры. 4. На всех культурно-исторических этапах развития чувашская литература заостряла общечеловеческие проблемы и философски осмысливала духовный мир своего современника. 5. Комическое как своеобразный симбиоз способствует возрождению художественных форм и их модификаций, обновляет

поэтику и стилистику, способствует проявлению индивидуальных особенностей и эстетических поисков литературы⁴⁶².

В 1996 г. свои кандидатские диссертации защитили В. Тимаков⁴⁶³ и Г. Ермакова⁴⁶⁴. Если в первой работе творчество народного поэта Пэдера Хузангая соискателем изучено в рамках традиционного литературоведения, то в исследованиях Г. Ермаковой творчество Г. Айги анализируется разными нетрадиционными методами, прежде всего в аспекте читательского восприятия⁴⁶⁵. Она приходит к выводу, что поэтический мир Г. Айги связан с философией экзистенциализма, где дисгармоничность бытия поглощается гармоничностью сознания, поэт занят разгадкой бытия, хочет пробиться к его тайне: воплощение зла в добре через страдание, покаяние, боль, поэтому эсхатология Г. Айги носит «просветленный характер»; это свет через бездну. Идеи воскрешения, воскрешения души человека – ключевые почти в каждом произведении данного художника слова. Как убеждает исследователь, все творчество Г. Айги – это обретение себя в нашем неоднозначном мире; поэт, вдохновленный идеей света, зовет и читателя, несущего в себе Прошлое, Настоящее и Будущее, верить в «Целомудрие, Верность, Свет». Исследование проблем восприятия Г. Айги позволяет раскрыть своеобразие его поэзии, увидеть закономерности, характерные для его творчества. Г. Ермакова считает, что творчество поэта – это поэзия «Нового времени», она философична, это эстетика поэтического высказывания. Воспринимая Слово Айги, читатели (это главным образом старшеклассники средней школы № 16 г. Новочебоксарска) обращали его на собственное преобразование, они домысливали произведение в своем воображении, таким образом происходило взаимодополнение поэта и читателя. Читатель вычитывал в тексте поэта самого себя, то есть происходило общение с собой через произведение художника. Автор склонен считать поэзию Г. Айги

⁴⁶² Метин П.Н. Комическое в чувашской литературе: этапы эволюции. Чебоксары: Чуваш. пед. ун-т, 2000. 328 с.

⁴⁶³ Тимаков В.П. Лирика П.П. Хузангая. К проблеме творческой индивидуальности поэта: Автореф.

дис. канд. филол. наук. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1996. 18 с.

⁴⁶⁴ Ермакова Г.А. Философские мотивы творчества Г.Айги и восприятие их читателем.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1996. 23 с.

⁴⁶⁵ Ермакова Г.А. Восприятие читателем слова Г. Айги. Чебоксары: Чуваш. ин-т образования, 1996. 184 с.; Ермакова Г.А. Поклон Айги (восприятие слова Айги читателем). Чебоксары: Чуваш. ун-т, каф. чуваш. л-ры, 1996. 119 с.

«метонимической катахрезой», ибо его мышление сходно с мифологическим, а действие катахрезы направлено на выделение одного из слагаемых в качестве исключительного. Это исключительное автор исследования называет «ключевыми словами». Общий вывод Г.Ермаковой таков: «Художественный мир поэта определяется его личностью, эстетическим сознанием, философским мышлением, что творчество Г. Айги постижимо, его пафос (нести в мир свет) нужен сегодня читателю»⁴⁶⁶.

Герменевтический подход к интерпретации текста, с одной стороны, разнообразил чувашскую науку о литературе, расширил ее границы и позволил углубиться интерпретатора в глубины рефлексии. Но, с другой стороны, такая рефлексия оставалась весьма субъективной, она не способствовала восстановлению путей исконного творческого воплощения художника слова. В литературоведческих работах тех лет стало возобладать эссеистическое начало, что можно объяснить состоянием переходности данной науки. В те годы поиска новых методологических ориентиров это было естественным и закономерным явлением. В литературно-критических статьях и рецензиях такой подход к анализируемому тексту зачастую позволял их авторам достичь желаемого результата. (Здесь особо выделяются критические работы А. Хузангая⁴⁶⁷.) Но подобная вольная интерпретация в те 1990-е гг. способствовала авторам выдвигать не доказуемые на основе анализа текста идеи и приходиться к различным абсурдным выводам. К сожалению, появившиеся в те годы подобные квазинаучные тенденции сохранились и в последующих некоторых работах, в особенности при «интерпретации» авторов творчества литературных классиков: М. Федорова, К. Иванова (Кашкыра) и др.⁴⁶⁸ На таком фоне даже социологизированные статьи и диссертации тех лет казались более научно

⁴⁶⁶ Ермакова Г.А. Философские мотивы творчества Г. Айги и восприятие их читателем. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1996. С 15 – 16.

⁴⁶⁷ Хузангай, Атнер. Тексты, метатексты & путешествия: сб. статей. Чебоксары: Тип. Шафроновой Г.К., 2003. 388 с.

⁴⁶⁸ Асамат С. Нарспи варттӑнлӑхӗ. Хыпар. 2005. Ҷӗртме, 15-17; Лебедева Е.А. Мифологические истоки поэмы К.В. Иванова «Нарспи» // Взаимодействие традиционных инновационных процессов в социокультурной сфере: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Чуваш. ин-т культуры и искусств, 2009. С. 121-125; Лебедева Е.А. Семантика имен в поэме «Нарспи» К.В. Иванова // Народная школа. 2009. № 2. С.42-44; Килеч А. Эсӗ «Нарспи» поэмӑна вуланӑ-и? // Шупашкар, 2011. 200 с.

обоснованными⁴⁶⁹. Отход от конкретного текста наблюдается в критических выступлениях и ряда доцентов, позднее ставших кандидатами наук⁴⁷⁰. Они допускали различные домыслы в анализе, зачастую уходили от художественно-поэтических проблем в сторону биологизма, модного в те годы фрейдизма. Теперь эти интерпретации, как полагает В. Родионов, должны быть рассмотрены «с точки зрения системы ценностей интерпретатора, его этического выбора»⁴⁷¹, потому что интерпретатор является тем же читателем: он вычитывал в тексте не поэта, а прежде всего самого себя. Литературовед обязан по возможности освобождаться от своих субъективных мнений и суметь приблизиться к авторской задумке, понять динамику творческого процесса. С этой целью его опорой всегда остается цельный текст, созданный единичным субъектом, одновременно являющимся художником, автором данного произведения и просто смертным человеком (М. Бахтин).

Говорить, что чувашское литературоведение в 1990-е гг. потеряла свои ориентиры полностью нельзя по той причине, что методологические поиски ученых в те годы давали свои первые результаты. Здесь в первую очередь следует назвать филолога широкого профиля Г. Федорова, который с блестящей лингвистической подготовкой погрузился в глубины нового литературоведческого анализа. Молодое поколение исследователей писали и защищали добротные диссертации, многие из них потом издавались как монографии учебные пособия для студентов вузов⁴⁷².

⁴⁶⁹ Романов В. Общественно-эстетический идеал и его влияние на творчество К. Иванова-Прта // Вопросы поэтики К.Иванова: материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения поэта, 21 -22 мая 1990 г. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. С. 84 – 89; Романов В.Н. Идеино-художественное своеобразие чувашской литературы конца XIX – начала XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1998. 22 с.

⁴⁷⁰ Пушкин В.Н. Кам-ши вӓл Нарспи? // Тӓван Атӓл. Ялав. 2000. 1 №. 41-42 с.; Абрамов, Валентин. Сӓмахпа сӓнар сипечӓ: статьясен пуххи. Шупашкар: Чуваш. ун-т, 1998. 110 с.

⁴⁷¹ Родионов В.Г. История и перспективы развития Нарспианы // Ашмаринские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 5.

⁴⁷² Васильева Л.А. Становление и развитие художественного повествования в чувашской прозе XVIII – начала XX веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. 22 с.; Абрамов В.А. Становление и развитие чувашской повести: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 132 с.; Афанасьева Е.Р. Типология жанров чувашской драматургии: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 96 с.; Игнатьева Е.А. Чувашская эпическая поэзия: проблемы формирования и развития жанров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 202 с.; Федотова Е.В. Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII – XIX веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 144 с.; Чекушкина Е.П. Общeturьские традиции в чувашской словесности: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2006. 142 с.; Софронова И.В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике:

Георгий Иосифович Федоров (1942 – 2015) – лингвист и литературовед, поэт и прозаик, доктор филологических наук (1997), член Союза писателей РФ (1992). После учебы в Канашском педучилище и Чувашском пединституте им. И.Я. Яковлева работал учителем-словесником в школах ЧР (1974 – 1987), научным сотрудником (1971–1974, 1987–1993) и завидующим отделом литературы и фольклора (1994–1998) ЧНИИ. В последние годы жизни трудился в ЧГУ им. И.Н. Ульянова в качестве заведующего кафедрой стилистики и библиотековедения (1998 – 2001), культурологии (2001 – 2012), профессора (2012 – 2015). Кандидатскую диссертацию защитил в Уфе (1990) по теме «Проблемы поэтики чувашской психологической прозы 1950 – 1980-х годов»⁴⁷³, а докторскую, по теме «Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950 – 1990-х годов», – в Казани (1997)⁴⁷⁴. Автор монографий «Художественный мир Федора Уяра» (1991)⁴⁷⁵, «Сăнарлă самах шыравё» (Поиск изящной словесности, 1996)⁴⁷⁶ и «Художественный мир чувашской прозы 1950 – 1990-х годов»⁴⁷⁷, учебных пособий «Чăваш литератури (1945 – 1985 çулсем)» (Чувашская литература 1945 -1985 годов, 2004)⁴⁷⁸, «Чăваш литератури сăнарлă пуллев теорийё» (Теория чувашской художественной речи, 1994)⁴⁷⁹, «Иван Мучи пултарулахё тата чăваш литератури кулашăн илемлĕ хайне евĕрлĕхё» (Творчество Ивана Мучи и природа комического в чувашской литературе, 2001)⁴⁸⁰, «Леонид Агаков: сăнарлă пултарулах çулĕ-йĕрĕ (Чăваш литератури

Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 144 с.; *Владимирова О.Г.* Становление и развитие чувашского силлабо-тонического стиха: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 158 с. *Савирова М.П.* Становление и развитие чувашской приключенческой прозы: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 140 с. и др.

⁴⁷³ *Федоров Г.И.* Проблемы поэтики чувашской психологической прозы 1950 – 1980-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: БГУ им. 40-летия Октября, 1990. 22 с.

⁴⁷⁴ *Федоров Г.И.* Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950 – 1990-х годов. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Казань: КГУ, 1997. 46 с.

⁴⁷⁵ *Федоров Г.И.* Художественный мир Федора Уяра (Проблемы типологии, поэтики и художественной семантики). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 176 с.

⁴⁷⁶ *Федоров Г.И.* Сăнарлă самах шыравё: тĕпчев ёсĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1996. 224 с.

⁴⁷⁷ *Федоров Г.И.* Художественный мир чувашской прозы 1950 – 1990-х годов: Монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 304 с.

⁴⁷⁸ *Федоров Г.И.* Чăваш литератури (1945 – 1985 çулсем): Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2004. 516 с.

⁴⁷⁹ *Федоров Г.И.* Чăваш литератури сăнарлă пуллев теорийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 1994. 88 с.

⁴⁸⁰ *Федоров Г.И.* Иван Мучи пултарулахё тата чăваш литератури кулашăн илемлĕ хайне евĕрлĕхĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2001. 60 с.

теориллĕ историйĕ енчен хак пама сĕмленни)» [Леонид Агаков: Художественное осмысление действительности (попытки оценки с точки зрения теоретической истории чувашской литературы)]⁴⁸¹; более 200 статей. В своих научных штудиях ученый основное внимание уделяет художественному миру писателей второй половины XX в., поэтике их произведений. Исследует теорию и историю чувашской литературы в контексте литератур народов региона, разрабатывает теорию сравнительного литературоведения Урало-Поволжья.

Г. Федоров успешно трудился и в области художественного творчества: он автор метафорического эскиза «Ай, мĕнтарĕн, хир мулкачи») (У нас колесница одна), состоящего из нескольких повестей. В них прозаик обращается «к художественной методологии философского изучения судеб отбельных людей, бытия чувашской нации. Философским смыслом наделена и поэзия Федорова, к которой прежде всего относятся своеобразные стихотворные циклы»⁴⁸².

Методологическую базу своих литературоведческих исследований Г. Федоров выработал на положениях философов XX в.: К.Г. Юнга, Н.А. Бердяева, М.К. Мамардашвили, В.С. Библера, исследователей по теории эстетики и литературы М.М. Бахтина, М.Б. Храпченко, Д.С. Лихачева, В.В. Кожина, С.Г. Бочарова и Б.С. Мейлаха. Ученый как весьма продуктивные расценивает положения М.М. Бахтина о распределении ролей между Автором и Героем, о том, что «поэтическая самовитость» (Г. Федоров) жанра в определенной степени является фактором художественного мышления творца. Отталкиваясь от данного положения, литературовед приходит к убеждению, что чувашская проза 50 – 90-х гг. XX в. тяготеет к поэтической энергии малых и средних жанров. Как показывает ученый, мышление малой прозой, природа ее обращенности к сказовой семантике предполагают творческое напряжение личности писателя. Это дает основание для особой классификации такой эстетической категории, как художник. Г. Федоров рассматривает его как культурно-исторический феномен,

⁴⁸¹ Федоров, Георгий. Леонид Агаков: сĕнарлĕ пултарулах сÿлĕ-йĕрĕ (Чăваш литературин теориллĕ историйĕ енчен хак пама сĕмленни). Шупашкар: Сĕнĕ вăхăт, 2010. 60 с.

⁴⁸² Родионов В.Г. Федоров Георгий Иосифович // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 348.

выступающий средоточием и выражением системы определенных философских взглядов на процесс творчества, на мир, на человека, историю и т.д. став целостной эстетической категорией, Художник получает качества, способные отличить его от Автора. Последний чувашским ученым расценивается «как инстанция, скрепляющая и созидающая смысло-стилевую, художественную цельность произведения, принципов организации материала, обеспечения единства композиционных частей произведения»⁴⁸³.

Интересна позиция Г. Федорова на общеизвестную теорию «ускоренного развития» литературы. По его убеждению, фактор ускоренного развития литературы становится возможным обсудить лишь в аспекте эффективного толчка, склоняющего определенные литературы к актуализации резервов за счет привлечения опыта иных культур. С обретением письменности чувашская повествовательная художественность не переходит на новый путь (очень часто и во многих литературах обретаемый как перенятие опыта других культур), а глубинно осваивает традиции устной национальной словесности. Так, тщательный анализ многообразия художественной жизни чувашской прозы показывает, утверждает ученый, что чувашская проза «тяготеет больше не к поэтике психологизма, а к воплощению жизни через лирическое, образно-публицистическое, художественно-философское видение мира и т.д.»⁴⁸⁴. Творческие наклонности Художника побуждают его создавать жанры, в которых преобладают гротеск, фантастика, аллегорическое освещение различных перипетий, иносказательное выражение претворяемой идеи и т.д.

Своеобразны наблюдения Г. Федорова в области контрастивно-компаративного литературоведения, которые, по мнению ученого становятся необходимым условием нового осмысления художественно-исторических процессов, происходящих не только в отдельной, но и в мировой литературе. Общая «стройка здания нового мышления» (Г. Гачев) получает резервы, находившиеся в стороне от всемирно-исторического движения культуры.

⁴⁸³ Федоров Г.И. Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950 – 1990-х годов. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. С. 6.

⁴⁸⁴ Там же. С. 4.

«Сравнительно-типологический анализ поэтического опыта разных народов, - как обобщает свой опыт Г. Федоров, - способствует выявлению нетрадиционных сторон связи времен, помогает понять место человека в культурном мире, в развитии общих духовных процессов»⁴⁸⁵. По наблюдениям чувашского теоретика литературы, в ряде литератур Урала и Поволжья, Кавказа и Крайнего Севера проблема художественности принимает иную трактовку, чем в славянских культурах. Изучая специфику эстетического мышления прозы в литературах, тяготеющих к ассоциативно-иносказательному мироощущению, Г. Федоров убеждает читателя в то, что их поэтическая семантика создается энергией национального самосознания.

В подобных произведениях на первое место выходят приемы монтажа, образность мифов, снов и мистических картин, притчевость материала, дробность мира и строя речи. Такие качества, как уплотнение эпического пространства, обращение к культурно-историческим ситуациям и коллизиям, бытовавшим в прозе восточных народов издревле, во второй половине XX в. «стали активно возрождаться, получать новые функциональные краски»⁴⁸⁶. Художественная повествовательность чувашской прозы «произрастает», как показывает ученый, из особенностей построения речевой структуры, на основе целой системы тропов и фигур, приемов распутывания детективного узла, развертывания анекдота. В своих монографиях Г. Федоров тщательно рассматривает функциональную роль иронии, метафоры, метонимии, лейтмотивов, символов, амплификации, параболы, при посредстве которых прозаики высказывают глубокие философские мысли. Чувашскую прозу исследователь представляет как явление «повествовательной художественности», придающей особый статус таким поэтическим явлениям, как парадокс, ирония, смех, разные пути тропеизации и т.д.

Квинтэссенцией федоровской литературоведческой мысли 1990-х гг. является статья «О поисках новых методологических ориентиров изучения

⁴⁸⁵ Там же. С.7.

⁴⁸⁶ Там же. С. 17-18.

национальной художественной литературы»⁴⁸⁷. Весьма своеобразны суждения ученого о механизме функционирования национальной культуры в поликультурном пространстве того или иного периода истории чувашского народа. В основе диалога культур ученый видит не механизм «сближения – отталкивания» (открытости – закрытости), а стремление к сохранению «национальной органики» без отчуждения и изоляции от других. Такое видение и понимание диалога культур вытекает из чувашской философской системы *çuраçтару* (примирение, согласование), признающая право на существование и своеобразие других, не похожих на нашу, культур⁴⁸⁸.

Г. Федоров – заслуженный деятель науки ЧР (2007), лауреат Государственной премии ЧР в области гуманитарных наук (2008), под его руководством подготовлено и защищено более двадцати кандидатских и докторских диссертаций. Своими научными трудами ученый вывел чувашское литературоведение в орбиту общероссийской теоретической мысли конца XX в. и начала XXI в.

Свою литературоведческую концепцию Г. Федоров внес и в пространство общеобразовательной школы Чувашии (по его учебному пособию по настоящее время учатся чувашские одиннадцатиклассники⁴⁸⁹). К сожалению, его попытки возродить чувашскую «живую» критику, традиции которой полностью были забыты в 1990-е гг. вместе с отменой гонорарной системы и падением тиража журналов «Ялав» и «Тăван Атăл», не увенчались успехом: на его обзорную статью⁴⁹⁰ направили свой гнев обиженные временем сторонники социологизированных подходов к художественной литературе⁴⁹¹. Тогда его в печати не поддержали и сторонники «живой» критики, к тому времени успевшие

⁴⁸⁷ Федоров Г.И. О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 3-28.

⁴⁸⁸ Родионов В.Г. О типах чувашского национального мышления // Известия НАНИ. 2000. № 1. С. 18-25.

⁴⁸⁹ Федоров Г.И. Чăваш литератури: вĕренÿ кĕнеки. Вăтам школăн 11-мĕш класĕ валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2003. 272 с.; Федоров Г.И. Чăваш литератури: хрестомати. Вăтам школăн 11-мĕш класĕ валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 447 с.

⁴⁹⁰ Федоров Г.И. Илемлĕ сăнарлăх тымарĕсемпе хунавĕсем: 2008 çулхи проза // Тăван Атăл. 2009. №6. 3-10 с.

⁴⁹¹ Дмитриев В. Фронт çулăмĕ витĕр тухнă автора «хĕнемелле-ши?» // Хыпар. 2009. Юпа, 14.

убежать в пространство литературоведения (оно, по сравнению с критикой, считалось более спокойной), и коллеги по науке о литературе.

В конце обзора чувашского литературоведения 1994 – 2000 гг. следует сделать такие выводы:

1. Организация научных академических структур в Чувашской Республике (ЧНА, НАНИ) способствовала успешному развитию чувашского литературоведения, прежде всего в области его методологии и методов художественно-поэтического анализа. Аспиранты и докторанты в своих диссертациях обязаны были приводить веские и убедительные аргументы в пользу избранной концепции, всесторонне анализировать и доказательно критиковать противоречащие ей точки зрения. Эти требования способствовали росту уровня культуры научного диалога, логической убедительности приводимых аргументов. Постепенно формировались литературоведческие школы научных руководителей аспирантов. В 1990-е гг. сложилась чувашская школа литературоведов, основной чертой которой стала ее усиленное внимание к проблемам сравнительного литературоведения (в ЧГУ им. И.Н. Ульянова функционировала кафедра чувашского и сравнительного литературоведения).

2. Началось системное изучение родов и видов чувашской литературы, ее жанров в исторической динамике, категорий комического и трагического. Были разработаны несколько концепций будущей академической и вузовской «Истории чувашской литературы». На их основе позже была создана концепция теоретической «Истории чувашской литературы XX века»⁴⁹².

3. В интерпретации текстов литературоведы активно стали использовать герменевтический подход, изучать нереалистическую поэзию нетрадиционными методами, в том числе теорией читательского восприятия. Полная свобода в интерпретации текстов (даже отдельных слов) зачастую позволяла интерпретаторам разрушать целостность художественного произведения и

⁴⁹² Родионов В.Г. История чувашской литературы XX века (Концепция) // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5 С. 104-121; Федоров Г.И. к проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: Некоторые размышления // Там же. С. 122-137.

игнорировать роль автора, его позицию в создании текста. В результате появились квазинаучные статьи о творчестве классиков чувашской литературы.

4. На фоне отсутствия в те годы четких научно-теоретических и методологических ориентиров ярко выделились научные труды Г. Федорова, который, развивая теорию М. Бахтина, выдвинул концепцию взаимодействия Художника и Автора. Ученый доказывает, что теория «ускоренного развития», понимаемая в ее традиционном содержании, не выдерживает серьезной критики. Например, при всей авторитетности русской психологической прозы чувашская проза пытается воплотить жизнь через лирическое, аллегорическое, иносказание и т.д. Поэтому чувашская проза вообще тяготеет к поэтической энергии малых и средних жанров. В основе диалога культур Г. Федоров видит стремление к сохранению «национальной органики» без самоизоляции и герметизма. Эстетическое мышление прозы в литературах Урало-Поволжья тяготеет к ассоциативно-иносказательному мироощущению, что ярко отражается в их поэтической семантике. Научные труды Г. Федорова подняли чувашскую научно-теоретическую и литературно-историческую мысль на уровень общеевропейского литературоведения. Чувашское литературоведение рубежа XX – XXI вв. усилиями таких ученых, как Г. Федоров, оказалось на передовых позициях не только региональной, но и отечественной науки о словесной культуре

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление современного чувашского литературоведения во второй половине XX в. проходило не всегда ровно и только в поступательном направлении. В годы «игнорирования национальной основы литературных канонов и замены ее стремлением к интернационализму» (А. Закирзянов) этноцентричной части ученых-литературоведов и литературных критиков приходилось упорно защищать базовые ценности нации: ее культуру и язык, бороться против серости и тематической спекуляции в искусстве, идеологизированной теории в художественной литературе. Динамика литературоведения, таким образом, полностью зависела от соотношения сил между консерваторами (вульгарными социологами) и новаторами (этноцентричными литераторами) в тот или иной период и подпериод второй половины XX в. В результате такого хронологического изучения последовательных звеньев (этапов развития) истории чувашского литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-эстетической мысли вырисовывается своеобразная ее динамика.

В 1956 – 1969 гг. «советоцентричные» литературоведы пытались полностью избавиться от «национального» в чувашской литературе, в том числе и народной поэзии. Им противостояли писатели старшего поколения, а также молодые ученые из Казанской литературоведческой школы. В художественной практике ряда молодых поэтов данного периода обнаружилось нетрадиционные литературно-теоретические взгляды и позиции, выходящие за рамки официально признанного соцреализма. Они стали намеренно разрушать устоявшиеся в годы советской власти поэтический синтаксис, метрику и ритмику, предвещали приход на смену «плакатной» совершенно новой, модернистской культуры. В данном движении обнаружилось европоцентричные и востокоцентричные устремления. В пространстве пограничья поэзии и искусства тех лет часть чувашской творческой интеллигенции видела национальное как в форме, так и в содержании своего творения. В 1956 – 1969 гг. проблемы создания новой истории чувашской

литературы не были разрешены по причине полного совпадения в те годы интересов официальной власти и «советоцентричных» историков литературы и критиков.

В 1970 – 1986 гг. теория чувашской литературы развивалась весьма неравномерно: наиболее зыбкими оказались представления о «младописьменности» и «ускоренном развитии» литератур народов Урало-Поволжья, а также «теория влияния» «более развитых литератур» на «менее развитые» художественно-поэтические системы. Чувашское прогрессивное литературоведение данного периода, упорно преодолевая сопротивление консерваторов, постепенно освобождалось от такого «иерархического» подхода к культурам народов СССР. Поиски истоков народного художественно-поэтического сознания и поэтики в середине 1970-х гг. привели чувашских литературоведов в эпохи древних и средних веков первого тысячелетия нашей эры. Литературоведы устремили свой взор на поэтику древних тюрков и современных генетически родственных чувашам народов.

В 1970 – 1980-е гг. в чувашском литературоведении, как и в самой литературе, происходил процесс возвращения к национальным традициям и истокам художественно-поэтического сознания. Наличие подобного процесса в литературах и других народов региона указывает на его типологический характер. Подъем национального начала в литературах региона тесно связан с разрушением прежних ценностей и канонов в культуре, в том числе и метода социалистического реализма.

В 1987 – 1993 гг. получили свои права на существование нереалистические творческие течения и школы (авангардизм, этнофутуризм и др.). Уход от идеологизированности науки привел чувашских литературоведов к аспектам художественного содержания, изучению художественной речи, поэтического мира отдельных мастеров слова. В науке о чувашской словесности была разработана методика комплексного изучения устного и письменного текстов в контексте региональных культур. Ученые постепенно приходят к бахтинской идее диалога культур, к новым возможностям ее применения. Литературоведение и

критика получили новое дыхание в условиях борьбы национальной интеллигенции за расширение функции родного языка и возвращение духовного наследия народа, в том числе забытых в годы репрессий и застоя художественных произведений. Возвращение литературного наследия в активный фонд современной культуры народа заставило академических литературоведов по-новому осмыслить историю и теорию чувашской литературы, прежде всего дореволюционного периода. Чувашская литература обрела свои исконные корни: в ее историю удачно были вписаны этапы эволюции художественно-поэтического сознания с раннего средневековья до 70-х гг. XIX в. Начался процесс перехода от изжившей себя культурной и научной парадигмы к новой, соответствующей требованиям современности и отвечающей на вызовы совершенно незнакомого советским людям мира.

В 1994 – 2000 гг. чувашские литературоведы активно стали использовать герменевтический подход, изучать нереалистическую поэзию нетрадиционными методами, в том числе теорией читательского восприятия. На фоне отсутствия в те годы четких научно-теоретических и методологических ориентиров ярко выделились научные труды Г. Федорова, который, развивая теорию М. Бахтина, выдвинул концепцию взаимодействия Художника и Автора. Научные труды Г. Федорова подняли чувашскую научно-теоретическую и литературно-историческую мысль на уровень общеевропейского литературоведения.

В 1990-е гг. началось системное изучение родов и видов чувашской литературы, ее жанров в исторической динамике, категорий комического и трагического. Были разработаны несколько концепций будущей академической и вузовской «Истории чувашской литературы». На их основе позже была создана концепция теоретической «Истории чувашской литературы XX века».

Перспективой развития данной темы может быть сравнительное и сопоставительное изучение истории литературоведения Поволжья (синхронный подход), а также изучение динамики чувашского литературоведения первой половины XX в. (диахронный подход).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. На русском языке

1. Абашев, В. Н. Чувашская поэма / В. Н. Абашев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 148 с.
2. Абрамов, В. А. Становление и развитие чувашской повести : учеб. пособие / В. А. Абрамов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 132 с.
3. Айги, Г. Задумываясь о друге : (некоторые тезисы к творчеству Анатолия Миттова) / Г. Айги // Миттов (1932-1971) : Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи. – Чебоксары, 1990. – С. 145–158.
4. Айги, Г. Н. Собрание сочинений / Г. Н. Айги. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 607 с.
5. Акаев, А. А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики управления инновационным процессом / А. А. Акаев // Системный мониторинг: глобальное и региональное развитие. – Москва, 2010. – С. 141–162.
6. Александров, С. К спорам о позиции автора в «Нарспи» / С. Александров // Молодой коммунист. – 1985. – 18 мая.
7. Александров, С. Дорога к поэту / С. Александров // Молодой коммунист. – 1987. – 28 мая.
8. Александров, С. Константин Иванов / С. Александров // Ырнисен пуххи = Собрание сочинений / К. Иванов. – Чебоксары, 1989. – С. 8–26.
9. Александров, С. Проблемы художественного восприятия: (о некоторых путях активизации читательского интереса) / С. Александров // Художественное мастерство чувашских писателей. – Чебоксары, 1986. – С. 3–24.
10. Александров, С. Психологическое раскрытие художественного характера / С. Александров // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. – Чебоксары, 1987. – С. 3–17.
11. Александров, С. О творческом освоении художественных традиций / С. Александров, В. Родионов // Молодой коммунист. – 1985. – 7 дек.
12. Александров, С. А. Образ повествователя и авторская позиция в поэме «Нарспи» / С. А. Александров // Чувашская литература: тенденции и развитие, стилевые поиски : сб. ст. – Чебоксары, 1983. – С. 133–153.
13. Александров, С. А. Константин Иванов / С. А. Александров // Ырнисен пуххи = Собрание сочинений / К. В. Иванов. – 2-е изд., доп. – Чебоксары, 1990. – С. 8–26.

14. Александров, С. А. Поэтика Константина Иванова: вопросы метода, жанра, стиля : моногр. / С. А. Александров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 189 с.
15. Алешкин, А. В. Эпос дружбы / А. В. Алешкин. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1985. – 280 с.
16. Алиева, С. У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма / С. У. Алиева // *Нация. Личность. Литература.* – Москва, 1996. – Вып. 1. – С. 67–81.
17. Аминова, В. Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами : (на материале произведений рус. писателей второй половины XIX в. и тат. прозаиков первой трети XX в.) / В. Р. Аминова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.
18. Артемьев, Ю. Задачи по плечу / Ю. Артемьев // *Лит. Россия.* – 1980. – 23 февр.
19. Артемьев, Ю. Задачи по плечу / Ю. Артемьев // *Лит. Россия.* – 1980. – 29 февр.
20. Артемьев, Ю. М. Константин Иванов: Жизнь. Судьба. Бессмертие / Ю. М. Артемьев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 255 с.
21. Артемьев, Ю. М. Мятежный дух «Чувашского Аввакума» / Ю. М. Артемьев // *Изв. Нац. акад. наук и искусств Чуваш. Респ.* – 2000. – № 1. – С. 3–17.
22. Артемьев, Ю. М. Просветительство и развитие чувашской литературы : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Юрий Михайлович Артемьев. – Москва, 1993. – 32 с.
23. Артемьев, Ю. М. Итоги поисков / Ю. М. Артемьев // *Вопр. лит.* – 1972. – № 9. – С. 226–227.
24. Артемьев, Ю. М. К вопросу о художественном мастерстве К. В. Иванова в поэме «Нарспи» / Ю. М. Артемьев // *Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР.* – Чебоксары, 1970. – Вып. 49 : Филология. – С. 136–142.
25. Артемьев, Ю. М. Методологические маргиналии / Ю. М. Артемьев // *Изв. Нац. акад. наук и искусств Чуваш. Респ.* – 1996. – № 5. – С. 11–28.
26. Артемьев, Ю. М. Образная система поэмы К. В. Иванова «Нарспи» / Ю. М. Артемьев // *Художественный образ в чувашской литературе и искусстве.* – Чебоксары, 1987. – С. 69–83.
27. Артемьев, Ю. М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе / Ю. М. Артемьев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1977. – 158 с.
28. Афанасьева, Е. Р. Типология жанров чувашской драматургии : учеб. пособие / Е. Р. Афанасьева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – 96 с.
29. Ахмадуллин, А. Г. Новое в теории и методологии татарского литературоведения / А. Г. Ахмадуллин // *Проблемы современной тюркологии : материалы II Всесоюз. тюрк. конф., г. Алма-Ата, 27–29 сент. 1976 г.* – Алма-Ата, 1980. – С. 245–246.
30. Ахметов, З. А. Казахское стихосложение / З. А. Ахметов. – Алма-Ата : Наука, 1964. – 460 с.

31. Ахун, В. Трудная дорога к истине / Валем Ахун // Молодой коммунист. – 1988. – 11 февр.
32. Ашмарин, Н. И. Чувашская народная словесность : исследования, автобиография, воспоминания, письма / Н. И. Ашмарин ; сост. и примеч. В. Г. Родионова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 430 с.
33. Бакиров, М. Х. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Х. Бакиров. – Казань, 1972. – 75 с.
34. Бассаргин, Б. Яков Ухсай : крит.-библиогр. очерк / Б. Бассаргин. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 113 с.
35. Бассель, Н. Проблемы межлитературных отношений / Н. Бассель // Вопр. лит. – 2002. – № 6. – С. 3–18.
36. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – 504 с.
37. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
38. Бекшанский, П. Рассказы о Сеспеле : новеллы, воспоминания, письма, размышления / П. Бекшанский. – Чебоксары : ЧГИГН, 1999. – 67 с.
39. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Ради вечной памяти : Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1991. – 352 с.
40. Бойко, И. И. Политические настроения в Чувашии в период «оттепели» (1956–1964 гг.) / И. И. Бойко // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век : сб. ст. – Чебоксары, 2007. – С. 195–209.
41. Боров, Ю. Б. Непреходящий характер художественных ценностей / Ю. Б. Боров // Теория литературы. – Москва, 2001. – Т. 4 : Литературный процесс. – С. 613–614.
42. Бурнаевский, В. Мне эта книга не нравится / В. Бурнаевский // Молодой коммунист. – 1987. – 3 дек.
43. Васильев, А. В. Просветительство и концепция просвещенного человека в чувашской литературе XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Васильев. – Уфа, 1988. – 22 с.
44. Васильев, А. В. К вопросу о просветительском этапе чувашской литературы / А. В. Васильев // Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1970. – Вып. 46 : Филология. – С. 196–203.

45. Васильева, Л. А. Становление и развитие художественного повествования в чувашской прозе XVIII – начала XX веков : автореф. ... канд. филол. наук / Л. А. Васильева. – Чебоксары, 2000. – 22 с.
46. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Высш. шк., 1989. – 406 с.
47. Виппер, Ю. Б. Вступительные замечания / Ю. Б. Виппер // История всемирной литературы. – Москва, 1983. – Т. 1. – С. 5–12.
48. Виппер, Ю. Б. Творческие судьбы и история: (о западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX вв.) / Ю. Б. Виппер. – Москва : Наука, 1990. – 318 с.
49. Вишневский, В. Письменная культура раннего просветительства / В. Вишневский ; сост. и примеч. В. Г. Родионова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 616 с.
50. Владимиров, Е. Чувашская критика и литературоведение / Е. Владимиров // Чувашская литература между двумя съездами (1980–1985) : докл. и выступления на XIII съезде писателей Чувашии 15 мая 1985 г. – Чебоксары, 1985. – С. 3–40.
51. Владимиров, Е. В. Зодчий братства литератур / Е. В. Владимиров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 168 с.
52. Владимиров, Е. В. Межнациональные связи чувашской литературы / Е. В. Владимиров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 200 с.
53. Владимирова, О. Г. Становление и развитие чувашского силлабо-тонического стиха : учеб. пособие / О. Г. Владимирова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 158 с.
54. Волков, Г. Хузангай А. «Любовь к родине может быть и трудной...» / Г. Волков // Молодой коммунист. – 1988. – 18 февр.
55. Вопросы поэтики К. Иванова : сб. ст. / отв. ред. С. А. Александров. – Чебоксары : ЧНИИ, 1991. – 167 с.
56. Чуваши : этнографическое исследование. Ч. 1 : Материальная культура / Воробьев Н. И. [и др.]. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1956. – 413 с.
57. Воронов, Н. Путь и судьба: (к эволюции творчества Анатолия Миттова) / Н. Воронов // Миттов (1932-1971) : Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи. – Чебоксары, 1990. – Чебоксары, 1973. – С. 5–18.
58. Гаген-Торн, Н. И. Женская одежда народов Поволжья : (материалы к этногенезу) / Н. И. Гаген-Торн. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1960. – 228 с.
59. Гаджиев, А. А. Романтизм и реализм: теория литературно-художественных типов творчества / А. А. Гаджиев. – Баку : Элм, 1972. – 348 с.
60. Ганиева, Р. К. Декадентские мотивы в татарской литературе: (первая четверть XX в.) / Р. К. Ганиева // Милли меденият. – 2005. – № 7. – С. 10–16.

61. Ганиева, Р. К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Р. К. Ганиева. – Казань : Изд-во КГУ, 2002. – 272 с.
62. Ганиева, Р. К. Проблемы творческих методов в тюркоязычных литературах начала XX века. Ч. 1 / Р. К. Ганиева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 28 с.
63. Григорьев, В. С. К читателям журнала / В. С. Григорьев // Чуваш. гуманит. вестн. – 2006. – № 1. – С. 10.
64. Григорьев, Ю. Обзор чувашского литературоведения за 1963–1966 гг. / Ю. Григорьев // Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1967. – Вып. 34 : Филология. – С. 186–193.
65. Грэхэм, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм. – Москва : Полит. лит., 1991. – 480 с.
66. Гуляев, Н. А. Теория литературы : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Н. А. Гуляев. – Москва : Высш. шк., 1977. – 278 с.
67. Данилов, Д. Д. Чувашская художественная литература до Октябрьской революции / Д. Д. Данилов // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 817. 233 л.
68. Данилов, Д. Д. Очерки истории чувашской советской литературы / Д. Д. Данилов. // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 8. 181 л.
69. Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX в. : учеб. пособие. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2002. – 262 с.
70. Декс, П. Семь веков романа : пер. с фр. / П. Декс. – Москва : Иностран. лит., 1962. – 362 с.
71. Димитриев, В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа / В. Д. Димитриев // О происхождении чувашского народа : сб. ст. – Чебоксары, 1957. – С. 96–118.
72. Димитриев, В. Д. От редакции / В. Д. Димитриев // О происхождении чувашского народа. – Чебоксары, 1957. – С. 3.
73. Днепров, В. Проблемы реализма / В. Днепров. – Ленинград : Совет. писатель, 1961. – 372 с.
74. Егоров, В. Г. К вопросу о происхождении чуваш<ей> и их языка / В. Г. Егоров // Записки / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1953. – Вып. 7. – С. 64–91.
75. Егоров, В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1 / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1954. – 240 с.
76. Егоров, Д. Е. Спиридон Михайлович Михайлов : (историко-педагогический очерк) / Д. Е. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 96 с.

77. Ермакова, Г. А. Философские мотивы творчества Г. Айги и восприятие их читателем : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Ермакова. – Чебоксары, 1996. – 17 с.
78. Ермакова, Г. А. Восприятие читателем слова Г. Айги / Г. А. Ермакова. – Чебоксары : Чуваш. ин-т образования, 1996. – 184 с.
79. Ермакова, Г. А. Поклон Айги : (восприятие слова Айги читателем) / Г. А. Ермакова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. – 119 с.
80. Жирмунский, В. М. О тюркском народном стихе : некоторые проблемы теории / В. М. Жирмунский // Тюркский героический эпос. – Ленинград, 1974. – С. 644–680.
81. Загидуллина, Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века / Д. Ф. Загидуллина. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2013. – 207 с.
82. Закирзянов, А. М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (конец XX – начало XXI вв.) / А. М. Закирзянов. – Казань : Ихлас, 2011. – 320 с.
83. Земсков, В. В. Жанр «Истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий / В. В. Земсков // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. – 2003. – Т. 62. – № 3. – С. 3–11.
84. Золотницкий, Н. И. Избранные труды / Н. И. Золотницкий ; сост. и примеч. В. Г. Родионова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 526 с.
85. Иванов, И. К изучению мировоззрения К. В. Иванова / И. Иванов // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе. – Чебоксары, 1981. – С. 74–95.
86. Иванов, И. И. [Рецензия] / И. И. Иванов // Филол. науки. – 1982. – № 6. – С. 86. – Рец. на кн.: Время и стих : лит.-теорет. ст. / Н. И. Иванов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 191с.
87. Иванов, К. Ҫырнисен пуххи = Собрание сочинений / К. Иванов. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 447 с.
88. Иванов, Н. И. Время и стих : лит.-теорет. ст. / Н. И. Иванов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 192 с.
89. Иванов, Н. И. О чувашском народном стихосложении / Н. И. Иванов. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 76 с.
90. Иванов, Н. И. К спорам о творческом методе дооктябрьской чувашской литературы / Н. И. Иванов // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе. – Чебоксары, 1981. – С. 3–27.
91. Игнатъев, В. Беспокойные : рассказы / В. Игнатъев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1976. – 160 с.
92. Изоркин, А. Не нивелировать! / А. Изоркин // Молодой коммунист. – 1988. – 3 март.

93. Изоркин, А. В. Национальное и интернациональное в чувашской литературе и искусстве / А. В. Изоркин // Чувашский язык, литература и фольклор : сб. ст. – Чебоксары, 1974. – Вып. 3. – С. 372.
94. Илларионов, И. Е. Академическая наука Чувашии: становление и перспективы ее развития / И. Е. Илларионов // Изв. Акад. наук Чуваш. Респ. – 2008. – № 1. – С. 3–9.
95. Инсягулова, С. С. Динамика развития башкирской литературной критики в 1953 – 1985 годы: проблемы, жанры.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Инсягулова. – Уфа, 2011. – 22 с.
96. Историческая поэтика : итоги и перспективы изучения. – Москва : Наука, 1986. – 336 с.
97. Историческая поэтика : литературные эпохи и типы художественного сознания. – Москва : Наследие, 1994. – 512 с.
98. История литературы Урала : план-проспект. – Екатеринбург : УрОРАН ; Изд-во АМБ, 2005. – 84 с.
99. История советской многонациональной литературы. В 6 т. Т. 1. – Москва : Наука, 1970. – 563 с.
100. История советской многонациональной литературы. В 6 т. Т. 4. – Москва : Наука, 1974. – 744 с.
101. История советской многонациональной литературы. В 6 т. Т. 5. – Москва : Наука, 1974. – 839 с.
102. История татарской литературы: в 5 т. План-проспект / АН СССР, Казан. фил. ; Ин-т яз., лит. и истории. – Казань : ИЯЛИ КФАН, 1973. – 60 с.
103. История татарской литературы нового времени (XIX–XX вв.). – Казань : Фикер, 2003. – 472 с.
104. История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900–1955 годы) : коллектив. моногр. / В. Г. Родионов, Г. И. Федоров, А. Ф. Мышкина [и др.]. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с.
105. Кадыров, О. Х. Романтизм Галимджана Ибрагимова : (творчество и эстетика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Х. Кадыров. – Казань, 1967. – 31 с.
106. Канюков, В. Я. От фольклора к письменности. (Ранняя чувашская литература и народное творчество) : очерк литературно-фольклорных отношений / В. Я. Канюков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 127 с.
107. Канюков, В. Я. Развитие литературы и народные художественные традиции : проблемы лит.-фольклор. отношений / В. Я. Канюков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979. – 191 с.

108. Келдыш, В. А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность / В. А. Келдыш // Русская литература рубежа веков : (1890-е – начало 1920-х годов). – Москва, 2000. – Кн. 1. – С. 13–68.
109. Кириллов, К. Поэзия правды: (начало дискуссии по вопросам современной чувашской драматургии) / К. Кириллов // Молодой коммунист. – 1986. – 20 дек.
110. Кириллов, К. Д. Жажду литературы / К. Д. Кириллов // Молодой коммунист. – 1985. – 20 июня.
111. Кожин, В. Происхождение романа : теорет.-ист. очерк / В. Кожин. – Москва : Совет. писатель, 1963. – 440 с.
112. Комиссаров, Г. И. О чувашах : исследования, воспоминания, дневники, письма / Г. И. Комиссаров ; сост. и примеч. В. Г. Родионова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 523 с.
113. Комиссаров, Г. И. Письменность на чувашском языке в XVIII веке / Г. И. Комиссаров // Проблемы письменности и культуры. – Чебоксары, 1992. – С. 85–104.
114. Комиссаров, Г. И. История чувашской письменности и литературы / Г. И. Комиссаров // О чувашах : исследования, воспоминания, дневники, письма / Г. И. Комиссаров. – Чебоксары, 2003. – С. 338–382.
115. Комиссаров, Г. И. Чувашаи Казанского Заволжья / Г. И. Комиссаров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). – Казань, 1911. – Т. 27, вып. 5. – С. 311–432.
116. Комиссаров, Г. И. Тезисы к докладам / Г. И. Комиссаров // Сăмах = Слово. 1993: тӗпчевсемпе текстсем. – Шупашкар, 1994. – С. 111–114.
117. Кузнецов, И. Д. Против националистической концепции чувашской истории / И. Д. Кузнецов // Революц. Восток. – 1930. – № 9/10. – С. 207–233.
118. Чувашаи : этнографическое исследование. Ч. 2 : Духовная культура / И. Д. Кузнецов [и др.]. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 307 с.
119. Кузнецов, И. Д. Ленинская концепция социалистической культуры и некоторые вопросы художественного творчества в чувашском литературоведении / И. Д. Кузнецов // Национальное и интернациональное в чувашской советской литературе и искусстве : сб. ст. – Чебоксары, 1975. – С. 3–17.
120. Кузнецов, М. М. Основные тенденции современного литературного процесса / М. М. Кузнецов // История советской многонациональной литературы. – Москва, 1974. – Т. 5. – С. 7–57.
121. Кузьмин, А. И. Художественная проза С. В. Эльгера / А. И. Кузьмин. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1961. – 133 с.

122. Кузьмин, Г. Брат мой огнекрылый : воспоминания / Г. Кузьмин. – Чебоксары, ЧГИГН, 1999. – 56 с.
123. Лебедев, В. Звериная ловля у симбирских чувашей / В. Лебедев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. – 22 с.
124. Лебедева, Е. А. Мифологические истоки поэмы К. В. Иванова «Нарспи» / Е. А. Лебедева // Взаимодействие традиционных инновационных процессов в социокультурной сфере : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2009. – С. 121–125.
125. Лебедева, Е. А. Семантика имен в поэме «Нарспи» К. В. Иванова / Е. А. Лебедева // Народная школа. – 2009. – № 2. – С. 42–44.
126. Лейдерман, Н. Л. Периодизация русской литературы XX века и текущий литературный процесс [Электронный ресурс] / Н. Л. Лейдерман. – Режим доступа: http://oldwww.pspu.ru/sci_liter2005leiderman.shtml (дата обращения: 01.02.2015).
127. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили / Д. С. Лихачев. – Москва : Просвещение, 1980. – 462 с.
128. Ломидзе, Г. И. В спорах и размышлениях / Г. И. Ломидзе // Способность к диалогу. – Москва, 1993. – Ч. 1. – С. 30–50.
129. Ломидзе, Г. И. Интернациональный пафос советской литературы / Г. И. Ломидзе. – Москва : Совет. писатель, 1970. – 335 с.
130. Луков, В. А. Концепция теоретической истории литературы Д. С. Лихачева [Электронный ресурс] / В. А. Луков. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Lukov_Likhachev/ (дата обращения: 01.02.2015).
131. Лурье, С. В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов / С. В. Лурье. – Москва : Акад. проект : Гаудеамус, 2004. – 624 с.
132. Малютин, С. Р. Во имя возрождения народа / С. Р. Малютин // Ёсл     хыпар   = Вестн. науки. – 1992. – 20 апр.
133. Марр, Н. Я. Чуваши–яфетида на Волге / Н. Я. Марр. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1926. – 75 с.
134. Метин, П. Н. Комическое в чувашской литературе : этапы эволюции / П. Н. Метин. – Чебоксары : Чуваш. пед. ун-т, 2000. – 328 с.
135. Миндубаев, Ж. Премия чувашскому поэту / Ж. Миндубаев // Известия. – 1972. – 26 июня.
136. Невская, Б. Литературная премия Франции – чувашскому поэту / Б. Невская // Лит. Россия. – 1972. – 21 июня.
137. Марченко, А. Возможности свободного романа / А. Марченко // Вопр. лит. – 1971. – № 9. – С. 39–48.

138. Миттов (1932-1971) : (чувашский художник) : Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 216 с.
139. Михайлов, А. В. Проблема переходного периода / А. В. Михайлов // Теория литературы. – Москва, 2001. – Т. 4 : Литературный процесс. – С. 612–613.
140. Михайлов, М. Корни и побеги : (полемиические заметки) / М. Михайлов // Молодой коммунист. – 1988. – 29 дек.
141. Михайлов, С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / С. М. Михайлов. – Чебоксары : ЧНИИ, 1972. – 423 с.
142. Мурзаев, И. Д. Новые документы об Иакинфе Бичурине, выявленные в архивах Ленинграда / И. Д. Мурзаев // Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР, 1960. – Вып. 19. – С. 303–319.
143. Мустафин, Р. Конкретность, доказательность, убедительность / Р. Мустафин // Лит. Россия. – 1972. – 30 июня.
144. Мустафин, Р. Проблема критериев / Р. Мустафин // Дружба народов. – 1973. – № 9. – С. 238.
145. Национальное и интернациональное в чувашской советской литературе и искусстве : сб. науч. ст. – Чебоксары : ЧНИИ, 1975. – 163 с.
146. Неберинг, В. «Уроки чувашского» / В. Неберинг // Молодой коммунист. – 1984. – 13 нояб.
147. Невская, Б. Литературная премия Франции – чувашскому поэту / Б. Невская // Лит. Россия. – 1972. – 21 июня.
148. Неупокоева, И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа / И. Г. Неупокоева. – Москва : Наука, 1976. – 360 с.
149. Нигматуллина, Ю. Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань : ФЭн, 2002. – 167 с.
150. Нигматуллина, Ю. Г. Национальное своеобразие эстетического идеала / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 212 с.
151. Нигматуллина, Ю. Г. Системно-комплексное исследование художественного творчества : история научного направления в Казанском университете / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань : ФЭн, 2004. – 251 с.
152. Нигматуллина, Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань : ФЭН, 1997. – 190 с.
153. Никитин, Г. А. Чувашское народное изобразительное искусство / Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 167 с.

154. Никифорова, В. В. Артемьев Юрий Михайлович : (к 70-летию со дня рождения) / В. В. Никифорова // Чуваш. гуманитар. вестн. – 2011. – № 6. – С. 233–237.
155. Никольский, Н. В. Конспект по этнографии чувашей / Н. В. Никольский. – Казань, 1908. – 190 с.
156. Никонов, В. А. Стих и язык : (полемические заметки) / В. А. Никонов // Проблемы восточного стихосложения. – Москва, 1973. – С. 4–15.
157. Обсуждаем творчество Михаила Юхмы // Лит. Россия. – 1974. – 8 марта.
158. Османова, З. Г. Художественные искания современной литературы. Ч. 1 / З. Г. Османова // История советской многонациональной литературы. – Москва, 1974. – Т. V. – С. 58–75.
159. Особенности концепций творчества в культуре Урало-Поволжья : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Новое время, 2013. – 230 с.
160. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 303 с.
161. Павлов, Н. Обзор работ по чувашскому литературоведению за 1963–1966 гг. / Н. Павлов // Учен. зап. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1967. – Вып. 34. – С. 205–216.
162. Павлов, Н. С. Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики / Н. С. Павлов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1970. – 148 с.
163. Павлов, Ф. П. Собрание сочинений = Ҫырнисен пуххи : Поэзия. Драматургия. Проза. Очерки, статьи, рецензии. Письма и воспоминание. Примечания / Ф. П. Павлов. – 2-е, доп. изд. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 574 с.
164. Паньков, Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина / Н. А. Паньков. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 720 с.
165. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности : коллектив. моногр. / науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. – Екатеринбург ; Ижевск ; Сыктывкар : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – 556 с.
166. Поэтика Сеспеля : материалы регион. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. Михаила Сеспеля, 22–23 нояб. 1989 г. – Чебоксары : ЧНИИ, 1991. – 168 с.
167. Проблемы создания истории литератур народов Поволжья : материалы регион. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Новое время, 2014. – 280 с.
168. Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья : сб. науч. ст. – Чебоксары : Новое время, 2010. – 140 с.

169. Происхождение казанских татар: материалы сессии Отд-ния истории и философии АН СССР, организ. совместно с Ин-том яз., лит. и истории Казан. филиала АН СССР, 25–26 апр. 1946 г. в г. Москве : (по стеногр.). – Казань, 1948. – 160 с.
170. Робель, Л. Айги / Л. Робель ; пер. с фр. О. Северской. – Москва : Аграф, 2003. – 218 с.
171. Родионов, В. Мастер чувашской малой прозы / В. Родионов // ЛИК. – 2006. – № 2. – С. 57–69.
172. Родионов, В. Наконец-то дело выяснилось – кошмар рассеялся : (предисл. к воспоминаниям С. Эльгера «Когда рассеялся кошмар») / В. Родионов // Молодой коммунист. – 1988. – 28 янв.
173. Родионов, В. Г. [Рецензия] / В. Г. Родионов // Совет. тюркология. – 1985. – № 4. – С. 98–99. – Рец. на кн.: Революциченхи чăваш литературы текстсем. – Шупашкар : Чăваш кенекке изд-ви, 1984. – 464 с.
174. Родионов, В. Г. «Чăваш сырăвĕн ушкăнĕ» / В. Г. Родионов // Чăваш литературы : поэтикапа стиль ыйтăвĕсем. – Шупашкар, 1989. – С. 41–60.
175. Родионов, В. Г. Генезис и эволюция речевого стиха / В. Г. Родионов // Чувашская народная поэзия : сб. ст. – Чебоксары : ЧНИИ, 1990. – С. 65–109.
176. Родионов, В. Г. Генезис и эволюция чувашского стиха : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Родионов Виталий Григорьевич. – Москва, 1992. – 36 с.
177. Родионов, В. Г. История и перспективы развития Нарспианы / В. Г. Родионов // Ашмаринские чтения : материалы Всерос. науч. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 5.
178. Родионов, В. Г. История чувашской литературы XX в. (Концепция) / В. Г. Родионов // Чуваш. гуманитар. вестн. – 2010. – № 5. – С. 104–121.
179. Родионов, В. Г. К проблеме общетюркской исторической поэтики фольклора / В. Г. Родионов // Вопросы советской тюркологии : тез. докл. и сообщ. IV Всесоюз. тюркол. конф., 10–15 сент. 1985 г. – Ашхабад, 1985. – С. 164–167.
180. Хузангай, А. П. Литературная критика : проблемы жанра и проблемы жизни / А. П. Хузангай // Дружба народов. – 1987. – № 2. – С. 231–238.
181. Родионов, В. Г. Н. И. Ашмарин и проблемы анализа поэтического произведения / В. Г. Родионов // Изв. Нац. акад. наук и искусств Чуваш. Респ. – 1996. – № 5. – С. 24–27.
182. Родионов, В. Г. Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения / В. Г. Родионов // Филол. науки. – 1979. – № 6. – С. 23–27.

183. Родионов, В. Г. О некоторых особенностях ритмической организации древнейшего чувашского стиха / В. Г. Родионов // Тезисы докладов и сообщений / Всесоюз. тюркол. конф. – Алма-Ата, 1976. – С. 62–63.
184. Родионов, В. Г. О ритмике чувашского народного речитативного стиха / В. Г. Родионов // О чувашской литературе / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1977. – С. 66–83.
185. Родионов, В. Г. О системе чувашских языческих обрядов / В. Г. Родионов // Чувашская народная поэзия : сб. ст. – Чебоксары, 1990. – С. 3–64.
186. Родионов, В. Г. О типах чувашского национального мышления / В. Г. Родионов // Изв. Нац. акад. наук и искусств Чуваш. Респ. – 2000. – № 1. – С. 18–25.
187. Родионов, В. Г. Роль рифмы и аллитерации в поэзии тюркских народов / В. Г. Родионов // Этнос. Культура. Слово. – Чебоксары, 2006. – С. 265–269.
188. Родионов, В. Г. Спецкурс «Введение в поэтику чувашского и тюркского стиха» : (содерж. и некоторые методол. проблемы) / В. Г. Родионов // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе : материалы конф., 11–12 окт. 1984 г. – Чебоксары, 1986. – С. 87–93.
189. Родионов, В. Г. Федоров Георгий Иосифович / В. Г. Родионов // Чуваш. энцикл. – Чебоксары, 2011. – Т. 4. – С. 348.
190. Родионов, В. Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития / В. Г. Родионов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 224 с.
191. Родионов, В. Г. Чувашское стихосложение и пути его развития (дооктябрьский период) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Родионов Виталий Григорьевич. – Москва, 1979. – 20 с.
192. Родионов, В. Г. Чувашское и тюркское стихосложение / В. Г. Родионов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. – 80 с.
193. Родионов, В. Г. Этническое бессознательное в литературах периода смены художественных парадигм : [на материале творчества К. Иванова (Кашкыра) и его современников] / В. Г. Родионов // Константин Иванов и чувашский мир в контексте литератур региона : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 25 мая 2015 г., г. Чебоксары. – Чебоксары, 2015. – С. 18–43.
194. Родионов, В. Г. К тайнам народной стихии / В. Г. Родионов // Собр. соч. / Ф. Павлов. – Чебоксары, 1992. – С. 8–22.
195. Родионов, В. Г. По пути к храму / В. Г. Родионов // Ради вечной памяти / Н. Я. Бичурин (Иакинф). – Чебоксары, 1991 – С. 3–22.

196. Родионов, В. Г. Энергия, воплощенная в слове : [предисл.] / Виталий Родионов // *Ўырнисен пуххи = Собрание сочинений / Сеспел Мишши.* – Шупашкар, 1989. – С. 8–45.
197. Родионов, В.Г. Личный архив. 1970–2000 гг.
198. Романов, В. Г. Общественно-эстетический идеал и его влияние на творчество К. Иванова-Прта / В. Г. Родионов // *Вопросы поэтики К. Иванова: материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта, 21–22 мая 1990 г.* – Чебоксары, 1991. – С. 84–89.
199. Романов, В. Н. Идеино-художественное своеобразие чувашской литературы конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Романов Василий Николаевич. – Чебоксары, 1998. – 22 с.
200. Рубис, Н. Встречи с Сеспелем: воспоминания, стихи, письма / Н. Рубис. – Чебоксары : ЧГИГН, 1999. – 87 с.
201. Рыбаков, А. Дети Арбата / А. Рыбаков // *Дружба народов.* – 1987. – № 4. – С. 3–133 ; № 5. – С. 67–192 ; № 6. – С. 23–151.
202. Савирова, М. П. Становление и развитие чувашской приключенческой прозы : учеб. пособие / М. П. Савирова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 140 с.
203. Сануков, К. Н. Из истории Марий Эл : трагедия 30-х годов / К. Н. Сануков. – Йошкар-Ола : Мар. ун-т, 2010. – 195 с.
204. Серебренников, Б. А. Происхождение чувашей по данным языка / Б. А. Серебренников // *О происхождении чувашского народа.* – Чебоксары, 1957. – С. 45–46.
205. Сироткин, М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1948. – 246 с.
206. Сироткин, М. Я. Федоров : (очерк жизни и творчества) / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1947. – 47 с.
207. Сироткин, М. Я. М. К. Сеспель : (очерк жизни и творчества) : к 50-летию со дня рождения / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1949. – 42 с.
208. Сироткин, М. Я. Константин Васильевич Иванов : (крит.-биогр. очерк) / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1955. - 31с.
209. Сироткин, М. Я. Николай Иванович Полоруссов (Шелеби) : крит.-биогр. очерк / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1956. – 42с.
210. Сироткин, М. Я. Чувашский фольклор : очерк устн.-поэт. нар. творчества / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1965. – 132 с.
211. Софронова, И. В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике : учеб. пособие / И. В. Софронова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 144 с.
212. Станъял, В. Документы свидетельствуют / В. Станъял // *Молодой коммунист.* – 1988. – 10 марта.

213. Степанов, В. Первый Форум творческой молодежи Урала и Поволжья / В. Степанов // Молодой коммунист. – 1987. – 19 нояб.
214. Дни поэзии Сеспеля // Молодой коммунист. – 1987. – 12 нояб. – С. 6–8.
215. Степанов, Ю. С. Константы : слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Акад. проект, 2004. – 992 с.
216. Степин, В. С. Анализ исторического развития философии науки в СССР / В. С. Степин // Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхем. – Москва, 1991. – С. 424–440.
217. Султанов, К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы / К. Султанова. – Москва : Наследие, 2001. – 194 с.
218. Талвир, А. Герои наших дней / А. Талвир // Лит. и жизнь. – 1958. – 24 сент.
219. Таллерова-Миттова, О. Мгновения – длиною в целую жизнь (страницы воспоминаний) / О. Таллерова-Миттова // Миттов (1932-1971) : Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника. – Чебоксары, 1990. – С. 20–97.
220. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Кн. 1. Образ, метод, характер. / [Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького]. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 452 с.
221. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Кн. 2. Роды и жанры литературы / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1964. – 486 с.
222. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Кн. 3. Стиль. Произведение. Литературное развитие / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1965. – 504 с.
223. Теория литературы. В 4 т. Т. 4. Литературный процесс. – Москва : ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 624 с.
224. Тимаков, В. П. Лирика П. П. Хузангая. К проблеме творческой индивидуальности поэта : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. П. Тимаков. – Чебоксары, 1996. – 23 с.
225. Тимофеев, Л. И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – Москва : Просвещение, 1976. – 448 с.
226. Тимофеев, Л. И. Теория литературы. Основы науки о литературе / Л. И. Тимофеев. – Москва : Учпедгиз, 1948. – 383 с.
227. История якутской литературы (середина XIX – начало XX века) / Н. Н. Тобуроков [и др.]. – Якутск : Якут. науч. центр СО РАН, 1993. – 195 с.

228. Усманов, Х. У. К характеристике ритмического строя тюркского стиха / Х. У. Усманов // Народы Азии и Африки. – 1968. – № 6. – С. 93–108.
229. Федоров, Г. И. К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века» : некоторые размышления / Г. И. Федоров // Чуваш. гуманитар. вестн. – 2010. – № 5. – С. 122–137.
230. Федоров, Г. И. О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы / Г. И. Федоров // Диалог культур : проблемы художественного сознания : сб. ст. – Чебоксары, 2000. – С. 3–28.
231. Федоров, Г. И. Проблемы поэтики чувашской психологической прозы 1950–1980-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. / Федоров Георгий Иосифович. – Уфа, 1990. – 22 с.
232. Федоров, Г. И. Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950 – 1990-х годов : автореф. дис. ... доктора филол. наук / Федоров Георгий Иосифович. – Казань, 1997. – 46 с.
233. Федоров, Г. И. Художественный мир Федора Уяра : (проблемы типологии, поэтики и худож. семантики) / Г. И. Федоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
234. Федоров, Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов / Г. И. Федоров. – Чебоксары : ЧГИГН, 1996. – 303 с.
235. Федоров, Г. И. По тернистому пути науки : [о д-ре филол. наук, проф. В. Г. Родионове] / Г. И. Федоров // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2007. – С. 3–10.
236. Федоров, Г. И. Родионов Виталий Григорьевич / Г. И. Федоров // Чувашская энциклопедия : в 4 т. – Чебоксары, 2009. – Т. 3. – С. 574–575.
237. Федотов, М. В защиту родной культуры / М. Федотов // Лит. Россия. – 1988. – 29 июля.
238. Федотов, М. [Рецензия] / М. Федотов // Совет. тюркология. – 1982. – № 5. – С. 96–97. – Рец. на кн.: Время и стих : лит.-теорет. ст. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 190 с.
239. Федотов, М. Снова о родном языке и еще кое о чем / М. Федотов // Молодой коммунист. – 1988. – 7 июль.
240. Федоров, Н. В. [Выступление на общем собрании НАНИ] / Н. В. Федоров // Совет. Чувашия. – 1994. – 29 дек.
241. О создании Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики» : Указ Президента Чуваш. Респ. от 23 дек. 1994 г. № 141 // Совет. Чувашия. – 1994. – 27 дек.
242. Хайри, Х. Ф. Татарская литература / Х. Ф. Хайри // История советской многонациональной литературы. – Москва, 1974. – Т. 5. – С. 628–641.

243. Хамраев, М. Очерки теории тюркского стиха / М. Хамраев. – Алма-Ата : Мектеп, 1969. – 355 с.
244. Хлебников, Г. Я. Современная чувашская литература / Г. Я. Хлебников. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 184 с.
245. Хлебников, Г. Чувашский роман / Г. Хлебников. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1966. – 212 с.
246. Хлебников, Г. Почему это происходит? : (о фактах пренебрежения нац. культурой в Чувашии) / Г. Хлебников // Молодой коммунист. – 1988. – 15 сент.
247. Хлебников, Г. Творческий путь П. П. Хузангая / Г. Хлебников // Чувашский язык, литература и фольклор : сб. ст. / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1973. – С. 126–166.
248. Хлебников, Г. Я. О методологических принципах создания «Истории чувашской литературы XX века» / Г. Я. Хлебников // Изв. Нац. акад. наук и искусств Чуваш. Респ. – 1996. – № 5. – С. 5–10.
249. Хлебников, Г. Я. Поэзия / Г. Я. Хлебников // Современная чувашская литература. – Чебоксары, 1971. – С. 137–183.
250. Хлебников, Г. Я. Чувашская литература второй половины XX века / сост. и автор послесл. В. Г. Родионов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 416 с.
251. Хузангай, А. [Рецензия] / А. Хузангай // Лит. обозрение. – 1983. – № 8. – С. 88. – Рец. на кн.: Сăвăсем / Г. Айхи. – Шупашкар, 1980.
252. Хузангай, А. На языке Данте и Петрарки / А. Хузангай // Вопр. лит. – 1986. – № 11. – С. 241–251. – Рец. на кн.: Антология чувашской литературы / сост. Г. Айги. – Рим, 1980.
253. Хузангай, А. [Рецензия] / А. Хузангай // Совет. тюркология. – 1987. – № 1. – С. 101–103. – Рец. на кн.: Чувашское и тюркское стихосложение / В. Родионов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. – 80 с.
254. Хузангай, А. Взгляд на целое / А. Хузангай // Вопр. лит. – 1985. – № 9. – С. 236–240.
255. Хузангай, А. Классики и современники / А. Хузангай // Вопр. лит. – 1986. – № 7. – С. 237–242. – Рец. на кн.: Меслетпе асталăх: ст. / Г. Хлебников. – Шупашкар, 1984.
256. Хузангай, А. Корни. Ветви. Небо / А. Хузангай // Дружба народов. – 1979. – № 4. – С. 265–267.
257. Хузангай, А. «Тихо глаза открывает костер мой...» / А. Хузангай // Дружба. – 1977. – № 6. – С. 224–264. – Рец. на кн.: Кăвайт : сăвăсем / П. Эйзин. – Шупашкар, 1976.
258. Хузангай, А. Этнофутуристические тенденции в современной культуре Урало-Поволжских народов / А. Хузангай // Национальные традиции в культуре народов Поволжья :

материалы регион. науч.-практ. конф., Чебоксары, 19 июня 2003 г. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2003. – С. 4–20.

259. Хузангай, А. [Обзор книг В. Эндипа «Алăри асамат» (Шупашкар, 1976) и «Венок дружбы. Поэмы» (Чебоксары, 1977)] / А. Хузангай // Лит. обозрение. – 1978. – № 11. – С. 88.

260. Хузангай, А. Творчество – вечно живая основа / А. Хузангай // Совет. музыка. – 1985. – № 12. – С. 28–55.

261. Хузангай А. П. Поиск слова : лит.-крит. ст. / А. П. Хузангай. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1987. – 191 с.

262. Хузангай, А. П. Как важно помнить о корнях / А. П. Хузангай // Молодой коммунист. – 1988. – 22 сент.

263. Хузангай, А. П. Начнется ли третье возрождение? / А. П. Хузангай // Молодой коммунист. – 1989. – 23 нояб. – Кн. в газ. «Вариант» (№ 28).

264. Хузангай, А. П. Тексты, метатексты & путешествия / А. П. Хузангай. – Чебоксары : [б./и.], 2003. – 387 с.

265. Хузангай, П. Книга дружбы / П. Хузангай. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1966. – 199 с.

266. Чагин, А. И. О «хмурых» и «радостных» догмах и о реальностях литературного развития / А. И. Чагин // Международные Ломидзевские чтения: изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 28-30 нояб. 2005 г. – Москва, 2008. – С. 47–53.

267. Чекушкина, Е. П. Общeturкские традиции в чувашской словесности : учеб. пособие / Е. П. Чекушкина. – Чебоксары : Изд-во Чуваш ун-та, 2006. – 142 с.

268. Черапкин, Н. И. В братском содружестве / Н. И. Черапкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. – 384 с.

269. Черапкин, Н. И. Притоки / Н. И. Черапкин. – Москва : Современник, 1973. – 198 с.

270. Черепков, А. Теория «Длинных волн» Н. Д. Кондратьева / А. Черепков. – URL: <http://ss.xsp.ru/st/019/> (дата обращения: 08.02.2014).

271. Чиндыков, Б. Уроки чувашского / Б. Чиндыков // Молодой коммунист. – 1984. – 25 окт.

272. Чиндыков Б. Двухязычие и национальный вопрос / Б. Чиндыков // Совет. Чувашия. – 1988. – 19 июня.

273. Щербаков, С. В. М. П. Петров-Тинехпи и репрессии 1937 года : (анализ материалов уголовного дела № 9733) / С. В. Щербаков // Чувашский национальный музей: Люди. События. Факты : сб. ст. / М-во культуры, по делам нац., информ. политики и архив. дела Чуваш. Респ. – Чебоксары, 2009. – Вып. 6 (2008). – С. 32–36.

274. Щербенок, А. История литературы между историей и теорией: история как литература и литература как история / А. Щербенок // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 1(59) – С. 158–170.

275. Эзенкин, В. Обзор работ по чувашскому литературоведению за 1970-1972 гг. / В. Эзенкин // Чувашский язык, литература и фольклор : сб. ст. – Чебоксары, 1974. – Вып. 3. – С. 233–250.

276. Эзенкин, В. Теория литературы и критика в системе литературного образования / В. Эзенкин // Высшая школа – народному хозяйству Чувашии : тез. докл. – Чебоксары, 1992. – С. 94–95.

277. Эзенкин, В. С. Путь к роману: особенности развития повествовательных жанров в чувашской советской литературе / В. С. Эзенкин. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1976. – 93 с.

278. Эзенкин, В. С. Теоретические основы чувашской литературной критики: 1917–1970-е годы / В. С. Эзенкин. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 200 с.

279. Эльгер, Е. А. Два письма Эльгера / Е. А. Эльгер // Молодой коммунист. – 1988. – 11 авг.

280. Эльгер, С. Когда рассеялся кошмар / С. Эльгер // Хурапа шурă. Тёрлĕ вăхăтра ырнисем. Проза, поэзи, аса илĕсем, кун кёнекинчен, ырусем, хаклавсем / С. Элкер. – Шупашкар, 1994. – С. 374–378.

281. Эльгер, С. С. М. Ислюков патне. Письма к первому секретарю ОК КПСС С. М. Ислюкову / С. Эльгер // Хурапа шурă. Тёрлĕ вăхăтра ырнисем. Проза, поэзии, аса илĕсем, кун кёнекинчен, ырусем, хаклавсем / С. Элкер. – Шупашкар, 1994. – С. 412–424.

282. Эстетика «оттепели» : новое в архитектуре, искусстве, культуре : сб. ст. – Москва : Рос. полит. энцикл., 2013. – 493 с.

283. Юсуфов, Р. Ф. История литературы в культурфилософском освещении. – Москва : Наука, 2005. – 435 с.

284. Юсуфов, Р. Ф. Об истории литератур народов России / Р. Ф. Юсуфов // Международные Ломидзевские чтения: изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития : материалы Междунар. науч. конф., 28-30 нояб. 2005 г. Москва. – Москва, 2008. – С. 54–67.

На чувашском и других языках

285. Абрамов, В. Сăмахпа сăнар сипечĕ : ст. пуххи / В. Абрамов. – Шупашкар : Чăв. ун-чĕ, 1998. – 110 с.

286. Агивер, Х. Ешĕл хум / Х. Агивер. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1970. – 94 с.

287. Александров, С. А. «Нарспи» поэмари калавсан тѣнче курӓмѣ / С. А. Александров // Ялав. – 1983. – 2 №. – 27–28 с.
288. Александров, С. А. 1970–1980-мѣш җулсенчи литературоведенипе критикари тунтер социологин хӓш-пѣр енѣсем / С. А. Александров // Сӓнар: тѣпчевсем. – Шупашкар, 2000. – 116–132 с.
289. Алексин, В. Вѣсене җамрӓклӓх пӓтратнӓ / В. Алексин // Хыпар. – 2014. – 8 нарӓс.
290. Артемьев, Ю. Этем тивѣҗѣ: критикалла ст. / Ю. Артемьев. – Шупашкар : Чӓв. кѣн. изд-ви, 1980. – 112 с.
291. Артемьев, Ю. [Рецензи] / Ю. Артемьев // Ялав. – 1981. – 8 №. – 88 с.
292. Артемьев, Ю. Тӓван халӓха юратса (Хветѣр Уяр 70 җул тултарнӓ май) / Ю. Артемьев // Ирѣк шухӓшсем: критика ст. / Ю. Артемьев. – Шупашкар, 1991. – 192–201 с.
293. Артемьев, Ю. Йыхӓрсан инҗете кѣрен парӓс / Ю. Артемьев // Ирѣк шухӓшсем: критика ст. / Ю. Артемьев. – Шупашкар, 1991. – 201–206 с.
294. Артемьев, Ю. Чѣрѣ критика аҗста? / Ю. Артемьев // Тӓван Атӓл. – 1990. – 2 №. – 51 с.
295. Артемьев, Ю. Кайри мала, хуркайӓксем / Ю. Артемьев // Тӓван Атӓл. – 1987. – 2 №. – 60–63 с.
296. Артемьев, Ю. Йывӓр җѣклем сумлӓрах / Ю. Артемьев // Коммунизм ялавѣ. – 1987. – 23 ака.
297. Артемьев, Ю. Пурнӓҗ чӓнлӓхѣпе сӓнарсен илемѣшѣ: ст. хаклавсем / Ю. Артемьев. – Шупашкар, 1984. – 130 с.
298. Артемьев, Ю. Сарӓ кайӓк пулса юрлас-ши? / Ю. Артемьев // Ирѣк шухӓшсем: критика ст. / Ю. Артемьев. – Шупашкар, 1991. – 24 с.
299. Артемьев, Ю. Теори теоришѣн җеҗ ан пултӓрччѣ / Ю. Артемьев // Ирѣк шухӓшсем: критика ст. / Ю. Артемьев. – Шупашкар, 1991. – 37–46 с.
300. Артемьев, Ю. М. Ғутҗанталӓк килтерѣшлӓх («Нарспи» поэмӓн 100 җулне халалланӓ пухура каланӓ сӓмах) / Ю. М. Артемьев // «Нарспи» поэмӓн вӓрттӓнлӓхѣ тата XX ѣмѣрти чӓваш культуры: конф. материалѣсен пуххи. – Шупашкар, 2010. – 5–11 с.
301. Артемьев, Ю. М. Ёмѣр пуҗламѣшѣ : (1900–1917 җулсенчи чӓваш литература историйѣн очеркѣ) / Ю. М. Артемьев. – Шупашкар : Чӓв. кѣн. изд-ви, 1996. – 295 с.
302. Артемьев, Ю. М. XX ѣмѣр пуҗламӓшѣнчи чӓваш литературы (1900–1917 җҗ.) / Ю. М. Артемьев. – Шупашкар : ЧНТИ, 1992. – 254 с.
303. Асамат, С. Нарспи вӓрттӓнлӓхѣ / С. Асамат. – Хыпар. – 2005. – 15–17 җѣртме.
304. Афанасьев, П. Чӓваш поэтне – Франци Академин премине / П. Афанасьев // Коммунизм ялавѣ. – 1972. – 15 җѣртме.

305. Венгри поэчĕсем. XV–XX ĕмĕрсем / пухса хатĕрлекенĕ Г. Айхи. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1974. – 271 с.
306. Ганиева, Р. К. Тукайнын ижат методы (романтик тенденциялĕр эволюциясене карата) / Р. К. Ганиева // Татар эдэбияты мĕсьĕлĕлĕре. – Казан, 1972. – Б. 51–72.
307. Григорьев, Н. Тимлĕ тишкерÿ / Н. Григорьев // Тăван Атăл. – 1982. – 11 №. – 70–71 с.
308. Григорьев, Н. Тарăн тишкерÿ / Н. Григорьев // Ялав. – 1986. – 5 №. – 30–31 с.
309. Григорьев, П. Г. Никита Яковлевич Бичурин : пурнăçĕпе наука ĕçĕсем çинчен сырнă кĕске очерк / П. Г. Григорьев. – Шупашкар : Чăвашгосиздат, – 1954. – 52 с.
310. Григорьев, П. Г. Спиридон Михайлович Михайлов / П. Г. Григорьев. – Шупашкар : Чăвашиздат, 1960. – 56 с.
311. Димитриев, В. Фронт çулăмĕ витĕр тухнă автора «хĕнемелле-ши?» / В. Димитриев // Хыпар. – 2009. – 14 юпа.
312. Димитриев, В. Д. Чăвашсен иртнĕ пурнăç шăпи тата наци аталанăвĕн паянхи çивĕч ыйтăвĕсем / В. Д. Димитриев. – Шупашкар : Чăв. ун-чĕн изд-ви, 2001. – 25 с.
313. Егоров, В. Г. Айхи Шупашкарта / В. Егоров, В. Чекушкин // Тăван Атăл. – 2009. – 8 №. – 3–24 с.
314. Иванов, А. Идеологи ĕçне çÿлĕ пусăма çĕклер / А. Иванов // Ялав. – 1962. – 2 №. – 2 с.
315. Иванов, И. Кашни кĕнекен хайĕн шăпи / И. Иванов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1980. – 151 с.
316. Иванов, И. Халăх чунĕ / И. Иванов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1972. – 151 с.
317. Иванов, К. Çырнисен пуххи = Собрание сочинений / К. Иванов. – Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1957. – 459 с.
318. Иванов, Н. Ирĕклĕ сăвă / Н. Иванов // Тăван Атăл. – 1973. – 12 №. – 69–75 с.
319. Иванов, Н. Мĕн вăл тоника? / Н. Иванов // Ялав. – 1975. – 7 №. – 26–27 с.; 10 №. – 31–32 с.
320. Иванов, Н. Чăваш саври / Н. Иванов // Тăван Атăл. – 1975. – 9 №. – 74–80 с.
321. Иванов, Н. Чăваш сăвă чĕлхи / Н. Иванов // О чувашской литературе : сб. ст. / НИИ яз. лит. истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1977. – Вып. 77. – С. 84–95.
322. Иванов, Н. И. Чăваш халăх сăвăçи Петĕр Хусанкай / Н. И. Иванов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1978. – 64 с.
323. Иванов, Н. И. Чăваш сăвви : историйĕпе теорийĕн ыйтăвĕсем / Н. И. Иванов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1977. – 160 с.

324. Иванов, Н. Поэзи сипечё / Н. Иванов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1982. – 110 с.
325. Канюков, В. Я. Николай Васильевич Шупуҫҫынни : пурнăҫёпе пултарулаҫхё ҫинчен / В. Я. Канюков. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1977. – 61 с.
326. Канюков, В. Я. Писатель асталăхё : ст. очерксем / В. Я. Канюков. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1986. – 176 с.
327. Кăвар чёре : Ҫеҫпёл Мишши ҫинчен аса илнисем / В. А. Долгов пухса хатёрленё. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1979. – 180 с.
328. Кипеч, А. Эсё «Нарспи» поэмăна вуланă-и? / А. Кипеч. – Шупашкар : [б. и.], 2006. – 200 с.
329. Кириллов, К. Хальхи литература тата ҫенетү / К. Кириллов // Тăван Атăл. – 1988. – 3 №. – 52–58 с. – («Ҫавра сётел» хăнисем: Г. Хлебников, М. Ставский, Н. Терентьев, К. Кириллов, П. Львов, В. Родионов, Л. Волков, Г. Федоров, В. Игнатьев).
330. Кириллов, К. Д. «Айтар» драмăн малтанхи варианчё / К. Д. Кириллов // Чăваш литератури: поэтикăпа стиль ыйтăвёсем : ст. пуххи. – Шупашкар, 1989. – 85–111 с.
331. Кириллов, К. Д. Кётетпёр, ёненетпёр / К. Д. Кириллов // Ялав. – 1987. – 2 №. – 30 с.
332. Кириллов, К. Д. Драма чăнлăхё / К. Д. Кириллов // Тăван Атăл. – 1987. – 9 №. – 57–68 с.
333. Комиссаров (Вантер), Г. И. Чăваш халăхё малалла кайё-ши, каймё-ши? / Г. И. Комиссаров // Ялав. – 1988. – 10 №. – 4–9 с.
334. Комиссаров, Г. И. Чăваш фольклорёпе литература вёрентёвё / Г. И. Комиссаров // Чăваш халăх сăмахлăхё : тёпчевсемпе текстсем. – Шупашкар, 1989. – 6–45 с.
335. Константин Иванова аса илеҫҫё / Г. Ф. Юмарт пухса хатёрленё. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1990. – 271 с.
336. Кузнецов, И. Истори тёрёслёхёпе пурнăҫри чăнлăх : ст. пуххи / И. Кузнецов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1986. – 184 с.
337. Кузнецов, И. Чăваш культурипе литературин хăш-пёр ыйтăвёсем тавра / И. Кузнецов. – Шупашкар : Чăв. патш. изд-ви, 1961. – 196 с.
338. Кузнецов, И. Чăваш литературине – мал ене / И. Кузнецов // Тăван Атăл. – 1958. – 4 №. – 83–90 с.
339. Кузнецов, И. Литературăн нациллё форми ҫинчен / И. Кузнецов // Тăван Атăл. – 1963. – 3 №. – 81–89 с.
340. Кузнецов, И. Д. Саманапа литература : критикăпа публицистика / И. Д. Кузнецов. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 1977. – 192 с.

341. Митта, В. Ырнисен пуххи. 2 т.: Очерксемпе калавсем, кушарусем, статьясемпе рецензисем, ырусем, кун кёнеки, документсем / Митта Ваҗлейё. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 2005. – 511 с.
342. Митта Ваҗлейё. Пурнаҗёпе пултарулаҗхё / пухса хатёрлекенё Г. Юмарт. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1974. – 176 с.
343. Нуруллин, И. З. Реализм турында / И. З. Нуруллин. – Казан : Татар. кит. нӑшр., 1974. – 93 б.
344. Петёр Хусанкай : ст. пуххи / [редкол.: В. Г. Родионов (явапла ред.) т. ыт. те]. – Шупашкар : ЧГАИ, 1988. – 99 с.
345. Пушкин, В. Н. Кам-ши вӑл Нарспи? / В. Н. Пушкин // Тӑван Атӑл. Ялав. – 2000. – 1 №. – 41–42 с.
346. Расул Гамзатов сӑввисем / П. Хузангай кушарна // Тӑван Атӑл. – 1963. – 3 №. – 23 с.
347. Революциченхи чӑваш литератури (XX ёмёрчен) : ушкӑнна ырна монографи. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1989. – 302 с.
348. Революциченхи чӑваш литератури : кушарусемпе ырӑсла ырнисем : текстсем. 2 т., 2-мёш кӑн. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 2001. – 527 с.
349. Революциченхи чӑваш литератури : текстсем. 1 т. (XX ёмёрчен). – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1984. – 459 с.
350. Революциченхи чӑваш литератури : текстсем. 2 т., 1-мёш кӑн. (XX ёмёр пусламӑшё). – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1988. – 432 с.
351. Родионов, В. Вӑхӑт тивёсё / В. Родионов // Тӑван Атӑл. – 1988. – 4 №. – 49–53 с.
352. Родионов, В. «Пирён телей» сӑва тата унан авторё / В. Родионов // Тӑван Атӑл. 1996. – 12 №. – 64–66 с.
353. Родионов, В. Кёнекесем хёнпе тухатчёс / В. Родионов // Хыпар. – 1993. – Ырла, 10.
354. Родионов, В. Г. Сӑва. Сӑмах. Сӑнар : тёрлё җулсенче ырнисем / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чӑв. патш. ун-чён изд-ви, 2007. – 468 с.
355. Родионов, В. Кам-ши вӑл Милли? / В. Родионов // Коммунизм ялавё. – 1989. – Август, 13.
356. Родионов, В. Рсай – психологи ӑсти / В. Родионов // Хыпар. – 2006. – Кӑрлач, 31.
357. Родионов, В. Тутар-Пушкарт Республики җинчен / В. Родионов // Хыпар. – 1993. – Кӑрлач, 13.
358. Родионов, В. Чӑваш халах поэчё Җемен Элкер [Җ. Элкерён «Җыру», «Хам – чӑваш, ачасем – ырӑс» хайлавёсем пирки] / В. Родионов // Пионер сасси. – 1989. – Җу, 1.
359. Родионов, В. Чёлхе шӑпи канӑҗ палан [Җ. Элкерён «Чӑваш йышё хӑвӑрт ирёлет» статйи пирки] / В. Родионов // Коммунизм ялавё. – 1989. – Җу, 1.

360. Родионов, В. Ҷәнәләх-и е традицие аталантарниех? / В. Родионов, А. Хусанкай // Таван Атәл. – 1982. – 2 №. – 58–62 с.
361. Родионов, В. Хусанкай халаләсем / В. Родионов, А. Хусанкай // Петәр Хусанкай : ст. пуххи. – Шупашкар, 1988. – 81–98 с.
362. Родионов, В. Г. Чаваш литература вѣрентѣвѣн малтанхи утәмәсем / В. Г. Родионов // Чаваш литератури: поэтикапа стиль ыйтәвәсем : статьясен пуххи. – Шупашкар, 1989. – 5–21 с.
363. Родионов, В. Г. Чаваш литератури (1917–30-меш җулсем) / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чав. патш. ун-чән изд-ви, 2005. – 352 с.
364. Родионов, В. Г. Чаваш литератури (XIX әмәрән иккәмеш җурри) / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чав. патш. ун-чән изд-ви, 2002. – 248 с.
365. Родионов, В. Г. Чаваш литератури (XVIII–XIX әмәрән пәрремеш җурри) / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чав. патш. ун-чән изд-ви, 1999. – 171 с.
366. Родионов, В. Г. Чаваш саввипе чәлхи җинчен (поэзии формине шырани) / В. Г. Родионов // Савя. Самах. Сәнар : тәрлә җулсенче җырнисем. – Шупашкар, 2007. – 27–38 с.
367. Родионов, В. Г. Игнатий Иванов : пултарулаһ портречә, җырнисем / В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чав. патш. ун-чә, 2001. – 80 с.
368. Родионов, В. Г. Илле Тәхти пурнәҗәпе пултарулаһә / В. Г. Родионов // Суйласа илнисем / Илле Тәхти. – Шупашкар, 2009. – 5–31 с.
369. Сидорова, Е. С. «Ентә җил җаврәнәтә, җил җаврәнәтә...» [«Эмине юррисем» җинчен] / Е. С. Сидорова // Чаваш литературоведенийән ыйтәвәсем. – Шупашкар, 1978. – 104–113 с.
370. Сироткин, М. Я. Таван литаратура : хрестомати : 6 кл. валли / М. Я. Сироткин. – Шупашкар : Чав. патш. изд-ви, 1944. – 325 с.
371. Сироткин, М. Я. Чаваш литератури : хрестомати : 6 кл. валли / М. Я. Сироткин. – Шупашкар : Чав. патш. изд-ви, 1936. – 161 с.
372. Скворцов, Ю. И. Җын ашши / Ю. И. Скворцов. – Шупашкар : Чав. кән. изд-ви, 1969. – 197 с.
373. Скворцов, Ю. Җул юлташә : калавсемпе повеҗсем / Ю. Скворцов. – Шупашкар : Чав. кән. изд-ви, 1975. – 184 с.
374. Ҷамрәкләхпа әсталәх : Ҷамрәк критиксем җырнә статьясен пуххи. – Шупашкар : Чав. кән. изд-ви, 1982. – 128 с.
375. Ҷәспел, М. Җырнисен пуххи / М. Сеспель. – Шупашкар: Чавашгосиздат, 1959. – 355 с.
376. Ҷәспел, М. Сырнисен пуххи = Собрание сочинений / Ҷәспел Мишши. – 2-е меш, хушша турлетне клр. – Шупашкар : Чав. кән. изд-ви, 1989. – 525 с.
377. Таван Атәл. – 1988. – 10 №. – 72 с. [Ҷамрәксен номерә].

378. Таван сасәсем / П. Хусанкай пухса хатёрленё тата кусарнә. – Шупашкар : Чāv. патш. изд-ви, 1954. – 223 с.
379. Тимаков, В. Аслә ҫыхәну : сāvәсем / В. Тимаков. – Шупашкар : Чāv. кән. изд-ви, 1974. – 54 с.
380. Тинехпи, П. М. Чāvаш историйё ҫинчен кёскен каласа кәтартни. Малтанхи пайё. Тёп историйён йёрёсем / П. М. Тинехпи. – Шупашкар : Чāv. патш. изд-ви, 1928. – 121 с.
381. Ухсай, Я. Константин Васильевич Иванов : биографилле очерк / Яккāv Ухсай. – Шупашкар : Чāv. патш. изд-ви, 1940. – 84 с.
382. Федоров, Г. И. Иван Мучи пултарулаҳё тата чāvаш литературинчи кулашән илемлё хайне евёрлөхё / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чāv. патш. ун-чё, 2001. – 60 с.
383. Федоров, Г. И. Илемлё сәнарлаҳ тымарёсемпе хунавёсем : 2008 ҫулхи проза / Г. И. Федоров // Таван Атәл. – 2009. – 6 №. – 3–10 с.
384. Федоров, Г. И. Сәнарла сәмах шыравё : тёпчев ёҫё / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чāv. кән. изд-ви, 1996. – 224 с.
385. Федоров, Г. И. Чāvаш литератури (1945–1985 ҫулсем) : вёренү пособиё / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чāv. патш. ун-чён изд-ви, 2004. – 516 с.
386. Федоров, Г. И. Чāvаш литератури : вёренү кән. : вәтам шк. 11-мёш кл. валли / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чāv. кән. изд-ви, 2003. – 272 с.
387. Федоров, Г. И. Чāvаш литератури : хрестомати : вәтам шк. 11-мёш кл. валли / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чāv. кән. изд-ви, 2007. – 447 с.
388. Федоров, Г. И. Чāvаш литературин сәнарла пуллев теорийё: методика кәтартәвёсем / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чāv. патш. ун-чён изд-ви, 1994. – 88 с.
389. Федоров, Г. Леонид Агаков: сәнарла пултарулаҳ ҫулё-йёрё [Чāvаш литературин теориллё историйё енчен хак пама сёмленни] / Г. Федоров. – Шупашкар : Ҫёнё вәхәт, 2010. – 60 с.
390. Федоров, М. Производенисен формәлаҳё / М. Федоров // Литература еткерё : 1991 : тёпчевсемпе текстсем. – Шупашкар, 1991. – 68–74 с.
391. Франци поэчёсем / французларан Г. Айхи кусарнә. – Шупашкар : Чāv. кән. изд-ви, 1968. – 296 с.
392. Халит, Г. М. Кешегә нәм чынлыкка мэхэббәт белән / Г. М. Халит. – Казан : Татар кит. нәшр., 1975. – 375 б.
393. Харитонов, Н. Айхисемпе Юмартсене камсем тустарнә? / Н. Харитонов // Капкән. – 2002. – 6 №. – 12 с.
394. Хлебников, Г. Меслетпе әсталәх : статьясен пуххи / Г. Хлебников. – Шупашкар : Чāv. кән. изд-ви, 1984. – 253 с.

395. Хлебников, Г. Пултарула̄х т̄шши : статьясем. / Г. Хлебников. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1981. – 144 с.
396. Хлебников, Г. Я. Чӑваш совет литературин поэтики : малтанхи тапхӑр (1917–1922) : вӑренӗ пособийӗ / Г. Я. Хлебников. – Шупашкар : Чӑв. патш. ун-чӑн изд-ви, 1990. – 92 с.
397. Хусанкай, А. Поэзи сипечӗ / А. Хусанкай // Ялав. – 1980. – 3 №. – 24–26 с.
398. Хусанкай, П. Ҫырнисен пуххи. Пиллӗкмӗш том : публицистикапа критика статийсем : 1930-1969 / Петӑр Хусанкай. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 2005. – 478 с.
399. Хусанкай, П. Ҫырнисен пуххи. Ултӑмӗш том : куҫарусем / Петӑр Хусанкай. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 2006. – 479 с.
400. Хусанкай, П. Ирӑк ӗҫпе пултарула̄х телейӗ / Петӑр Хусанкай // Тӑван Атӑл. – 1963. – 3 №. – 74 с.
401. Чӑваш литератури: поэтикапа стиль ыйтӑвӗсем : ст. пуххи / яваплӑ редакторӗ В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1989. – 155 с.
402. Чӑваш поэзийӗн антологийӗ / А. Алка пухса хатӑрленӗ. – Шупашкар : Чӑв. АССР кӑн. изд-ви, 1962. – 576 с.
403. Чӑваш сӑввипе чӗлхе стилӗ ҫинчен : литература теорипе ҫырна ст. пуххи. – Шупашкар : Чӑв. гос. изд-ви, 1957. – 120 с.
404. Чӑваш совет литератури. – Шупашкар : Чӑваш кӑн. изд-ви, 1972. – 512 с.
405. Чӑваш халах сӑмахла̄хӗ. 6 т., 2 пайӗ: мифсемпе халапсем. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1987. – 448 с.
406. Чӑваш халах сӑмахла̄хӗ : тӑпчевсемпе текстсем / яваплӑ редакторӗ В. Г. Родионов. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1989. – 116 с.
407. Чекушкин, В. С. «Юлашки пӑлхар» поэма / В. С. Чекушкин // Чӑваш литератури: поэтикапа стиль ыйтӑвӗсем : ст. пуххи. – Шупашкар, 1989. – 128–142 с.
408. Чекушкин, В. Чун ҫулӗпе / В. Чекушкин // Ҫырнисен пуххи / Г. Н. Айхи. – Шупашкар, 2008. – 3–48 с.
409. Шупуҫҫынни, Н. Чӑвашсен илемлӗ совет литератури асла ҫул ҫинче / Н. Шупуҫҫынни // Сунтал. – 1933. – 3 №. – 3–4 с.
410. Эзенкин, В. С. Чӑваш литературоведенийӗпе критика историйӗн кӗске очеркӗ (1956–1970) / В. С. Эзенкин. – Шупашкар : Чӑв. патш. ун-чӑ, 1989. – 78 с.
411. Эйзин, П. Кӑвайт : сӑвӑсем / П. Эйзин. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1976. – 103 с.
412. Элкер, С. Хурапа шурӑ Тӑрлӗ вӑхӑтра ҫырнисем. Проза, поэзи, аса илӗсем, кун кӗнекинчен, ҫырусем, хаклавсем / С. Элкер. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1994. – 447 с.
413. Эсхель, А. Поэт кунҫулӗ : [С. В. Элкер пурнӑҫӗпе пултарула̄хӗ ҫинчен] / А. Эсхель. – Шупашкар : Чӑв. кӑн. изд-ви, 1974. – 64 с.

414. Юмарт, Г. Митта Ваҫлейӗн ҫынлӑхӗ, чӑнлӑхӗ, чунлӑхӗ / Г. Юмарт // Ҫырнисен пуххи / Митта Ваҫлейӗ. – Шупашкар, 2004. – I т. : Сӑвӑсем, поэмӑсем, куҫарусем. – С. 9–30.
415. Юмарт, Г. Ф. Малтанхи пичетленмен сӑвӑллӑ юмах-халап / Г. Ф. Юмарт // Литература еткерӗ : 1991 : тӗпчевсемпе текстсем. – Шупашкар, 1991. – 82–110 с.
416. Юмарт, Г. Ф. Тивӗҫ: сӑвӑсем / Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чӑв. кӗн. изд-ви, 1969. – 71 с.
417. Юмарт, Г. Курак тӑманӗ : сӑвӑсем / Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чӑв. кӗн. изд-ви, 1971. – 32 с.
418. Яковлев, Ю. В. В. Рсайӑн прозӑри пултарулӑхӗ / Ю. В. Яковлев // Чӑваш литератури : поэтикӑпа стиль ыйтӑвӗсем : ст. пуххи. – Шупашкар, 1989. – 61–84 с.
419. Яковлев, Ю. В. Хумма Ҫеменӗн прозӑри пултарулӑхӗ пирки / Ю. В. Яковлев // Литература еткерӗ : 1991 : тӗпчевсемпе текстсем. – Шупашкар, 1991. – 40–61 с.
420. Ялав. – 1988. – 10 №. – 32 с. [Ҫамрӑксен номерӗ].
421. Aïgui, G. Préface / Guennadi Aïgui // L'oeil des champs : Anthologie de la poésie tchouvache. Circé. – UNESCO, 1996. – P. 7–31.